

Мюррей Лейнстер

Библиотека англо-американской классической фантастики

ЧУЖИЕ ЗВЁЗДЫ

Мюррей
Лейнстер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЧУЖИЕ ЗВЁЗДЫ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ЧУЖИЕ ЗВЁЗДЫ

Мюррей Лейнстер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

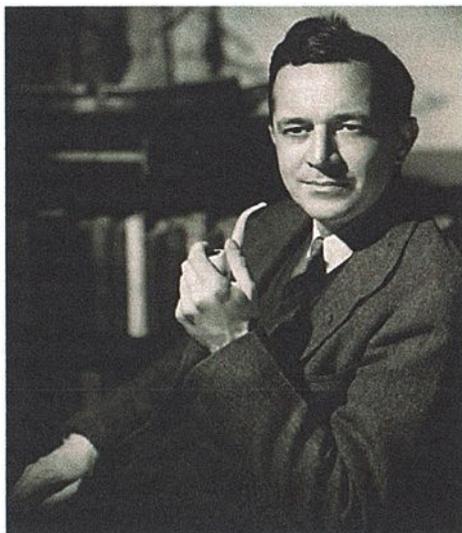

«БААКФ»
2014

БААКФ-1 (2014)

Мюррей Лейнстер. ЧУЖИЕ ЗВЁЗДЫ.
Сборник фантастики о полетах на другие планеты.

Составитель и переводчик Андрей Бурицев

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Лейнстер, Мюррей (Leinster, Murray), псевдоним, наст. имя Дженкинс Уильям Фитцджеральд (1896 – 1975)

Американский писатель, дебютировал в НФ рассказом «Сбежавший небоскреб» в 1919 году под именем Уилл Ф. Дженкинс, однако в анналы НФ он вошел именно как Лейнстер. В 1945 г., когда он публикует «Первый контакт». Затем следуют такие рассказы и небольшие повести, как «Светопреставление откладывается» (1949 г. как Дженкинс), «Одинокая планета» (1949 г.) и наконец – «Отряд исследователей» (1956 г.), получивший «Хьюго-56», а затем ставший частью романа «Колониальная служба» (1955-56 гг., вариантное название «Исследователь планеты»). С этого времени Лейнстер больше внимания уделяет масштабным формам, а как раз они у него по общему признанию критики менее значительны. Например: наиболее популярный сериал «Медицинская служба» наполовину состоит из сборников рассказов. И еще: ставший классическим рассказ Лейнстера «Безумная планета» (1920 г.) постоянно переделывался и дополнялся автором до романа «Забывтая планета» (1954 г.), однако наиболее

удачной считается самая первая публикация.

Но если с 1945 года Лейнстер получил всеобщее признание, то это еще не значит, что до этого времени он был никому неизвестен и неинтересен. Напротив, за 1920-1930-е годы он написал множество произведений, в основном, повестей и рассказов, – среди них даже несколько циклов, – которые, впервые выйдя в журналах, неоднократно переиздавались потом в книгах.

Все свое творчество Лейнстер был необыкновенно разнообразен. Он не только писал в разных жанрах и формах, но и одну тему мог подать разнообразно и с каждым новым произведением на нее находил оригинальные грани и повороты сюжета. В данный сборник вошли три повести как раз на одну тему, а именно – кораблекрушение и робинзоада на планетах далеких звезд. И все три повести, на мой взгляд, совершенно отличаются друг от друга: разные планеты, разные обстоятельства аварий, разные герои и разные способы выхода из ситуации. Схожими моментами во всех трех вещах является наличие любимых женщин главных героев – ну, куда от нее денешься, от любви-то, она и на других звездах достанет! И все три вещи написаны прекрасно, а читать их – просто наслаждение. По крайней мере, таково мое мнение, иначе бы я не стал браться за их перевод.

Андрей Бурцев

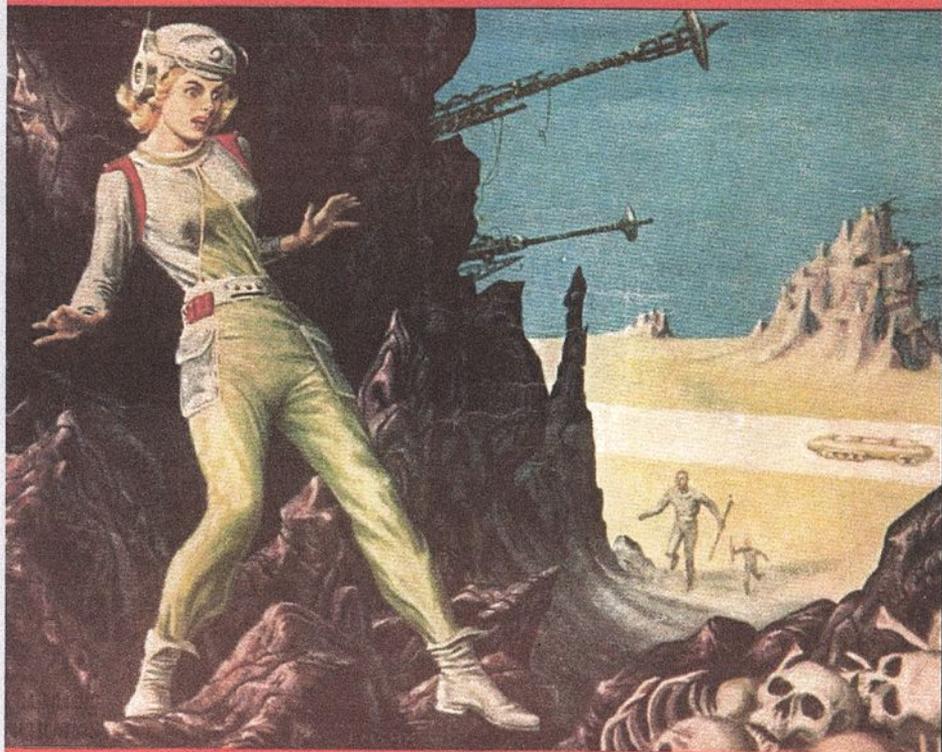
3 GREAT SCIENCE FICTION MAGAZINES IN ONE

STARTLING STORIES

SUMMER 25c

MC
DAR

COMBINED WITH THRILLING WONDER AND FANTASTIC STORY

Featuring Three Complete Science Fiction Novelets

WHITE SPOT by Murray Leinster • **AWAKENING** by Bryce Walton

AN APPLE FOR THE TEACHER by Robert F. Young

БЕЛОЕ ПЯТНО

I

ПЛАНЕТА не выглядела многообещающей, но выбора у них не было. Когда в пути ломается двигатель звездолета, его необходимо чинить. А если приходится заменять металлические детали, исправлять механизмы, вручную перетягивать и изолировать проводку, то работа может занять много месяцев. А даже если она закончена, то на возвращение может потребоваться еще много месяцев полета с двигателем, который барахлит, кашляет и то и дело требует дополнительного ремонта. Поэтому путешественники должны найти какие-нибудь способы пополнения запасов продовольствия.

Именно на такие случаи Межзвездный Кодекс требует, чтобы на всех кораблях был неприкосновенный запас семян и сельскохозяйственных пособий.

Поэтому «Даная» поковыляла к ближайшей звезде, похожей на Солнце, чтобы найти планету, где можно было посадить зерно и потом собрать урожай. На борту был Борден с женой Эллен. Сэттелл, с которым они с радостью расстались бы по возвращении домой. И был Джерри, застенчивость которого проела всем печенки, хотя он и был еще очень молод. Все они собрались перед видеоэкраном, когда корабль приблизился к единственно возможной для существования планете.

— Пятьдесят миллионов миль от светила, — сообщил Борден. — Немного горячо на дневной стороне. Но звезда меньше Солнца, так что одно компенсирует другое. По крайней мере, на планете есть полярные шапки — правда, маленькие.

— Никаких морей, — отозвался Сэттелл. — Почти что бесплодна.

Другие ничего не сказали. Планета не выглядела обнадеживающей.

«Даная», тем временем, вышла на спиральную орбиту. Борден поискал другие планеты и нашел быстро вращающийся газовый гигант, сильно приплюснутый и уж явно не подходящий. Тогда Борден осмотрел полярные шапки на первой планете и встревоженно сказал:

— Если эклиптика такова, как я думаю, то здесь нет никаких смен сезонов. Я надеюсь, что на планете царит рав-

White Spot

There was only one possible planet to land on . . .

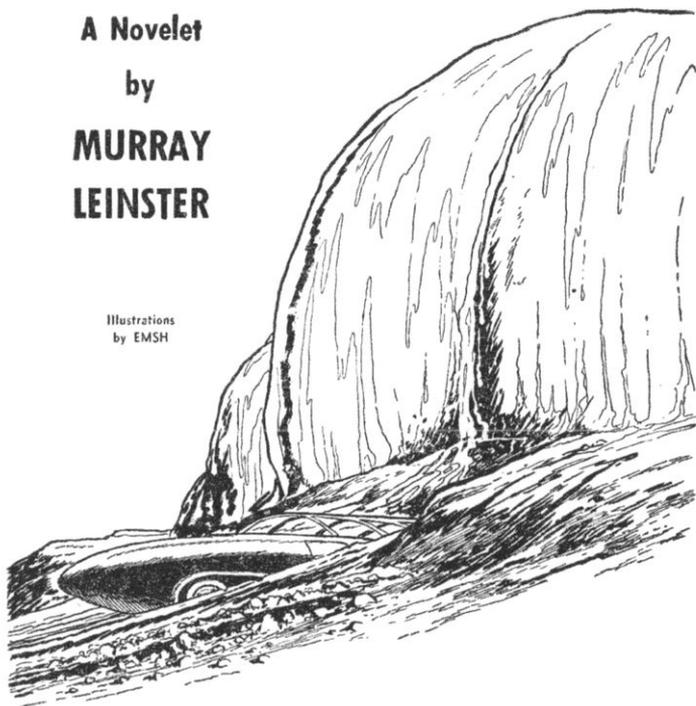
and it had a strange white spot that turned silver,

burst into flame and brought a burning blackness. . . .

A Novelet
by
**MURRAY
LEINSTER**

Illustrations
by E.M.S.H.

ноденствие, потому что полярные шапки очень уж одинаковые.

— Мне кажется, я вижу что-то оливково-зеленое вокруг того ледяного покрова, который чуть меньше, — возбужденно сказала Эллиен.

— Наверное, растительность, — согласился с ней муж. — Но кроме этого, я ничего не вижу. Наверное, большая часть планеты покрыта пустыней.

Корабль по очень пологой спиральной орбите постепенно приближался к атмосфере.

— А вон там может быть лед? — внезапно спросил застенчиво Джерри.

ПОСРЕДИ северного полушария песчаного цвета действительно было белое пятно. Невооруженным глазом оно выглядело не больше булавочной головки. Бор-

ден навел на него телескоп. Они как раз проходили то место, где день превращался в ночь.

Солнечный свет падал на белое пятно почти что плашмя. Если это пятно было вечными снегами на вершинах гор, то горы должны отбрасывать тени. Но Борден не увидел возле него никаких теней. Машинально он включил телекамеру, прежде чем бросил пытаться разобраться, что это за пятно.

– Что-то я сомневаюсь насчет снега, – сказал он. – Не знаю, что это такое.

– Но вы же можете высказать какие-нибудь предположения, – сказал Сэттелл с той тщательно продуманной вежливостью, которая всем действовала на нервы.

– Не могу, – коротко ответил Борден.

Корабль перешел на темную сторону планеты и погрузился в тень.

Они продолжали наблюдать долгие часы, пытаясь увидеть какие-нибудь огоньки. Но не было ничего подобного. Когда они вышли к солнечному свету, то были уже гораздо ниже.

Теперь они видели, что поверхность планеты представляет собой беспорядочно разбросанные дюны и кое-где каменные россыпи. Они прошли три четверти пути над дневной стороной, когда снова увидели белое пятно. На этот раз они уже были на высоте четырехсот-пятисот миль и могли оценить его размеры.

Пятно было триста миль длиной, протянувшись с севера на юг, и от пятидесяти до семидесяти пяти миль в ширину. От него бежали тонкие, как волосы, линии, удивительно прямые и тоже протянувшиеся с севера на юг. Они были очень, очень тонкие, а все пятно – белым. Поскольку корабль находился между ним и солнцем, то его тень должна была пройти по нему.

Внезапно белое пятно изменилось. Только что все оно было белым, а через секунду часть его стала серебряной. И

это серебристое нечто быстро распространялось с легкой рябью, пока все пятно не стало серебристым.

И вдруг оно вспыхнуло.

Раздался сигнал тревожного гонга. Тут же экраны отключились, и все стало черным. Затем на корабле зажглись лампы, показавшиеся желтыми и тусклыми.

Все молчали.

Экраны были черными. Двигатели, конечно, прекратили работать. Корабль окутался силовым полем, через которое ничто не могло проникнуть, но для этого требовалась масса энергии. И ее потребление оказалась настолько большим, что аварийные огни были лишь тускло-красными пятнышками.

Экраны были черными пять ударов сердца, во время которых все застыли.

Затем экраны снова включились. И они увидели планету. Белое пятно снова было просто белым, без малейших признаков пламени. Но пока они смотрели, по нему блестящей рябью вновь покатилося нечто серебряное, а потом люди словно заглянули в горнило солнца прежде, чем защитное поле отключило видеозкраны. Они снова стали черными.

Корабль мчался в пустоте. Он был слепым и беспомощным.

Борден повернул аварийную лампу так, чтобы взглянуть на приборы. Стрелка указателя мощности стояла на максимуме. Силовой экран не мог забрать столько энергии. Где-то в электропроводке корабля было короткое замыкание. А значит, провода неизбежно нагревались и в любой момент могли вспыхнуть.

Пальцы Бордена стремительно носились по клавиатуре, пока он уводил корабль в сторону, чтобы можно было отключить силовое поле.

Он последний раз щелкнул выключателями и стал ждать, бусинки пота покрывали его лоб. Что-то ударило «Даная»

энергетическим лучом. У него была такая мощь, что за четыре секунды этот луч мог испепелить корабль.

Когда луч исчез, силовые экраны отключились. Но тут же «Даная» снова обнаружили и второй раз использовали то же планетарное оружие. Теперь «Даная» ушла в сторону, но если ее обнаружат в третий раз, то проводка может не выдержать и поле отключится, когда еще не исчезнет энерголуч.

ВСЕ ПРОШЛО гладко. Щелкнуло реле, отключая поле. Освещение на корабле вспыхнуло на максимальной яркости. Взгляд Бордена тут же метнулся к приборам. Указатель энергоресурсов стоял на нуле. Датчик резервной энергии стоял на такой низкой цифре, что Бордена вновь пробил пот.

Экраны корабля оставались черными. Любой вид энергии, достигший снаружи корабля, был бы нейтрализован. Даже свет не отражался. Все известные землянам приборы показали бы, что «Данай» вовсе не существует.

В настоящий момент «Даная» снижалась, можно сказать, падала по пологой дуге. Она не могла включить двигатели, чтобы не обнаружить себя. словно каракатица, выпустившая чернильное облако, она спряталась, поглощая все внешние виды энергии.

– Ди, что случилось? – дрожащим голосом спросила Эллен Борден мужа.

– Что-то ударило нас высокотемпературным лучом, – сказал Борден и вытер, наконец, со лба пот. – Мы чуть было не превратились в облачко раскаленного газа. Хорошо, что вовремя сработал защитный экран. Когда луч исчез, экран отключился. И мы тут же получили второй удар! Но теперь все в порядке. По крайней мере, нас, кажется, больше не видят. Так что мы будем жить, пока не упадем.

– И через сколько времени этот произойдет? – неожиданно тонким голосом спросил Сэттелл.

– Я не знаю силы тяжести на этой планете, – ответил ему Борден, – но понадобится какое-то время, чтобы упасть с высоты в четыреста миль. У нас также есть кое-какая скорость. Конечно, ее недостаточно, чтобы выйти на орбиту, но все же она поможет. Я хочу кое-что прикинуть...

Он повернулся в кресле к пульту управления и забегал пальцами по клавишам компьютера. Белое пятно. Оно стало серебристым, а затем запылало. Почему? Какое количество энергии нужно, чтобы «нагреть луч»? Никто не мог предугадать, что на корабле существует опасность короткого замыкания. Но защитному полю пришлось нейтрализовать сотни мегаватт чистой энергии.

Это количество было диким и несуразным. Почему все пятно вспыхнуло белым пламенем? Триста миль в длину, шестьдесят в ширину... Даже если...

Компьютер защелкал.

– Солнечная энергия, – сказал Борден, мрачняя с каждой секундой. – Расчеты верны. Ее не больше киловатта на квадратный ярд, но в восемнадцать тысячах квадратных миль очень много квадратных ярдов! На выходе мы имеем луч со звездной температурой. Если бы он был точно сфокусирован, то мы бы уже сгорели! – И тут он сказал: – Но солнечные зеркала не работают по ночам!

Он снова заработал клавишами управления, затем посмотрел на свой хронометр и стал ждать.

– Мы падаем! – пронзительно завопил Сэттелл. – Сделайте же что-нибудь!

– Еще сорок секунд, – ответил Борден. – Я рискую вашей жизнью, Сэттелл, но также своей и жизнью Эллен, не говоря уж о Джерри. Так что успокойтесь.

Он не отрывал глаз от прибора, показывающего оставшуюся энергию, расходующуюся на нейтрализацию солнечного света, света звезд и отраженного света на дневной поверхности планеты, который достигал корпуса корабля. Когда они пересекут терминатор планеты – линию, отделя-

ющую дневную сторону от ночной, – расход энергии должен резко снизиться.

Так и произошло. Они вошли в тень планеты. Оказались на ночной стороне.

Борден тут же включил все приборы и первым делом взглянул на радар. Они были еще на высоте шестидесяти миль, но падали с большой скоростью. Борден заиграл клавишами управления. Вверх! Двигатели на полную мощность! Переход на новый курс!

– Мы не упадем, – спокойно сказал он, – если в нас не пальнут чем-то, что работает в темноте. Но странно все это с солнечными зеркалами. При определенных размерах они экономически выгодны. Но как только становятся слишком большими, за те же деньги можно создать лучшее оружие. В полной безопасности мы будем, когда очутимся над полярной шапкой. В полярных регионах нельзя установить солнечные зеркала!

– Они попытались нас убить! – задыхаясь, воскликнул Сэттелл. – Им не нравятся чужаки! Они выстрелили в нас без предупреждения! Мы не можем садиться на эту планету! Надо улетать отсюда!

– К вашему сведению, – ответил ему Борден, – у нас нет топлива, чтобы продолжать полет. И нам нужны запасы провизии. К тому же, как вы должны помнить...

И тут смолкли двигатели. Они были повреждены и отремонтированы вручную, со всеми вытекающими отсюда недостатками. После ремонта они нормально проработали целых три дня, но потом замолкали четыре раза в течение часа.

Их необходимо запустить. Сейчас корабль летел на высоте сорок миль. Если двигатели запустятся, они останутся жить. Если же нет – погибнут.

Через шесть долгих секунд двигатели все же заработали. Через десять минут они снова отключились на пару секунд. А полчаса спустя они стали зловеще икать, что

предвещало окончательный отказ, но все же продолжали работать.

Не очень-то приятно было летать над планетой, которую они не могли покинуть, с двигателями, грозившими вот-вот окончательно отказать, учитывая, кроме того, что нечто на планете, используя солнечные зеркала, пытается сжечь «Данаю» без всяких переговоров. Очевидно, у четверых человек в маленьком суденышке был выбор – погибнуть на планете или в космическом пространстве.

Им было нужно продовольствие, им было нужно топливо. Но прежде всего, если планета действительно населена, им нужно подружиться с ее обитателями, хотя, скорее всего, это не получится.

Они были на высоте десяти миль, когда впереди появились первые признаки рассвета. Конечно, если бы они летели по направлению вращения планеты, то двигались бы от заката в ночь. Но они летели «против шерсти», и догнали уходящий день. Впереди, справа внизу, были серые облака.

Чуть позже они уже были на высоте пяти миль, а облака по-прежнему были под ними. И летели они уже в сумерках. На высоте двух миль двигатели «зачихали», на мгновение заглохли и опять заработали, когда у четверых в рубке управления дыхание сперло.

Багровый закатный свет солнца расползлся впереди тонкой линией. На высоте пяти тысяч футов корабль замедлил скорость уже до нескольких сотен миль в час.

И тут, как гром, грянул рассвет.

II

ПОЗАДИ СЛЕВА расстилалась пустыня, окрашенная закатом во все мыслимые оттенки желтовато-коричневого и красного цветов, с синими тенями, которые отбрасывали песчаные холмики, и с совершенно безоблач-

ным небом над головой. Впереди справа виднелись клочки чахлой растительности под розоватыми облаками, а на горизонте тянулся горный массив с ослепительными белоснежными вершинами, над которыми опять-таки тянулись облака.

Двигатели опять зачихали. Корабль стал падать вниз, точно камень. Затем двигатели заработали рывками, так что корабль затрясся, как припадный.

Борден на мгновение выключил электропитание и тут же опять включил его, пытаясь восстановить напряжение. Все почувствовали, что корабль борется с ветром, пытающимся развернуть его вверх кормой. Но тут двигатели снова заработали, и ничего не произошло – пока что ничего не произошло.

Конец наступил неожиданно. Эллен внезапно бросило на Бордена, и она уцепилась за мужа. Джерри полетел на пол и от удара потерял сознание. Сэттелл отлетел к стене рубки.

И наступила тишина.

Борден взглянул на экраны, затем со стоном поднялся и подошел к иллюминатору. Корабль лежал на земле, которая, в основном, состояла из песка. Удар расплескал его во все стороны. Но это не был песок пустыни. Он был влажный. А дальше, за краем вырытой кораблем воронки, лежала ковром растительность. Она походила на траву, но явно не являлась ею.

Поблизости росло что-то зеленоватое, похожее на кактус без колючек. Он был покрыт чем-то шелковистым, как пух. Немного дальше Борден увидел три-четыре растения, напоминающие чахлые деревца без коры.

Темнело. Вдалеке появилась какая-то белая дымка, а небо было затянуто облаками. Все отбрасывало длинные тени. Неподалеку должно было находиться начало ледяной шапки, и действительно, казалось, что где-то поблизости

лежит снег. Но в иллюминаторе на противоположном борту корабля было видно начало пустыни.

– Вот мы и сели, – с облегчением сказал Борден. – Теперь мы должны узнать, заметил ли кто-нибудь наше приземление, и если заметил, то станут ли нас убивать или захотят подружиться.

– Вы должны дать мне оружие, Борден! – воскликнул Сэттелл. – Черт побери, не можете же вы оставить меня безоружным на враждебной планете!

– Мне бы хотелось иметь четыре ружья вместо трех, хотя, если дело дойдет до боя, то и четыре пушки не помогут против всей планеты. Но я не могу рисковать, дав вам что-нибудь опасное, – сказал Борден.

Сэттелл заскрипел зубами.

– Можно мне проверить воздух, сэр? – извиняющимся тоном спросил Джерри.

Борден кивнул. Он утомленно, нахмурившись поглядывал на Сэттелла, пока Джерри готовил пробы. Положение их было неважно, но и Сэттелл тоже был весьма неприятен.

Еще два месяца назад, когда они ремонтировали двигатель, Борден услышал полузадушенный крик Эллен, побежал на ее зов и увидел, что она отбивается от Сэттелла.

Появление Бордена, разумеется, положило конец этой борьбе, и Сэттеллу пару недель пришлось провести в койке, прежде чем он снова начал передвигаться самостоятельно. Но Борден не мог убить Сэттелла тогда, не мог убить его и сейчас. А вот Сэттелл вполне мог кого-либо прикончить, если бы только у него появилась такая возможность.

– Черт побери, Сэттелл, – мрачно сказал Борден. – Если бы я не думал, что ты подлая крыса, то мог бы договориться с тобой, чтобы мы забыли наши разногласия до возвращения домой. Но я не думаю, что на твое слово можно положиться.

Сэттелл что-то проворчал в ответ и отвернулся. Джерри поднял глаза от анализатора внешней атмосферы. В атмосфере оказались в достаточном количестве кислород и озон, не было ни следа хлора и серы, имелись незначительные примеси магния, а также углекислый газ. Еще был остаток, не реагирующий на реактивы, — очевидно, благородные газы.

— Кажется, все в порядке, сэр, — сказал Джерри. — Если разрешите, я пойду в шлюз и сам испробую воздух. Можно, сэр?

— Если только Сэттелл не захочет вызваться добровольцем, — отозвался Борден. — Я бы изменил мнение о вас, Сэттелл, если бы вы вызвались добровольцем для первой вылазки.

— О, да! — пронзительно рассмеялся Сэттелл. — Я выйду из корабля на враждебную планету, а вы улетите и оставите меня! Даже если вы не сможете покинуть планету, то что помешает вам отлететь на десять тысяч миль. Вы же хотите сделать это!

— Имейте в виду, — заметил Борден, — это сказали вы... Хорошо, Джерри, я разрешаю.

— Есть, сэр, — воскликнул Джерри и вышел из рубки.

Они услышали, как открылась внутренняя дверь шлюза.

— Самое разумное будет запереть вас, пока корабль находится на планете, — с нажимом сказал Борден. — Я не могу оставить на вас корабль. Вы сами сказали. Что сделали бы, если бы смогли — улетели бы подальше и оставили нас здесь.

Из динамика, соединенного со шлюзом, раздался голос Джерри.

— Мистер Борден, воздух просто замечательный! Мы не осознаем, что за дрянь консервированный воздух, пока вновь не вдохнем свежий! Великолепно, сэр! Я выхожу!

Борден кивнул Эллен. Она подошла к иллюминатору посмотреть, как Джерри делает первую вылазку на эту без-

ымянную планету безымянного солнца. Она увидела траву и какую-то штуку, напоминающую кактус, которая, естественно, не являлась им, и деревья. Потом она увидела, как на почву планеты ступил Джерри и стал оглядываться, глубоко дыша.

– По нам нанесли удар без всякого повода, – с горечью сказал позади нее Борден. – Но как раз солнечные зеркала не слишком эффективное оружие. Значит, у местных жителей нет никаких других источников энергии, кроме солнечного света. А раз так, то они не станут селиться у ледников. Если они не поймали нас радаром во время приземления, то у нас будет время сделать ремонт, вырастить себе запас продовольствия и улететь, не обнаружив свое присутствие, потому что они должны думать, что истребили нас...

– Ди! – внезапно перебила его Эллен. – Местные жители! Они увидели Джерри! Они приближаются!

БОРДЕН подбежал и взглянул через ее плечо. Сэттелл занял место у второго иллюминатора. И все устались на странный мир вокруг «Данаи».

Джерри носком башмака подцепил кусок дерна и поднял его, чтобы рассмотреть поближе. А в шестидесяти ярдах от него стояли три существа, с пристальным любопытством глядя на него.

Они были пушистыми и двуногими. Они стояли строго вертикально, как пингвины, ничуть не сгибаясь. У них были очень длинные руки, которые почти доходили до земли. С того места, где должен быть подбородок, у них росло единственное щупальце, похожее на слоновий хобот, вот только располагалось оно ниже рта. Они с явным волнением глядели на Джерри, жестикулируя друг другу руками и хоботом.

Борден шагнул к пульту управления, чтобы предупредить Джерри через внешний динамик, но тут Джерри сам увидел этих существ. И спокойно заговорил с ними.

При звуках его голоса поведение существ изменилось. Борден подумал, что это было похоже, как собака опускает уши, когда хозяин разговаривает с ней. А у существ пригладился мех на теле. Джерри снова что-то сказал, потом махнул рукой, взглянул на иллюминаторы «Данаи» и успокаивающе кивнул.

Три существа нерешительно двинулись к нему. Двое остановились примерно в сорока ярдах, а один пошел вперед. Внезапно он заизвивался, как будто в смущении, мех его пригладился еще сильнее.

Тут из-за холмика появилось четвертое существо. Оно пользовалось своими длинными руками для сохранения равновесия, как могла бы делать обезьяна, вот только обезьяны не бегают в строго вертикальном положении. А существо бежало именно так. Увидев Джерри, оно резко остановилось, уставившись на него.

Существо, подходящее к Джерри, казалось, засмуцалось еще больше. Джерри пошел ему навстречу. Когда между ними осталось лишь десять футов, существо легло на землю и повернулось на спину, потом замахало хоботом, словно выпрашивая одобрения.

Джерри наклонился и почесал пушистое тело, словно точно знал, чего оно хочет. Оба других компаньона первого существа рванулись вперед, бросились на землю, перевернулись и так же замахали хоботами, как первое. Джерри почесал и их.

Четвертое существо, которое глядело на это широко раскрытыми глазами, внезапно замахало руками и рванулось вперед. Его поспешность могла быть принята за бешенство. Как будто в ярости, оно пролетело расстояние, отделяющее его от Джерри, перевернулось в прыжке, приземлилось на спину в двух ярдах от Джерри и скользнуло к его ногам.

Когда Джерри почесал и его, оно принялось извиваться словно в исступлении. И так размахивало хоботом, будто испытывало безграничное счастье.

– Всего лишь полчаса назад что-то пыталось сжечь нас высокотемпературным лучом, – медленно проговорил Борден. – Мы приземляемся – и вот что происходит! Что же это за место такое?

III

ОНИ ВСКОРЕ поняли, что это было странное место. Климат был прохладным, но приятным.

Не было обнаружено никаких радиоволн, кроме помех от ионосферы. Однако, приборы получили ответ от области в триста миль длиной и шестьдесят шириной – белого пятна – за считанные секунды, даже за долю секунды.

Что означало электрооборудование. Которое подразумевало радиосвязь. Вот только не было никаких радиоволн, которые служили бы неоспоримым доказательством, а значит, на планете не было никакой цивилизации, способной сделать то, что произошло. И все это было какой-то бессмыслицей.

Четвертый день после приземления не принес никаких тревог, но солидная группа пушистых двуногих созданий торчала возле корабля, надеясь, что из «Данаи» выйдет кто-нибудь из людей, чтобы почесать им животы. Любой, кроме Сэттелла. Когда из «Данаи» вышел он, двуногие отпрянули и не стали к нему подходить.

– Что-то мне не спокойно, – сказал Борден Джерри. – Что-то заставило нас израсходовать почти всю энергию. То, что хватило бы кораблю на два года полета, было истрачено за восемь секунд! Мы приземляемся, и единственными здешними обитателями оказываются наши прекрасные пушистики, у которых в жизни, кажется, только одна цель – чтобы им почесали животы. Они ведут себя, скорее, как домашние животные, а не как дикие твари, а порой даже почти как люди. Может, они и есть домашние животные,

а убить нас пытались их хозяева? Во всяком случае, что вообще происходит на этой планете?

– Я начинаю немного понимать пушистиков, сэр, – скромно ответил Джерри. – Они очень умны для животных. Они хотят, чтобы я куда-то пошел с ними. И я тоже этого хочу. Можно?

– Ну, если вы думаете, что это безопасно, – сказал Борден. – У Эллен дела идут полным ходом, работает топливный синтезатор, хотя эффективнее он работал бы на экваторе. Я пытаюсь починить двигатель, но впереди еще много работы. Если другие жители планеты не отыщут и не убьют нас, то все будет в порядке. Но если они отыщут нас, то не будет иметь значения, что вы сделаете. Идите, если вам так хочется, только действуйте в пределах разумного. Мне жаль, что я не могу отправить с вами Сэттелла.

Но это было невозможно. Двухногие пушистики слонялись возле корабля в ожидании счастья, когда люди выйдут, погладят их по спинам и почешут им животы. Но как только Сэттелл попытался приблизиться к любому из них, они убежали, словно охваченные ужасом. Они не подходили к нему ближе, чем на сто ярдов, и Сэттелл возненавидел их.

Когда Джерри сообщил, что у них есть своего рода язык, и с помощью его можно обмениваться простыми понятиями – он не знал, могли ли они обмениваться сложными идеями, – Сэттел тут же стал настаивать, что нужно убить всех, кто знает о существовании корабля, и продолжать убивать тех, кто обнаружит корабль в будущем. Это нужно для того, чтобы не дать распространиться новости об их приземлении, и она не дошла бы до другой расы, которая управляет белым пятном.

Но вокруг корабля вечно сновали пушистики. Иногда больше, иногда меньше. Может, это были одни и те же. А может, их места все время занимали новые. Ни Борден, ни Джерри не были в этом уверены, но оба горячо возразили

против убийства. Кроме того, новости о них уже наверняка распространились, и убийство было просто бессмысленным.

СЭТТЕЛЛ разъярился, когда отвергли его предложение. Его предложения постоянно отвергали, потому что ему нельзя было доверять. Борден не позволял ему ремонтировать двигатель, потому что Сэттеллу могла прийти в голову мысль, что если ему не суждено вернуться на Землю, то пусть никто не вернется.

Эллен выкапывала палкой ямки в земле и бросала туда семена, чтобы вырастить урожай, который послужит им едой. К каждому семени прилагалась капсула желатина, содержащая нужные удобрения и культуры спор земных микроорганизмов. К тому времени, когда семя прорастет, желатин растворится, и росток окажется в полезной микросреде.

Но Сэттеллу нельзя было доверить эту работу.

Ему нельзя было разрешить даже работать с топливным синтезатором, который был установлен в полумиле от корабля. При работе синтезатор активно поглощал тепло из окружающей среды, поэтому образовывал вокруг себя маленький искусственный ледник. Процесс получения топлива и так был не скорым, а Сэттелл мог бы начать саботировать его.

Так что его приходилось рассматривать как нежеланного гостя на корабле, причем гостя, который жаждал перебить всех хозяев. Все подсобные помещения были надежно замкнуты, а запор воздушного шлюза, напротив, демонтирован, чтобы Сэттелл не смог захватить корабль, оставшись в нем один.

Борден, Эллен и Джерри носили оружие и всегда были настороже. Но было бы неправильно держать Сэттелла взаперти только потому, что его считали нежеланным гостем и потенциальным убийцей.

Таким образом, некому было идти с Джерри на встречу с его пушистыми обожателями. На пятый двадцатичасовой день после приземления «Данаи» Джерри отправился в путь со взволнованной толпой размахивающих хоботами пушистиком. Он взял с собой портативную рацию, которую они посчитали безопасным использовать, принимая во внимание отсутствие в атмосфере радиоволн.

Через два часа после того, как он отправился к северным ледникам, Борден и Эллен вернулись после обследования пашни и работы топливного синтезатора, и обнаружили, что Сэттелл тоже исчез. Он забрал с собой всю еду, которую мог унести, из их весьма скудных запасов.

Борден мрачно выругался. Путавшийся под ногами Сэттелл был неприятностью и постоянной угрозой. Но в целом, Сэттелл мог стать и чем-то похуже. Не было никакой романтики в том, чтобы оказаться потерпевшими кораблекрушение на неизвестной планете, как это бывает в видеоиграх. «Даная» была маленьким кораблем для научных экспедиций или беглого обследования неизвестных звездных систем.

Весь ее восьмидесятифутовый корпус лежал теперь слегка наискосок в воронке, проделанной приземлением, больше напоминающим падение. Арктическая флора окружающей местности и густой мех двуногих обитателей заставлял предполагать, что они арктические жители. Но только здесь, вблизи ледяной шапки, было единственное на планете место, где мог надеяться выжить человек. И Сэттелл сошел с ума, если решил покинуть корабль.

– Бессмыслица какая-то! – сказал Борден. – Чего он хочет добиться? Он же боялся, что мы улетим и оставим его одного. Но мы не можем этого сделать, уже засадив поле зерном, запустив синтезатор топлива и начав ремонт двигателей. Но чего он хочет добиться, убежав?

– Джерри вооружен, – встревоженно сказала Эллен. – Но он ничего не заподозрит.

– Выйди наружу с рацией и предупреди его, – нахмурился Борден. – Если Сэттелл застанет Джерри врасплох и отнимет у него бластер, то сможет перебить всех нас!

ЭЛЛЕН вышла наружу с рацией, включила ее и встревоженно сказала:

– Джерри, Сэттелл исчез. Пожалуйста, выйди на связь.

Джерри не отвечал. Борден вышагивал взад-вперед по рубке, нахмурился лоб и напряженно размышляя, что делать дальше.

– Возвращайся на корабль, – велел он Эллен. – Мы подключим рацию к внешней антенне. Джерри не будет идти с постоянно включенной рацией, но когда-нибудь он обязательно свяжется с нами.

Так они и сделали. Тянулись минуты, из динамиков рубки управления доносилось громкое шипение от атмосферных помех, а кроме них, такие помехи создавал сам корабль.

– Я осмотрю каюту Сэттелла, – мрачно сказал Борден.

Это были радикальные меры. На космическом корабле частная жизнь настолько важна, что никто не войдет в чужую каюту без разрешения. Так что обыск в каюте Сэттелла был серьезным нарушением обычных правил поведения. Но сейчас это должно быть сделано.

Борден вошел в каюту, обследовал пожитки Сэттелла и вышел, еще больше нахмурившись.

– Я кое-что нашел, – сказал он Эллен. – Еще в полете я рассматривал белое пятно в телескоп. Я не увидел ничего приметного, но чисто по привычке включил телекамеру. А потом забыл о ней. Но Сэттелл не забыл. Он сделал вот это.

И он показал Эллен фотоснимок. Сэттелл из инфракрасного изображения сделал полноценную цветную фотографию. Она была увеличена, и на ней было больше деталей, чем видел Борден невооруженным глазом. Там были тени. Тени от зданий. На белом пятне отчетливо виднелись искусственные строения. С башнями. На белом пятне был

целый город, из которого и вылетел ударивший по «Данас» высокотемпературный луч!

От него ниточками в разные стороны уходили дороги, одна из которых, судя по теням, вела прямо на север. Прямо к полярному леднику, рядом с которым приземлился их корабль.

– Если Сэттелл действительно считает, что мы хотим его убить, – сказал Борден, – то возможно, он направился к этому шоссе. Может, он надеется заключить сделку с врагами, продав им нас. И даже если они собственноручно убьют его, то сам факт, что он чужак, заставит их начать охоту за нами. Так что он полагает, что сумеет подружиться с ними, а если и нет, то они все равно убьют нас. Так или иначе, он одержит победу.

Эллен слегка побледнела.

– Двигатель разобран, а Джерри ушел.

– Так что нам ничего не остается, кроме как ждать, – ответил Борден.

Он попытался работать с двигателями, все части которых были разложены по полу. Когда они ремонтировали их в космосе, то детали были так сплавлены, что их приходилось разделять силой.

Теперь же с ремонтом обстояло еще хуже. Казалось невероятным, чтобы детали и сложные схемы, так неуклюже отлаженные, вообще станут работать. К тому же Борден не мог сосредоточиться на них.

– На всякий случай, Эллен, – резко сказал он. – Ты не должна покидать корабль. Нужно поставить на место замок внешнего шлюза. Если к нам заявятся посетители из города на белом пятне, то это их, разумеется, не остановит. Но, по крайней мере, нас не захватят расползаясь во сне.

ОН ОТКРЫЛ запертый металлический сейф, где хранил от Сэттелла замок шлюза. Замок был простым

и надежным, предназначенным, чтобы предотвращать проникновения «зайцев», когда корабль стоит в космопорту.

Борден пошарил в нем и пришел в ужас.

– Он как-то сумел залезть в сейф! Он похитил карты звездного неба и полетный журнал!

Это была настоящая беда! В космосе не существует проторенных путей. В пятидесяти световых годах от Земли Млечный Путь еще виден, но созвездия уже изменяются. Пролетев сто световых лет, любой может заблудиться. А через тысячу световых лет – а «Даная» миновала этот рубеж несколько месяцев назад, – корабль в космосе оказывается в положении канарейки, Вселенная которой состояла из клетки в одноместном номере, и которая внезапно вылетела из окна в огромный, бескрайний мир.

Космический корабль должен постоянно записывать направление полета и пройденное расстояние в трехмерной системе координат. Для этого нужно постоянно делать фотографические карты звездного неба. И все отчеты должны быть точны, если путешественники вообще хотят отыскать дорогу назад.

– Мне кажется, я совершил серьезную ошибку, – спокойно сказал Борден, – когда не стал убивать Сэттелла.

Найти в Галактике нужную точку на расстоянии ста тысяч световых лет было достаточно трудно и с хорошими картами. А уж без карт они могли всю оставшуюся часть жизни скитаться среди звезд, из которых едва ли одной из десяти тысяч было дано человеческое название, и на одну из ста тысяч когда-либо ступала нога человека. Они могли искать много месяцев или лет планету, где располагалась человеческая колония, и так и не найти такую.

Борден сжал и тут же разжал кулаки. Сэттелл был навязан ему, поскольку «Даная» нуждалась в еще одном члене экипажа. Бордена охватывала холодная ярость при мысли, что он тогда же не воспротивился.

– Раз он украл регистрационный журнал и карты, – сказал он Эллен, – то он хочет либо заключить с нами сделку, либо погубить нас. И, насколько я знаю Сэттелла, тут где-то пятьдесят на пятьдесят.

Так, наверное, и было. У Сэттелла была власть над жизнью и смертью Бордена, Эллен и Джерри, и он не обменял бы эту власть ни на что меньшее. Фактически, он не посмел бы обменять ее вообще ни на что, так как был уверен, что его после этого прикончат. Единственная сделка, на которую он мог пойти, заключалась в том, чтобы они отдали ему свое оружие и положились на милосердие Сэттелла. А у Сэттелла было очень мало милосердия.

– Попытайся снова вызвать Джерри, – попросил Борден Эллен. – Как только мы предупредим его, то можем пойти по следам Сэттелла. У него подкованные каблуки, а почва здесь мягкая.

Эллен снова взяла микрофон рации.

– Джерри, Джерри, Сэттелл исчез. Пожалуйста, отзовись... Джерри, Сэттелл исчез. Отзовись, пожалуйста...

Она повторяла это снова и снова. Борден мрачно пошел по кораблю, ища следы того, чем Сэттелл мог заниматься последние двадцать четыре часа. Он полагал, что Сэттелл, находясь с остальными в одной лодке – то есть, в одном космическом корабле, – волей-неволей станет думать об остальных. Во время катастрофы ни один нормальный человек не станет думать ни о чем, кроме сотрудничества с товарищами по несчастью.

Но существовали иные люди – точнее, нелюди, – которые жили ради осуществления своих мгновенных желаний, которые знали, что их удовольствие превыше всякой необходимости, и которые мыслили совсем не так, как обычные люди.

И таких среди людей развелось слишком много. Большинство из них старались маскироваться, но Сэттелл теперь был разоблачен.

IV

ЭЛЛЕН посылала и посылала сообщение по рации. Голос ее стал утомленным, плечи безнадежно поникли, потому что пошли уже часы, а ответа все не было.

Борден нашел место, где Сэттелл перерезал провода, так чтобы корабль мог взлететь и подняться в космос, и приборы показывали бы, что все в порядке, а на самом деле существовала бы утечка запасов кислорода.

Он также нашел небольшое изменение в очистной системе воды. При этом им не хватило бы воды на обратную дорогу. И еще одна хитрая неполадка была сделана так, что когда двигатели корабля вышли бы на маршевую мощность, то расплавились бы генераторы энергии, и корабль остался бы дрейфовать, лишенный энергии, и дрейфовал бы вечно, даже после того, как люди умерли бы или сошли с ума от отчаяния.

Борден вернулся в рубку управления с искаженным гневом лицом.

– Мы не следили за ним, – мрачно сказал он, – и он тут же воспользовался этим. Сейчас он злорадствует, уверенный, что мы будем вынуждены принять любые условия, какие он выдвинет, чтобы вернуть журнал и карты для возвращения домой. Он злорадствует, потому что отомстит в случае нашего отказа, а если мы согласимся на эту сделку, то все равно умрем. Нам придется проверить все устройства и все оборудование корабля, прежде чем мы сможем покинуть эту планету – даже после того, как у нас будет топливо!

Он посмотрел в иллюминатор. Тени сделались длинными и косыми. Наступали сумерки. А скоро настанет ночь.

– Джерри, Сэттелл исчез, – мрачно сказала Эллен в микрофон. – Пожалуйста, отзовись!.. Джерри, Сэттелл исчез. Пожалуйста, отзовись!..

Вдалеке в тусклом свете появилась маленькая фигурка. Она спешила к «Данае». Это был один из двуногих пушистиков, вероятно, один из тех, что сопровождали Джерри. Он возбужденно спешил в сумерках, помогая себе длинными руками. При виде космического корабля он возбужденно подпрыгнул и еще быстрее устремился вперед.

– Смотри! – воскликнул Борден. – Он похож на посыльного!

Он вышел из корабля, держа руку на кобуре.

При виде его двуногий подпрыгнул, пригладил мех и рванулся вперед. Потом он бросился на землю и упал, скользя, брюхом кверху. Борден нагнулся, чтобы почесать его, согласно обычаю, который возник за последние четыре дня. Но пушистик не стал ждать. Он вскочил и что-то взволнованно защебетал, бешено жестикулируя. При этом он гримасничал в сгущающейся темноте.

И тут Борден заметил кровь на его мехе...

ЧАС СПУСТЯ вдалеке появился невыносимо яркий свет и стал перемещаться по направлению к «Данае». Джерри, конечно, имел при себе фонарик, но этот свет был несравненно мощнее. Судя по его колебанию, источник света был установлен на каком-то транспортном средстве.

– Джерри, Сэттелл исчез, – в тысячный раз устало повторила Эллен. – Пожалуйста, отзовись...

– Можешь остановиться, Эллен, – сказал ей Борден. – На твой зов ответили. Похоже, сюда едут настоящие жители этой планеты.

Он передернул плечами и повернулся к пушистику, которого впустил на корабль. Рану его Борден уже перевязал – это был чистый, глубокий прокол руки. И теперь он повел пушистика в шлюз.

– Уходи, – коротко сказал он. – Едут твои хозяева. Им может не понравиться, что вы подружились с нами. Брысь!

Но существо только прищурилось на приближающийся свет и пригладило мех. Потом оно радостно рванулось навстречу, шатаясь и спотыкаясь.

Борден посмотрел ему вслед и увидел в лучах света другие фигурки пушистиков. Они бежали, радостно жестикулируя, впереди едущей машины.

Это не имело никакого смысла. Но, казалось, все было бессмысленно на этой планете!

Борден стоял в шлюзе с Эллен за спиной и бластером в руке. Чужая машина ехала, покачиваясь в темноте удивительно бесшумно. Затем ее свет заколебался, метнулся в сторону, как будто она разворачивалась. И тут Борден включил внешние прожектора корабля.

В освещенном полукруге ярко заблестела зеленая растительность. Борден с женой стояли в относительной тени и могли без помех разглядеть подъехавшую машину.

Она была почти тридцати футов в длину и ехала на двух любопытных приспособлениях, которые были не гусеницами, но и явно не колесами. Бегущая, взволнованная орда двуногих пушистиков, включая и того, кого перевязал Борден, окружала ее, уступая дорогу, но сопровождая с диким энтузиазмом.

Машина была покрыта грязью. Не просто пылью, а коркой засохшей глины, словно она была кем-то зарыта и лишь недавно откопана. Круглое переднее ветровое стекло, похоже, пластиковое, было частично очищено от грязи, но местами на нем еще оставались куски глины, затрудняя обзор.

Машина развернулась, встала параллельно кораблю и остановилась в двадцати футах от люка. И тут овальное ветровое стекло, которое выглядело так, словно с него палкой счищали затвердевшую глину, развернулось вдруг на оси, превратившись в дверь. И эта дверь скользнула в сторону. Внутри было совершенно темно.

Борден взял бластер наизготовку. Стрелять ему не хотелось, но луч, ударивший по «Данае»!..

ИТУТ ИЗ невероятной машины вылез Джерри, остановился и зажмурился от яркого света корабельных прожекторов.

– Кто с вами? – рявкнул Борден.

– Никого, – отозвался Джерри. – Я пытался связаться с вами по радию, но она не работала. Боюсь, что Сэттелл испортил ее перед моим уходом. Она мертва.

– А эта штука? – спросил Борден. – Эта... эта повозка?

– Это наземный автомобиль, сэр, – стесненно поправил его Джерри. – Примерно тридцать или сорок таких стоят в долине милях в десяти отсюда. Этот был полузакопан в грязь, остальные – так же или еще хуже. Пушистики привели меня туда и сами раскопали автомобиль. Они явно хотели подарить его нам.

– И он исправен! – сказал Борден.

Опять тут не было никакого смысла. Наземный автомобиль, закопанный в землю, не может быть исправен, когда его выкопают.

– Да, сэр, – кивнул Джерри. – Они раскопали его, я залез внутрь и нашел там скелеты и оружие.

– Оружие? – спросила Эллен.

– Скелеты? – воскликнул Борден.

– Да, сэр. Я хотел спросить у вас совета по радию, но, как я уже сказал, рация не работала, поэтому я немного повозился, а когда машина завелась, я быстро разобрался в управлении. Так я вернулся на ней. Оружие тоже действует, сэр. Нужно только направить его на что-нибудь и нажать кнопку.

– Сэттелл сбежал, – категорично заявил Борден. – С полетным журналом, картами звездного неба и запасом продовольствия. Один из пушистиков пришел к нам раненым. Я думал, что Сэттелл планирует заманить вас в ловушку

и завладеть вашим бластером. Если бы это действительно так случилось...

– Я ничего такого не заметил, – покачал головой Джерри.
– Секунду, сэр...

Он повернулся к сопровождавшим его пушистикам, немного стеснительно достал из кармана носок, набитый землей, и повесил его себе на подбородок.

– Я немножко разобрался в их языке, сэр, – застенчиво сказал Джерри. – Это язык жестов руками и хоботом, так же важны звуки, которые получаются, когда они извиваются всем телом. Они несут в себе эмоциональный подтекст. Я не очень хорошо владею им, но все же...

Перед люком корабля произошла уникальная сцена. Покрытый засохшей глиной автомобиль больше напоминал земную яхту, чем машину. Он был из золотистого металла. Больше двух дюжин двуногих пушистиков глядели на Джерри, пока он жестикулировал руками, то и дело меняя положение своего импровизированного хобота. Шерсть их разгладилась. Они казались очарованными, хотя носок не очень-то напоминал их гибкие хоботы. Когда Джерри закончил, раненый пушистик стал осторожно жестикулировать перевязанной рукой, что-то одновременно щебеча. Борден даже теперь, когда у него появился ключ к их языку, не мог понять, что пытается сказать их двуногий собеседник.

– Он говорит, сэр, – весь вспотев, сказал Джерри, – что по воздуху прилетела палка и воткнулась ему в руку. Он вытащил ее и убежал. Он долго бежал, а потом увидел корабль, побежал к нему, и вы перевязали ему руку.

– Стрела! – рывкнул Борден. – Сэттелл сделал лук и стрелы. Он сломал вашу рацию, чтобы вы не могли предупредить нас, и, вероятно, собирался подстрелить вас, завладеть вашим бластером, а после вернуться и убить нас с Эллен! Может, он просто практиковался, пустив стрелу в это несчастное существо. В любом случае, он, кажется,

хочет внезапно напасть на нас. – Оружие! – резко добавил он. – Джерри, вы сказали, что в других машинах находится много оружия! Если он найдет это оружие, а он его найдет, так как, скорее всего, следил за вами...

– Я тоже подумал об этом, сэр, – прервал его Джерри, –

и заставил пушистиков раскопать доступ во все машины, какие только они увидят. Мне кажется, нужно собрать все оружие, прежде чем Сэттелл узнает о нем. Все оружие я

привез с собой. Оно было не во всех машинах. В большинстве из них были только скелеты.

Борден снова перебрал в уме все многочисленные факты об этой планете, которые не желали складываться в цельную картину.

– Значит, у Сэттелла не будет этого оружия, – нетерпеливо сказал он. – Но о каких скелетах вы все время твердите? Вы привезли хоть один?

– В машине я все оставил нетронутым, – ответил Джерри. – Помогите мне разгрузить оружие, и вы увидите их. Они остались там же, где я их нашел.

Он бросился к машине и начал доставать оттуда предметы поменьше винтовок, но больше бластеров. Они были удивительно легкими, возможно, сделаны из алюминия, вот только золотистого и медного цвета. Набралось три охапки.

Эллен заперла оружие на корабле и вернулась.

– А сейчас я хочу посмотреть на скелеты, – сказал Борден.

Он взял у Джерри фонарик и полез в машину.

– Я был в таком восторге от своих находок, – извиняющимся тоном сказал Джерри Эллен, – что совершенно забыл об еде. Как вы думаете, что можно быстренько приготовить?

– Я сделаю вам ужин, – сказала Эллен.

V

ОНА ПОВЕЛА Джерри на корабль. Сэттелл унес большую часть продуктов из холодильника, но все же кое-что оставалось. Эллен до сих пор не могла оценить значение находок Джерри, но понимала, что они бесценны.

Джерри ел и одновременно рассказывал ей о своем путешествии, когда появился Борден. Он подошел к полке с инструментами, взял фонарик и снова вышел.

Гораздо позже лязгнул замок внешнего люка. Когда Борден вошел в каюту, Джерри все еще болтал с полным ртом.

– Кажется, я начинаю понимать, что произошло на этой планете, – мрачно сказал Борден. – Джерри, были ли какие-нибудь признаки шоссе там, где вы нашли эти машины?

Джерри задумался.

– Передние машины, – сказал он, наконец, – были закопаны глубже, чем задние. Это было нечто вроде холма. А под колесами – плоские камни. Может, это и было шоссе, похороненное под глиной, которая частично покрывала то, что вы называете машинами, сэр.

Борден кивнул.

– Я поставил замок на рулевую колонку машины, чтобы ей было нельзя управлять, – сказал он. – И поставил замок на люк, так что Сэттелл не сможет проникнуть на корабль. Сегодня ночью мы можем спать спокойно. А завтра поедем к остальным машинам и лишим их всех управления. А потом выследим в машине Сэттелла. И лучше бы он не успел обзавестись собственной машиной. Это было бы не очень хорошо для нас.

– А что вы думаете о скелетах, сэр? – затаив дыхание, спросил Джерри. – Я оставил их так, как они были. – Он поколебался. – Мне кажется, они походят на человеческие скелеты. Правильно?

– Совершенно верно, – кивнул Борден. – С каждой стороны по дополнительному ребру, меньше на три позвонка и суставы немного отличаются, но это люди, насколько я могу использовать это понятие. Скелеты были во всех машинах, которые вы осмотрели?

– Да, сэр.

– И что ты узнал, Ди? – нетерпеливо спросила Эллен.

– У меня лишь предположения, – сказал ей Борден. – Но я в них достаточно уверен. С одной стороны, группа в этом автомобиле являлась семьей. Один был более высоким и коренастым, чем остальные. Я могу ошибаться, но думаю, что это мужчина – отец. Еще один скелет немного меньше, с более тонкими костями. На нем остались драгоценные украшения. И два маленьких скелета. – Он глубоко вздохнул. – Маленькие лежат аккуратно, удобно. Рядом с самым большим скелетом. Коренастый скелет... Он убил себя, Джерри?

– Оружие делает точно такое же отверстие, как у него в черепе, – сказал Джерри. – Я выстрелил один раз в землю. Но даже в тех автомобилях, где не было оружия, у скелетов всегда было отверстие в черепе.

– Да, – сказал Борден. – Наверное, они передавали оружие друг другу.

– Но зачем, Ди? – воскликнула Эллен. – Что это было?

– Есть у меня одно предположение, – очень спокойным голосом ответил Борден. – Оно включает в себя и пушистых друзей Джерри. Они ведут себя, как животные, как домашние животные, страстно желающие, чтобы хозяева похвалили их. В этом они походят на собак. Вы с этим согласны, Джерри?

– О, да, сэр!

– Если группа людей, убегая от чего-то ужасного, добралась бы на Земле до самой Арктики, то дальше им было бы некуда бежать со своими женами и детьми, и у них не было бы шанса скрыться от того, от чего они убегали, то что бы они сделали?

– Если можно так выразиться, сэр, – проямлил Джерри, – ну, это... похоже, это действительно так...

– Люди поняли, что спасения нет, – без малейших эмоций продолжал Борден. – Но они выпустили из машин своих собак, потому что у тех был бы шанс выжить. И им было не страшно то ужасное, от чего бежали люди. Дети, как и

женщины, умерли безболезненно. А затем мужчины убили себя. Скорее всего, было именно так. Но ведь они могли бы вернуться и попытаться бороться? Почему же они этого не сделали?

— **И**ЧТО могло быть такого ужасного и безнадежного? — воскликнула Эллен. — Если выжили домашние животные...

— Я не могу даже предполагать, от чего они бежали, Эллен. Но мне кажется, что дело тут в белом пятне, которое ударило по кораблю лучом. И мне кажется, что после того, как люди в машинах умерли, наступила зима и покрыла все снегом. Потом пришла весна, половодье принесло на шоссе грязь, которая немного покрыла машины. Так продолжалось много-много лет. Домашние животные, выпущенные из машин, действительно выжили. Судя по их меху, они, вероятно, изначально были обитателями Арктики. Постепенно у них появился свой язык. Они тосковали по хозяевам. Это было инстинктивно. Но они рассказали своим щенкам, что были другие — хозяева, которых они потеряли. И вот однажды прилетел космический корабль, упал прямо с неба — и из него вышел Джерри. Он походил на их хозяев. Таким образом, они приняли нас за них... Но все это только мои предположения.

— Ди! — воскликнула Эллен. — Как это ужасно!

— Вы думаете, сэр, — спросил Джерри, — они убегали от чего-то на белом пятне?

— Мы же так сделали, — ответил Борден. — Нам пришлось убежать от него. Возможно, так же пришлось и им.

— Но как вы думаете, что это может быть?

— Я очень надеюсь, — сказал ему Борден, — мы не узнаем, что это такое. А сейчас, я думаю, нам надо немного поспать.

На «Данае» наступила тишина, а снаружи все темнела и тянулась ночь.

Планета не имела луны, но небо было усыпано звездами. И в звездном свете пушистые двуногие терпеливо ждали возле корабля, когда наступит рассвет и люди опять выйдут наружу. Некоторые из них спали. Другие сидели вертикально, задумчиво мигая. Иногда то один, то другой вставали – когда им казалось, что они услышали какие-то звуки. Они пристально глядели в подозрительном направлении, пока не убеждались, что все спокойно. В основном, они напоминали земных собак, ожидающих, пока хозяева проснутся и обратят на них внимание.

Через несколько часов небо на востоке побледнело. Холодный туман двинулся на север к полярной шапке. По мере того, как светлело небо, земля в том направлении становилась все более влажной.

Но здесь, рядом с пустыней, покрывавшей планету от полюса до полюса, не считая белого пятна, не было избытка влажности. Почва была здесь влажной только из-за утечки влаги с корабля.

Вскоре жуткий рассвет стал разгораться над этим странным миром. Пушистики сели, стали чесаться и потягиваться, совсем как люди. Некоторые из них принялись возиться друг с другом, катаясь по земле, словно хотели согреться.

Еще немного, и встало солнце. Вскоре после этого лязгнуло железо, когда Борден отпирал люк, и он вышел наружу. Тут же он оказался в центре толпы двуногих, которые повалились брюхом вверх, потешно помахивая хоботами, в ожидании, что им почешут животики.

Он с серьезным видом почесал их одного за другим. Затем вышел Джерри, и вынужден был повторить всю процедуру. Солнце еще не поднялось, и тень Джерри протянулась по редкой траве, покрывающей землю, футов на тридцать.

Когда внимание пушистиков переключилось с него на Джерри, Борден отошел в сторону. В руке у него было короткое, из легкого золотистого металла, ружье. Он снова внимательно осмотрел его. У него было что-то вроде мага-

зина, а ствол диаметром около трех дюймов заканчивался крохотным отверстием. С одного бока была круглая кнопка. Борден направил оружие в сторону от «Данаи» и пуштиков, потом осторожно нажал кнопку.

Не раздалось ни малейшего звука. Но из крошечного отверстия вылетел огненный луч, и там, где он коснулся земли, та взлетела облаком пара, огня и дыма от сгоревшей растительности.

Борден тут же отпустил кнопку и снова нацелился, на этот раз подальше. Он так и не смог определить дальность выстрелов. Во всяком случае, это ружье было куда дальнобойнее бластера, висевшего у него на боку. Было совсем нежелательно, чтобы Сэттелл завладел таким оружием!

Борден ушел на корабль, но вскоре вышел оттуда вместе с Эллен. Они положили золотистые ружья и небольшой запас еды в автомобиль. Эллен с тревогой поглядела на заднее сидение, где, как ей сказали, были скелеты, но от них не осталось и следа. По свежей насыпи неподалеку она поняла, что Борден похоронил их в общей могиле.

– Закругляйтесь, Джерри, – позвал его Борден. – Я запер корабль, так что Сэттелл не сумеет проникнуть в него. Как я уже говорил, нам нужно обездвигить остальные машины и разыскать Сэттелла. Если мы сумеем захватить его живым, то подключим к электрокардиографу, станем задавать вопросы о журнале и картах и по изменению пульса сумеем определить, где он их спрятал. Но сначала надо заняться машинами!

Джерри помахал своим пушистым приятелям, и те экстравагантно замахали ему в ответ. Затем он сел в машину на водительское место. Борден уже снял запор с рулевой колонки, и Джерри тронул машину с места.

ЛЮДЯМ, потерпевшим кораблекрушение на недружелюбной планете, без реальной надежды на возвращение домой, казалось необычным кататься на мест-

ном транспорте. Но эта машина, большая и просторная, не походила на земные автомобили. Скорее уж, на наземный крейсер. Она бежала удивительно ровно, несмотря на отсутствие пневматических шин. И хотя снаружи казалось, что она раскачивается и подпрыгивает на пересеченной местности, внутри вообще не чувствовалось движения.

Двуногие пушистики скакали и неслись вприпрыжку возле машины. Джерри увеличил скорость, но пушистики поднапряглись и не отставали.

Джерри говорил о десяти милях. Но проехали они все двенадцать. То тут, то там попадались покрытые снегом участки. В воздухе повис туман. А сквозь туман был заметен край ледникового покрова, непрозрачная белая стена шестьдесят-семьдесят футов в высоту на понижающемся, непрерывно подтаивающем крае, и еще выше вдали. Они пересекли небольшой ручей футов пять шириной, первую проточную воду, которую они встретили на этой планете.

А потом впереди показались машины, около сорока, выстроившихся гуськом, словно на шоссе, которое упиралось в подтаивающий ледяной барьер.

Они были частично или целиком покрыты землей и льдом, которые принесли потоки воды от тающего ледника. После того, как они встали здесь на вечную стоянку, машины постепенно превратились в небольшие холмики. Некоторые были целиком покрыты землей, некоторые торчали из нее.

– Вот видите, сэр, – сказал Джерри. – Я попросил этих существ помочь мне прокопаться к дверям машин, чтобы собрать оружие.

Борден не стал хвалить его, хотя вполне бы мог. Вместо этого он сказал ровным тоном:

– Я вижу, что здесь был Сэттелл. Должно быть, он следил за вами. Он увидел, как вы уехали в одной из машин. А вон там он нашел другую. Опробовал ее, она оказалась в рабочем состоянии, и Сэттелл уехал!

Все было верно. Пораженный Джерри подъехал к глубокой полукруглой выемке в земле, где явно была полупанампана машина.

Валявшиеся на земле кости показали то место, где Сэттелл безжалостно выкинул из машины жалкие останки ее прежних владельцев. В грязи отпечатались следы его ботинок.

– Нам обязательно нужно преследовать его? – со страхом спросила Эллен.

– У него карты звездного неба и журнал, – спокойно ответил Борден. – Или он знает, где спрятал их.

– Но куда он денется? – продолжала возражать Эллен.

– Он знает, что мы поедem за ним, – сказал Борден. – Он знает, что мы вооружены, а я сомневаюсь, что у него есть оружие, кроме лука со стрелами. Значит, куда он может поехать искать помощь, как не туда, где у нас есть враги?

Следы второй машины были отчетливо видны на земле, где много-много лет не проезжал и не проходил никто тяжелее двуногих приятелей Джерри.

Джерри увеличил скорость.

– Я посмотрю, как вы управляете машиной, Джерри, – сказал Борден, – а после сменю вас. Сэттелл не может вести машину день и ночь без остановки. А мы можем. Так что, рано или поздно, мы поймем его!

У Сэттелла был выигрыш во времени, но Борден все равно надеялся на успех. В пяти милях от начала пути след повернул направо и вниз по склону. Они проехали по нему и выехали на шоссе, построенное из камня, очевидно, искусственного, которое начиналось прямо от холма и уходило вдаль.

Шоссе было сорок футов в ширину, и посреди него, где оно было местами замечено песком, они увидели следы машины Сэттелла. Но таких мест оказалось немного. Ветры хорошо сдували с шоссе песок.

Джерри еще увеличил скорость. Борден обернулся и поглядел назад.

— Нет, бедные существа не смогли угнаться за нами, — понимающе сказала ему Эллен. — Они бежали так, что у них чуть не разорвались сердца, но все же отстали.

Миль через десять шоссе было совсем занесено песком. Следы машины Сэттелла были явно видны на высившейся впереди дюне. Они перевалили через нее, и через полмили снова нашли шоссе. Оно вело строго на юг, через пустыню.

Но они еще не видели ни Сэттелла, ни его машины.

Миль двадцать пять прямое, точно стрела, шоссе шло по насыпи выше уровня песка, и было открыто ветрам. Но затем оно нырнуло в низину между рыжими холмами, и здесь они снова увидели следы машины Сэттелла — полосатые, закругленные колеи, проходившие по засыпанной песком дороге.

Миновав холмы, они подумали, что догоняют его, увидев чуть в стороне от шоссе блеск золотистого металла.

Они остановились. Борден и Джерри пошли вперед, держа оружие наготове. Без всякого сомнения, это был автомобиль, похожий на их собственный, но разрушен он был давно. Несколько поколений назад. Автомобиль был буквально схвачен чем-то ужасно сильным и разорван пополам. По скрученному металлу и местам слома было понятно, что произошло.

Поблизости были кости. Не скелеты, а кости. Отдельные кости. Не изгрызенные. Не переломанные. Просто разбросанные на несколько ярдов вокруг.

VI

ЕЩЕ МИЛЬ через десять они подъехали к первому форту, громадной, высокой конструкции из камней, сложенной прямо поперек дороги. Это был бруствер шестидесяти футов высотой, охватывающий немалую ква-

дратную площадь. Кое-где среди камней было много саж, словно тут жгли костры, вот только не было и следов угля. И также здесь было множество костей. Если сложить их вместе, то на этой площади оказались бы тысячи скелетов. Но все кости валялись по отдельности. Каждая кость, даже самая маленькая, была полностью отделена от других.

И все равно их можно было идентифицировать. Это были кости людей, таких же, как те, кому принадлежали золотистые автомобили. Валявшееся вокруг оружие, согнутое и поломанное, доказывало, что они погибли, сражаясь. После смерти каждое тело было разобрано и кости разбросаны вокруг без всякой системы. И больше победители явно не сделали ничего.

Борден нахмурился, задумавшись, пока автомобиль медленно стал объезжать каменный бруствер. Потом Джерри решил, что они напрасно тратят время, и увеличил скорость. Автомобиль без усилий и тряски ехал по бездорожью. Казалось, для него вообще не существовало препятствий.

Первый форт остался милях в пятидесяти позади, когда лицо Бордена немного разгладилось. Он уставился вперед, пока автомобиль мчался по геометрически прямому шоссе, незащищенному от ветра и поэтому свободного от песка.

— Давай, парень, — медленно сказал он, наконец. — Выжимай из машины как можно больше скорости. Когда устанешь, за руль сяду я. Мы должны настигнуть Сэттелла, прежде чем он доберется до белого пятна. Возможно, от этого зависит нечто большее, чем наши жизни...

Но они не настигли Сэттелла, хотя ехали ночь и весь день. Скорость падала до пятнадцати миль в час, когда приходилось ехать по низинам или перебираться через засыпавшие шоссе дюны. А когда шоссе было свободно, автомобиль разгонялся до двухсот миль в час или даже быстрее. Борден мрачно прикинул, что они проходят больше тысячи миль за двадцатичасовые сутки.

Сэттел, возможно, не ехал все время, и они уже опередили его, когда он загнал машину с шоссе в какое-нибудь укрытие от ветра, чтобы поспать. А ветер мог тут же стереть его следы.

Эллен попыталась отдохнуть и подремать на заднем сидении, пока Джерри и Борден поочередно вели машину. Но в конце первых суток стало ясно, что перехват Сэттелла явно не был целью Бордена. Он просто хотел обогнать Сэттелла, чтобы первым добраться до белого пятна.

На второй день путешествия они нашли второй форт. Он также перегораживал шоссе и в первую очередь был защищен от нападения в том направлении, куда они направлялись. Построен он был более аккуратно, нежели первый, из каменных брусьев, которые укладывались механизмами, чьи корпуса еще торчали из песчаных холмов.

Здесь тоже были признаки боя, полустертые столетиями песчаных бурь. Сам форт многократно заполнялся песком, который потом выдували ветры. Только под сводчатыми проходами остались следы сажи, словно здесь что-то пылало. Некоторые наземные крейсера, такие, как машина, в которой они ехали, были разрушены точно так же, как тот, который они видели до первого форта.

Этот форт, подобно предыдущему, не был уничтожен после захвата. Даже подъемные краны и оружие осталось нетронутым. Но защитники были опять-таки расчленены. Нигде не осталось и двух костей, соединенных друг с другом, хотя редко какая была сломана. И ни одна не изгрызена. Многие были занесены песком, но каждая кость валялась отдельно.

И погибли здесь не тысячи – десятки тысяч людей. Это можно было прикинуть по количеству костей.

ЭЛЛЕН взглянула в лицо Бордену, когда они проезжали мимо форта.

– Ты знаешь, что здесь произошло, Ди? – спросила она.

– Мне кажется, да, – холодно ответил Борден.

– Белое пятно? Все выглядит так, словно они сражались с чем-то, пришедшим оттуда.

– Так и было, – сказал Борден. – И я не хочу, чтобы Сэттелл встретился с этой штукой. Он слишком много знает.

Она посмотрела на мужа. Она понимала, что они на предельной скорости мчатся к тому самому белому пятну, из которого был пущен луч, едва не погубивший корабль. Борден ничего не объяснял. Джерри был слишком стеснителен, чтобы спрашивать. Эллен такой не была, и внезапно до нее что-то дошло.

– Ты сказал, «штукой», – пораженно воскликнула она. – Не существа, не люди, даже не животные! Ты сказал: «штука»!

Лицо Бордена передернулось, но он ей не ответил, а вместо этого сказал:

– Передай мне руль, Джерри. У нас ведь с собой рация, которую поломал Сэттелл?

Джерри кивнул и передвинул ему руль. Они давно уже обнаружили, что управление машиной можно передвигать вдоль передних сидений, чтобы оно было право– или левосторонним. На планете, где нет городов, но шоссе бегут за тысячи миль к полярным шапкам, дальние поездки должны быть нормой. Так что подобные удобства были логичными. Водители могли без труда передавать друг другу управление машиной.

– Проверьте рацию, – скомандовал Борден. – Самый простой способ поломать ее состоит в том, чтобы вывести сопротивления из баланса. При этом не будет никаких видимых повреждений, но я не смогу настроиться на нужные частоты. Так что проверьте это.

Джерри занялся рацией, а Борден продолжал вести машину. Шоссе проходило через большие холмы цвета ржавого железа, которым ветер и песок придал невероятно

гротескные формы. Позади их машины повис длинный след взлетевшего вверх песка.

– Я расскажу, что я думаю, – внезапно сказал Борден, – а вы оба следите за моими мыслями, ладно? Во-первых, мне кажется, что люди, создавшие этот автомобиль, во многом походили на нас. Это подтверждают скелеты. У них были семьи и домашние животные, они построили автомобили, чтобы путешествовать на большие расстояния по шоссе, протянувшемуся от полюса до полюса. Автомобиль работает на электроэнергии, и источник этой энергии просто великолепен! Таким образом, раз у них есть электричество, то должны быть и радиостанции. Но радиоволны не используются на этой планете. Значит, раса, построившая этот автомобиль, или целиком изменила направление цивилизации, или просто была уничтожена.

– Вы имеете в виду, людьми в белом пятне? – спросил Джерри.

– Нет, но и не людьми, которые построили дороги и машины, – ответил Борден. – Мы уже миновали два форта, где люди погибали десятками тысяч, борющимися с чем-то, наступающим от белого пятна. У них было оружие дальнего действия, но в конечном итоге, боролись они с огнем. Вы видели сажу! Было похоже, будто они тысячами галлонов жгли нефть, чтобы задержать то, что не могло остановить их оружие. Огонь действует на небольшом расстоянии – не считая солнечных зеркал. Но ничто не остановило этого врага. Хотя все механизмы остались нетронутыми. Это не похоже на людей. Это предполагает наличие какой-то штуки... чего-то такого гигантского и ужасного, что его не остановили энерголучи, и против которого огонь казался вполне логичной защитой. Оно должно быть гигантским, чтобы поднять с земли автомобиль и разорвать его пополам.

Эллен молча ждала. Джерри нахмурился.

– Я боюсь, – сказал Джерри. – Я боюсь даже подумать о чем-то настолько большом, что... Я даже представить не могу, с чем они тут сражались.

– Подумайте о том, чего оно добивалось, – сухо сказал Борден. – Оно уничтожило все население, просто стерло его с лица планеты. Давным-давно на Земле Чингиз-хан собрал монголов и послал их разрушить Хорезм. Его солдаты разграбили город, унесли все ценное. А людей убили. Равнина вокруг города стала белой от скелетов погибших. Вы видите, чем это отличается от того, что произошло здесь?

– Вы правы насчет рации, сэр, – неожиданно сказал Джерри. – Кто-то просто сбросил ее настройку. Мне придется потрудиться, чтобы настроить ее заново. – И он скрупулезно добавил: – То, о чем вы рассказали, и завоевание этих фортов отличается тем, что здесь все ценное оставили нетронутым. Машины, оружие и так далее. – И тут он произнес с внезапным удивлением: – Но от людей не осталось скелетов! Все кости разбросаны!

ДЖЕРРИ оторвал округлившиеся глаза от рации, над которой работал, и тут же замер, потому что Борден резко затормозил. На шоссе и по обеим его сторонам стояли разрушенные автомобили. Дорога тянулась здесь между высокими, крутыми холмами, и машины валялись повсюду.

Борден тронул машину с места и осторожно подвел ее к разорванному пополам автомобилю. На нем было установлено оружие так, чтобы стрелять через ветровое стекло.

– Здесь тоже было сражение, – сказал Борден. – Они стреляли здесь прямо из машин. Возможно, сдерживали врага, чтобы выиграть время и дать возможность построить форт, который мы недавно проехали. И в этих машинах тоже есть кости.

– Но с чем они сражались, Ди? – испуганно спросила Эллен.

Борден осторожно ехал по краю древнего поля боя – и поражения, поэтому не ответил.

Через некоторое время Эллен спросила еще более испуганно:

– Ты хочешь сказать, что, с чем бы они ни боролись, оно пыталось их съесть? Ему нужны были их тела?

– Насколько мы можем видеть, – ответил Борден, – не было взято ни что другое. Даже их кости остались на месте.

Миновав поле боя, он погнал машину дальше по шоссе, ничего не уточняя. Но в этом и не было нужды. Что за существа могли поглощать свои жертвы, не откусывая от них куски и даже не ломая им кости? Должно быть, они просто окутывали их. Как амебы. И эти существа оставили несъедобные части своих жертв разделенными, но не поврежденными. Это тоже походило на амебу, которая выделяет экскременты через всю поверхность своего тела. У Эллен внезапно запершило в горле, а глаза заблестели.

– Это что-то жидкое, Ди, – медленно проговорила она. – Оно текло вдоль шоссе. Лучевое оружие не остановило его, потому что оно просто пожирало сожженные останки собственного тела. Горящая нефть могла быть способом борьбы с ним. И высокие стены фортов, на которые ему было трудно подняться. Откуда такое взялось, Ди?

– Из космоса, – коротко ответил Борден, но потом добавил: – Возможно, прилетели просто его споры. Или оно достаточно разумно, чтобы создать звездолеты... Похоже на то. У него хватило знаний, чтобы превратить себя в солнечные зеркала, пытаясь сбить наш корабль! У него, также, хватило знаний, чтобы вырастить себе мускулы, способные разрывать машины, чтобы добраться до спрятавшихся внутри людей!

Элен содрогнулась.

– Тут что-то не так, Ди! Подобное существо покрыло бы всю планету. Оно поглотило бы все живое и закрыло бы собой всю поверхность.

– Но эта планета в основном состоит из пустыни, – напомнил ей Борден. – Могло ведь быть так, что тут был всего один оазис, на котором развивалась цивилизация. Она имела только солнечную энергию и вовсю пользовалась ею. Она нашла ледниковые шапки на полюсах и провела к ним шоссе, чтобы подвозить воду. Если бы нечто адское прилетело из космоса и напало на этот оазис, то оно следовало бы за выжившими после первого нападения вдоль шоссе, по которым те отступали. Они построили форты, собрались большим числом, но все равно не могли отразить нападение. Потому что...

Джерри вскинул голову. Лицо его было бледным, и выглядел он утомленным.

– Я припоминаю, сэр, – пробормотал он, – вы сказали, что Сэттелл слишком много знает. Кажется, вы предполагаете, что эта «штука», которая поглотила людей, смогла воспользоваться их знаниями. Это так? А если она доберется до Сэттелла и от него узнает о нас...

– Я предполагаю, – сказал Борден, – что этой твари было известно, что в корабле находимся мы. Везде, где есть реле, управляющие механизмами, находятся люди. Живые существа. Их можно обнаружить. И я думаю, эта тварь понимает, может добраться до них или нет. Когда может, она пожирает их. Если же нет, то пытается их уничтожить, как это и произошло с нами. Возможно, она имеет собственный разум, а может, просто пользуется знаниями, полученными от своих жертв. Поэтому я не должен допустить, чтобы оно захватило Сэттелла! Он знает, как устроены двигатели «Данаи» и как их отремонтировать. Он умеет читать журнал и разбирается в звездных картах. Из одной только предосторожности я не могу позволить твари в белом пятне получить знания о том, что существует планета под на-

званием Земля, на всех континентах которой и в глубинах морей кипит жизнь. Если тварь в белом пятне узнает о такой планете и она достаточно разумна, чтобы уничтожить нашу цивилизацию, то ей непременно захочется полететь туда. Или, скажем, послать туда часть себя!

VII

ИЗРЕЗАННЫЕ ветром причудливые холмы кончились. Шоссе чуть повернуло и снова потянулось прямо к горизонту. Но горизонт теперь не был просто бесконечным протяжением пустыни и дюн.

Пустыня вдалеке стала белой. И на ней не было никаких дюн. Просто плоская равнина, даже не приподнятая над землей, расстилалась во все стороны до самого горизонта. Она походила на землю, покрытую первым снежком, который сверкал в солнечном свете и ждал, пока растает.

И посреди него высились башни города, тоже белые и мерцающие.

Но эта белизна не была совершенно неподвижной. По ней шла рябь. Внезапно рябь метнулась вверх, словно мгновенно вырос какой-то гигантский цветок, и Борден резко повернул машину. На вершине открылась чаша, словно у розы, и внутренность этой чаши тут же стала серебристой.

На рыжем склоне холма возникло черное пятно в том месте, куда ударил из чаши луч, и где только что была их машина. Скалы раскололись и потрескались от высокой температуры.

Луч тут же исчез.

– Таким образом, – продолжал Борден, словно ничего не случилось, – пока Сэттелл еще жив, мы должны уничтожить эту тварь. И, кажется, я знаю, как это сделать. Для этого нам нужна рация. Видите ли, эта тварь ужасно уязвима. Она завоевала всю планету. Она была непобедима.

Ничто не могло противостоять ей. Таким образом, ее будет легко убить.

Судя по всему, Борден был прав. У людей, ехавших в машине к белому пятну, не было никаких причин что-либо подозревать. Мчась по шоссе, они на большой скорости въехали на это пятно. Скорее всего, они остановились и вышли из машины, чтобы поглядеть, почему пустыня стала здесь белой. И конечно же, белое пятно – ужасная протоплазма, из которой оно состояло, тут же схватило их. И белое пятно стало разумным.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ минут после того, как луч ударил по скалам, они немного остыли, и Борден, оставив машину в низине, вышел из нее, поднялся на холм и осторожно выглянул из-за камня, чтобы поглядеть на белое пятно.

Поверхность его изменилась. Теперь край белого пятна поднимался над землей. Вещество, которое само по себе являлось живым – и которое Эллен точно назвала живым желе, – стекалось к краю из середины, образуя пригорок. Борден с подозрением глядел на него. Очевидно, он мог вытягивать псевдоподия. Амебы это могут, а Борден только что видел, как эта тварь превратилась в проектор солнечных лучей.

Но Боден еще не знал обо всех возможностях этого протовещества.

Он увидел, как псевдоподия вздрогнула, и тут же застыл от изумления, потому что холмик, приподнявшийся над землей, не пополз вперед, а рванулся к шоссе с невероятной быстротой.

Борден бросился к автомашине, запрыгнул в нее и погнал по шоссе на самой большой скорости. Какую только сумел набрать. Лицо его было бледным и потным. Руки дрожали.

– Что, Ди? – воскликнула Эллен. – Что происходит?

— Эта тварь, — заледеневшим голосом ответил Борден. — Она гонится за нами.

Эллен оглянулась и увидела наконечник псевдоподии белого пятна, которое несло к шоссе. Это была пятидесятифутовая бесформенная капля блестящего, прозрачного ужаса. Она не текла из общей массы, а выбрасывала перед собой покрытие из собственного вещества, по которому стремительно скользила основная масса.

Аналогией мог бы послужить кусок мыла, скользящий по поверхности, которую сам же смазывал перед собой, или рулон ковра, который, разматываясь, катился вперед.

Пригорок блестящего желе высотой с пятиэтажный дом влетел в долину со скоростью сорок миль в час или даже быстрее. Пользуясь силой тяжести, он скатился со склона, повернул и ринулся по шоссе за автомашиной.

Машина уже набрала скорость в сто миль в час, потом достигла ста пятидесяти миль в час. Двухсот.

Через пять миль такой гонки Борден остановил машину и вытер лоб.

— Что ж, — мрачно сказал он, — теперь я понимаю, почему его не могло остановить лучевое оружие. Это не амеба, а более разносторонняя штука. У нее есть мозги!

Он задумался, мрачно нахмурившись, затем свел автомобиль с дороги, обогнул дюну, за ней еще одну. Отсюда виднелась белая масса на горизонте.

Шоссе было покрыто белым веществом, которое мчалось вперед, устилая дорогу само собой. Потом оно остановилось, и по сторонам шоссе стали накапливаться новые белые массивы, расти, возвышаться, поверхность его покрывала рябь. Очевидно, оно накапливалось для нового рывка вперед.

Потом через пустыню устремилось новое псевдоподие. Все это походило на узкий гребень волны, бегущей по сухой земле.

– Оно поняло, что мы остановились, – сказал Борден. – Оно не станет нападать. Оно будет накапливать массу позади нас для нового рывка. А затем снова ринется вперед. Джерри, вы готовы испробовать рацию?

– Один момент, – вздохнул Джерри.

Машина поползла обратно на шоссе. Масса выжидающего желеобразного монстра стала еще больше. Она росла с каждой секундой, поскольку все новые волны протоземства подходили из оазиса.

– Включайте рацию, – скомандовал Борден.

Джерри, бледный и потрясенный, щелкнул выключателем. Невидимые радиолучи полились в долину из автомобиля. Они достигли капли желе, которая была уже такой же большой, как и в самом начале, у родительской массы. Желе яростно задрожало. Затем затихло.

– Выключайте, – скомандовал Борден. – Почему она не сработала?

Джерри выключил рацию, настроенную на короткие волны. Желе снова задрожало. Прищурившись, Борден уставился на него.

– Включайте.

Желе задрожало в третий раз, но уже менее яростно. Первое воздействие коротких радиоволн обеспокоило его, но оно почти сразу же сумело к ним приспособиться. Бесспорно, что оно было чувствительно к микроволновому излучению, но умело приспосабливаться к нему.

– Эта чертова тварь учится! – неистово выругался Борден. – Она мыслит! Она умна, как сам дьявол! Но если я прав, то больше всего остального она хочет ничего не делать. Она вынуждена бодрствовать, пока мы рядом, и ничего не может с этим поделать, но она хочет спать! Мы со своими рациями походим на москитов, жужжащих возле головы человека. Я тут подумал... – На секунду он замолчал, но тут же неприятно рассмеялся. – Я все понял. Изучив образец, оно может не обращать на него внимания.

Но живые существа всегда действуют без всякого образца. Поэтому оно не может игнорировать их. Оно сумело проигнорировать немодулированный радиолуч. Давайте, посмотрим, справится ли оно так же легко с модулированным. Джерри, микрофон.

Когда рация была включена, желеобразное чудовище даже не дрогнуло. Тогда Борден заговорил в микрофон:

– У Мэри был барашек,
он снега был белей,
куда бы Мэри ни пошла -
барашек шел за ней.

Вся масса чудовищного желе тут же бросилась к нему.

Эллен тут же сорвала машину с места и отогнала ее подальше. Голос Бордена прервался. И как только он замолчал, чудовищное желе тоже остановилось, дрожа гигантской блестящей кучей. Казалось, оно чего-то ждет. Борден мрачно глядел на нее.

– Оно хочет сделать солнечное зеркало, – сказал он, – но пока что оно не слишком большое. У него не хватает вещества. Мы можем уехать. Но оно не хочет прогнать нас. Хотя, если мы побежим, оно станет нас преследовать. За жителями этой планеты оно следовало тысячи миль. Несомненно, оно будет ползти за нами сколь угодно далеко. И есть еще Сэттелл. Мы должны убить его, но как? Я думал, что рация станет раздражать эту тварь, но она приспособилась к ней. Затем я решил, что волна, модулированная голосом, будет расходовать его силы. Но и этого не произошло. Сейчас нам нужна какая-нибудь новая идея!

Все молчали. Затем Эллен испуганно произнесла:

– Наверное, это глупо, но, может быть, рация просто недостаточно сильна? Может, она лишь щекочет его, пробуждает аппетит? Может, если луч был бы достаточно силен, то подействовал бы, как парализатор?

Борден не ответил. Он прикинул имеющиеся у них возможности и подумал о машине. Затем он встал.

— На этот раз мы рискнем всем, — мрачно сказал он. — Если к рации подключить источник энергии машины, это во много раз усилит радиоволны. И если до этого рация лишь вызывала аппетит у этого чудовища, то теперь она должна поджарить его, как тостер. Джерри, доставайте инструменты. За работу!

VIII

ТЕПЕРЬ по чудовищу должны были ударить сотни киловатт энергии в виде модулированных волн вместо нескольких ватт мощности. Рация это должна была выдержать. В ней стоял генератор холодной эмиссии, так что опасности сжечь ее не было.

— ...барашек шел за ней, — сказал Борден.

Масса чудовищного желе, лежащая за две мили от них, неудержимо задрожала. Просто без всякой цели. Борден удовлетворенно продолжал:

— Настала школьная пора -
и даже в этот раз
Смеясь, шалила детвора,
Ведя барашка в класс.
(перевод Г. Муравьевой)

Бесформенная масса живого вещества начала корчиться, выбросила из себя блестящие отростки, затем ринулась на склоны.

— За что любима Мэри им? -
враз закричали дети.
— За то, что Мэри он любим, -
Учитель им ответил, — продолжал Борден.

Желе бросилось наутек. Оно текло по ковру из собственного вещества, по которому могло передвигаться с ужасной скоростью. Оно стекло со склона на шоссе, вновь превратилось в блестящую каплю, такую же, какая совсем недавно преследовала машину.

И эта капля потекла в обратном направлении. Она сбегала. Она отчаянно мчалась, стремясь выбраться из сферы досягаемости коротковолновых лучей, образец которых не был жестко закрепленным, а постоянно и непредсказуемо изменялся, поскольку его изменяли звуковые волны, исходящие от какого-то предмета, который не обещал пищи белому пятну, но который белое пятно не могло проигнорировать.

Существо из белого пятна мучилось.

Инстинкты подсказывали ему, что то, у чего нет жесткого образца, является живым. А разум утверждал, что радиоволны испускает вовсе не жизнь. Эти волны причиняли ему такую же боль, как раскаленный пар, который вдувают человеку в ухо. Это было невыносимо.

Меньше чем через час Борден вернулся, установив запасную рацию в пустыне, в нескольких милях от белого пятна. Он уже стал уставать, к тому же прочитал все стихи, какие помнил наизусть.

– Давай теперь ты, Эллен, – сказал он, передавая жене микрофон. – Только говори без остановок.

– Я даже не знаю, что говорить, но... – начала Эллен. – Меня зовут Джон Веллингтон Уэллс, я торгую магией и чарами, зельями и приворотами, вечно полными кошельками, сглазами, сверчками и эльфами... Я считаю, в этом есть что-то неправильное, Ди, но буду продолжать говорить, хотя и не знаю, о чем.

– Я не стану тебе отвечать, – сказал Борден. – Оно может подслушать. Мне кажется, оно движется. Белая штука отступает!

Так и было. Белое покрывало пустыни уползало прочь. Псевдоподие – в данном случае его надо было бы назвать как-то по-другому, – которое гналось за людьми, давно втянулось, а теперь уходила основная масса пятна.

Обнажилась темная земля – перегной, почва оазиса, которая была покрыта отвратительным организмом уже много столетий с тех пор, как он завоевал эту планету.

– Я мог бы преследовать его, – мрачно сказал Борден, – но не уверен, что оно не превратится в солнечное зеркало. Мы дождемся сумерек.

– Но что именно мы делаем? – спросила Эллен.

ОНА ПЕРЕДАЛА микрофон Джерри, и тот принялся читать «Португальские сонеты», а живое желе непрерывно тряслось и в отвращении убегало к горизонту.

– Оно живое, – сказал Борден. – И как все живое, получает сигналы от органов чувств. Как и любой другой организм, оно учится не обращать внимания на эти сигналы после того, как классифицирует их. Так, мы не слышим тиканье часов. Если живем возле шумной улицы, то не слышим шум транспорта. Но мы просыпаемся от скрипа двери. Белое пятно умеет и игнорировать удары молний. Может игнорировать свет. Но оно не может игнорировать то, что не следует какому-то образцу. Оно должно обращать внимание на такие явления. Я посылаю ему сигналы, которые все время изменяются. Это означает, что сигналы испускают живые существа. Непрерывные, разнообразные сигналы, и слишком мощные для этой дьявольской штуки.

– Слишком мощные? – с сомнением повторила Эллен.

– Вы прикасаетесь к человеку, чтобы привлечь его внимание. Если вы прикасаетесь к нему слишком сильно, это уже не прикосновение, а удар, который может сбить его с ног. Именно так я и делаю с этой тварью. Я даю мощные сигналы, которые пятно не может игнорировать. Для него это, должно быть, то же самое, что звон тысячи колоколов,

даже хуже. И мы должны не прекращать этот сигнал. При этом нельзя повторяться, иначе тварь может привыкнуть к устойчивой схеме.

– Я буду говорить с ним по-французски, – сказала Эллен. – Но мне кажется, переносная рация не может быть слишком мощной...

– Я подсоединил ее к энергопитанию машины, – объяснил ей Борден. – Джерри настроил рацию еще до того, как начал читать поэзию. Так что сигналы достаточно мощные.

Когда наступила ночь, и использование солнечных зеркал стало явно невозможным, Борден повел машину по шоссе туда, где прежде лежало белое пятно. Рация непрерывно посылала вокруг радиоволны.

– Ля журти эт ля сигэйл, – сказала Эллен по-французски с ужасным произношением ученицы второго класса.

Борден с трудом узнал в ее словах все того же Шекспира.

Они достигли края пустыни, за которым лежала сырая земля оазиса, когда-то бывшая центром здешней цивилизации. Борден вздохнул и тронул машину к пустым, освобожденным строениям чужого города.

– Эту цивилизацию стоит изучить, – сказал он.

Они продолжали ехать вперед и вперед, ведя бесконечную беседу об особенностях местной расы, перемежая ее со «Сказками матушки Гусыни» и случайными обрывками воспоминаний из древней истории, греческой и римской мифологии, а так же о том, как нужно кормить и ухаживать за домашними кошками.

Когда наступил рассвет, Борден продолжал хрипло бормотать в микрофон, не выпуская тварь впереди из поля зрения. Она не переставала корчиться и время от времени начинала конвульсивно биться, безумно мечась из стороны в сторону и путаясь в шпилях домов и верхушках широких крытых мостов, которые с грохотом обрушивались.

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ, и у твари появилась возможность напасть на них с испепеляющим лучом, но она даже не подумала об этом. Она продолжала корчиться и трястись. Эллен глядела на нее глазами, полными ненависти.

– Она ведет себя, как сумасшедшая, – с отвращением заметила она.

– Может, так и есть, – сказал Борден. – По крайней мере, она устала. Но мы тоже устали. – Он сказал в микрофон. – Вероятно, ты не понимаешь, о чем я говорю, но зато прекрасно понимаешь, что хочешь отдохнуть. Так вот, я не дам тебе отдыхать.

И он передал микрофон Джерри, который вдруг вспомнил речь Спартака перед гладиаторами.

Но горы живого желе были уже страшно утомлены и дрожали явно с усилием. Постепенно их дрожь все слабела и слабела, пока вовсе не прекратилась.

– Мне кажется, оно умерло, сэр, – сказал Джерри.

Борден выключил рацию и тут же снова включил. Ужасное, величиной с половину кубической мили железное существо даже не вздрогнуло.

– Абракадабра, – сухо сказал Борден. – Фокус-покус, э плюрибус унум.

Никаких признаков жизни. Борден продолжал мрачно следить за ней, но к полудню стало заметно, что масса еще недавно живого вещества начала изменяться. Она разжижалась. По ее глянцевым бокам потекли ручейки, становившиеся все больше. Они текли в пустыню, где должны были непременно высохнуть.

Не думаю, что нам захочется быть поблизости нескольких следующих недель, – с отвращением сказал Борден. – Давайте вернемся на корабль.

И тут Эллен впервые за последние дни вспомнила о Сэттелле.

– А как же Сэттелл? – спросила она.

– Мы опередили его по пути сюда, – мрачно ответил Борден. – Но думаю, что он едет сюда. Он наверняка захочет удостовериться в нашей гибели. Поскольку он не знает, что такое белое пятно, то, мне кажется, он посчитает, что нам или окажут помощь, или убьют. Если он доберется сюда и увидит, что мы не стали друзьями с белым пятном, он будет уверен, что мы мертвы. Тогда он поедет обратно к кораблю. Думаю, мы встретим его на шоссе.

Так и случилось. На второй день обратного пути они увидели автомобиль Сэттелла, едущий им навстречу, поскольку золотистый металл хорошо отражал солнечные лучи.

Джерри тут же завел машину за ближайшую дюну, и они с Борденом залегли на вершине. Сэттелл мчался со скоростью сто пятьдесят миль в час, поднимая позади длинный шлейф песка.

Борден и Джерри выстрелили одновременно тонкими лучами пламени из золотистых ружей. Машина Сэттелла промчалась мимо них, но тут по ее колесам, которые были вовсе не похожи на колеса, ударил луч пламени, и они разлетелись в пыль. Машина пошла юзом, трижды перевернулась и остановилась.

Овальное ветровое стекло откинулось в сторону, и через него выполз Сэттелл. В руках у него оказалось золотистое ружье. Должно быть, он потратил много времени, разыскивая его в разрушенных фортах. Размахивая им, он побежал к дюне, вопя от ненависти. Потом остановился.

Его ружье выстрелило, но луч оказался очень коротким и поджег пустыню прямо перед ним. И Сэттелл рухнул ничком в пламя.

Когда полетный журнал и карты звездного неба нашлись в машине Сэттелла, Борден и Джерри разом вздохнули с громадным облегчением.

ПРОШЛО БОЛЬШЕ месяца, прежде чем «Даная», отремонтированная, заправленная топливом и загруженная продуктами, выращенными Эллен, осторожно зависла над тем местом, где было прежде белое пятно. Борден бережно опустил корабль на центральную площадь города, который некогда являлся центром здешней цивилизации.

Все трое провели целый день, осматривая город. Они нашли предметы, назначение которых не смогли понять, предметы, вызвавшие у них улыбку, и предметы просто изумительные. Любая цивилизация делает одни открытия и проходит мимо других, и мечтает о третьих, которые другие цивилизации считают сами собой разумеющимися. В здешнем мире можно было найти много полезного, когда сюда прилетят исследователи.

– Мне кажется, – сказала Эллен мужу, – ты уже хочешь вернуться сюда.

Борден согласно кивнул.

– Восемнадцать тысяч квадратных миль оазиса – и никаких туземцев, – сказал он. – Это же замечательное место, где можно жить и изучать город и здешнюю цивилизацию. У ней есть чему поучиться. А ты станешь возражать?

Эллен рассмеялась и протянула руку, в которой были семена.

– Я посадила почти все наши семена, – сказала она, – так что, когда мы прилетим обратно, здесь будет масса земных растений.

– А что думаешь ты, Джерри? – спросил Борден.

– Есть одна девушка... – робко сказал Джерри. – Если я смогу набрать группу, чтобы создать здесь колонию, то я, наверное, вернусь.

– Значит, мы все вернемся, – подытожил Борден. – И в следующий раз привезем сюда с полюса наших пушистых приятелей, и прочувствуем, наконец, что значит спокойно жить и работать.

А затем «Даная» поднялась к звездам и взяла курс домой.

(Startling Stories, 1955, Summer)

THRILLING ANC WONDER STORIES

APR.
25¢

FEATURED NOVELETS

PLANET OF THE SMALL MEN

By MURRAY LEINSTER

THERE SHALL BE NO DARKNESS

By JAMES BLISH

JOURNEY FOR SEVEN

By JOHN D. MACDONALD

A THRILLING
PUBLICATION

ПЛАНЕТА МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА I

Нападение из ниоткуда

ЗВЕЗДЫ возникли со всех сторон с внезапностью и неистовством катастрофы. «Маринта», разбитая и покореженная, выскочила из гиперпространства в обычный космос на бешеной скорости летучей мыши, несущейся из Ада.

Одна сторона корабля была перекошена, словно ее распирало изнутри гигантское давление. Атмосферный стабилизатор был оторван, и на его месте зияла дыра.

Лон Хауэлл посмотрел на громадный круг, грациозно плывущий в космосе в окружении своей планетарной семьи. Это было желтое светило типа Солнца, вот только у него было кольцо, говорящее о том, что в древности какая-то планета потерпела катастрофу в пределах Роше и разлетелась на куски.

Недалеко от «Маринты» была зеленая планета. Но где-то летел другой корабль, напоминающий слизняка, размерами поменьше «Маринты», который без всяких причин, вероятности и даже возможности напал на земное судно с бессмысленной яростью возле желтой планеты за много-много световых лет отсюда, возле Крабовидной Туманности. Нападение казалось тем более нелепым, так как было давно доказано, что во всей Галактике не было расы, которой могли опасаться люди.

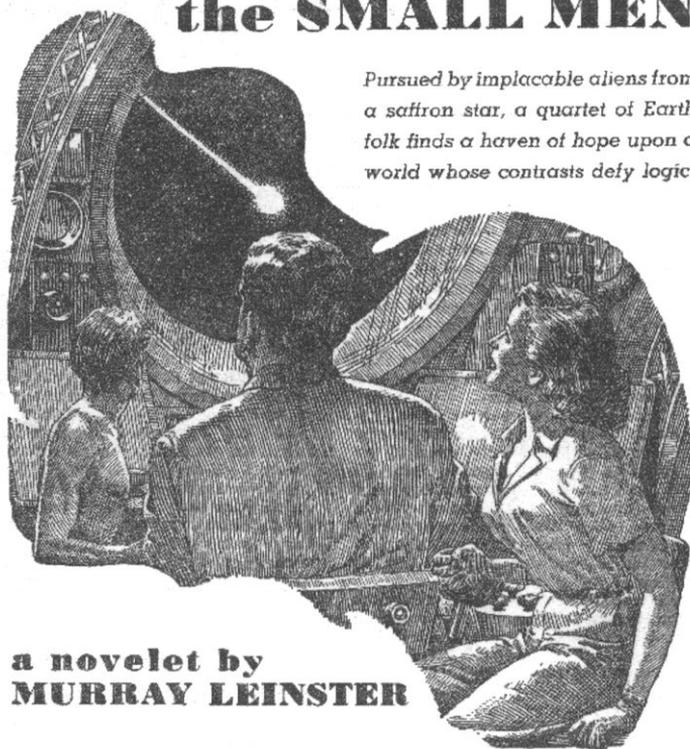
Но эта другая раса все же появилась. Корабль, похожий на отвратительного слизняка, не только без предупреждения напал на «Маринту», но и первый же свой залп обрушил на кораблик-разведчик, повредив ему стабилизатор.

И, что хуже всего, когда Лон машинально бросил корабль в гиперпространство, слизняк-агрессор сумел последовать за ним.

Он тоже пошел в гиперпространство, и впервые за всю историю исследований космоса метеоритные датчики зазвенели сигналом тревоги, в то время как земной корабль неся в пустоте со скоростью в двести раз быстрее скорости света.

PLANET of the SMALL MEN

*Pursued by implacable aliens from
a saffron star, a quartet of Earth
folk finds a haven of hope upon a
world whose contrasts defy logic!*

**a novelet by
MURRAY LEINSTER**

Корабль-слизняк следовал с той же скоростью и по тому же курсу. Он сумел преследовать их даже в гиперпростран-

стве. Он не мог по чистой случайности оставаться на расстоянии четверти миллиона миль при скорости почти в два миллиарда миль в секунду. Он их явно преследовал.

Лон Хауэл сначала не поверил этому. Он попытался сменить направление – в гиперпространстве-то! Но это не помогло. Тогда он попробовал оторваться от своего свирепого преследователя и, рискуя перегрузить двигатель, добавил еще сорок световых скоростей сверх безопасного минимума. Преследователь сделал то же самое, и, когда Лон понял, к чему это приведет, у него посерело лицо.

Путешествовать в гиперпространстве тяжело само по себе. Но лететь в нем неделю, зная, что за вами гонится враг – враг, с которым невозможно бороться, трудно вдвойне. А кажущийся бесконечным полет, во время которого становится очевидно, что преследователь издевательски воздерживается от вашего уничтожения, чтобы вы привели его к вашей родной планете, которая будет фактически беззащитна против него – тяжелее десятикратно.

Таким образом, Лон Хауэл вышел из гиперпространства, и взорвавшиеся вокруг звезды показали, что он в обычном космосе. Он досчитал до двух, мельком заметив солнце с кольцом и зеленую планету неподалеку, а затем снова ткнул в кнопку, возвращаясь в гиперпространство.

Где-то на мгновение вспыхнула электрическая дуга, в машинном отделении кто-то закричал – и ничего больше. Вспышка исчезла, оставив в воздухе вонь сгоревшей изоляции, которую тут же ликвидировал очиститель воздуха. «Маринта» по-прежнему была в обычном космосе, и ее окружали две... нет, три... нет, целых четыре планеты.

В рубку управления быстро вошла Кэрил.

– Ускоритель помер, Лон. Скачок напряжения, когда ты включил его, ударил его в самое сердце.

– Это был единственный способ смыться, – яростно ответил Лон. – Мы могли бы быть уже далеко. Не знаю, насколько чувствительны датчики у этого слизняка... – Они

назвали корабль преследователя по его форме, поскольку другой информацией не обладали, кроме той, что он враг и хочет их уничтожить. – Но его датчики все равно не помогут, пока пилот не вывел корабль из гиперпространства. Я рассчитывал, что за эти секунды успею взять новое направление, прежде чем он засечет нас.

Кэрил кивнула. Как только они поняли, что преследователь ждет, пока они приведут его к планете, с которой прилетела «Маринта», они стали тщательно планировать каждый маневр. В обычном космосе даже двухсекундная задержка могла стать решающей.

– Мы должны уничтожить карты звездного неба, – холодно продолжал Лон. – И установить бомбы, чтобы в любой момент разнести «Маринту» на атомы. Как только они поймут, что мы не летим домой, они прекратят игру и захватят нас. Разумеется, мы должны умереть до этого, чтобы не выдать никакую информацию. Начинать уничтожать все наши навигационные материалы. Собери все. Я собираюсь отправиться вон к той планете. Если мы успеем сесть на нее, у нас будет время, чтобы починить ускоритель и нырнуть в гиперпространство, прежде чем они отыщут нас. Судя по цвету атмосферы и составу солнечного излучения, на планете должен быть кислород.

Пока он говорил, «Маринта» уже неслась на планетарных двигателях к зеленому миру. Кэрил кивнула и вышла из рубки. У них не было времени распускать нюни.

«Маринта» была одним из сотен разведчиков, посланных с Земли в дальний космос. Человечество уверенно расширило сферу своего жизненного пространства. Вернулись дни романтических путешествий и открытий. Открыв способ летать быстрее света, люди смогли покинуть Солнечную систему. А открытие Метьюсоном основ патогенности уничтожило страх заразиться чужими микроорганизмами.

Раскрытие тайны Погибшей Расы, казалось, гарантировало, что у Человечества не может быть врагов – потому

что раса, предшествующая Человечеству, явно была культурой, распространившейся по Галактике, и она погибла по внутренним причинам, не оставив в живых своих потенциальных врагов. Так это казалось.

Человечество посылало корабли во всех направлениях, изучая и расселяясь по Галактике, в которой ожидали их прибытия около трехсот-четырёхсот миллионов пригодных для жизни планет. Кто угодно мог купить яхту или колониетский корабль и найти себе планету, ожидающую заселения. Но «Маринта» нашла врага. Потому что любая раса, которая умела летать в гиперпространстве, была потенциальным врагом Человечества.

По кораблю разнесся запах горелого, когда Кэрл принялась сжигать звездные карты и навигационные записи. Очиститель воздуха отважно боролся с этой вонью. Запах слабел, но тут же усиливался, когда новые порции бумаги попадали в высокотемпературный тигель. Сжигать приходилось все, потому что надежд на победу не оставалось. «Маринта» была практически безоружна.

Высокотемпературные лучи годились лишь на то, чтобы уничтожить растительность вокруг места посадки в чужом мире. Личное оружие должно быть на борту любого корабля. Но самым опасным на корабле было устаревшее огнестрельное оружие, стреляющее пулями размером с мизинец. А усыпляющие пистолеты были надежной защитой от любых форм дикой жизни не больше слона.

Так что «Маринта» была обречена. Только если она сумеет сесть где-нибудь на планете, тогда появится слабая, очень слабая надежда сохранить жизнь четырех человек на борту. Но у них был долг превыше сохранения собственной жизни.

Если кто-то из них будет захвачен живым, или даже мертвым, то из него возможно будет добыть информацию, из которой вражеская раса сумеет узнать местонахождение Земли, и это будет формой измены, настолько чудовищной,

что у нее нет даже названия. Лон и не думал искать способ спасти свою собственную жизнь, жизнь Кэрол или любого другого из них. Он не собирался идти ни на какой компромисс.

Но если Земля не получит предупреждение, то может подвергнуться внезапному нападению. У корабля-слизняк было оружие, о каком Человечество и не мечтало. Луч, от которого один борт созданного из сплава бериллия земного корабля был смят, как мокрая бумага. Если бы последовал второй удар, то корпус был бы пробит насквозь, корабль бы лишился воздуха и экипаж погиб, оставив врагам неповрежденные приборы и записи. Такой луч был не только неизвестен на Земле – люди даже теоретически не предполагали о его существовании.

Оружия, которое могло вырвать стабилизатор, продырявить корпус и уничтожить попутно спасательную шлюпку, не существовало на Земле даже в проектах. Это были не обычные ракеты, а нечто новенькое. Предупрежденное Человечество могло бы начать готовиться к войне. Но если его не предупредить, оно будет беззащитно.

Поэтому Лон и направил «Маринту» к зеленой планете. Он пытался не питать при этом никаких надежд, но так трудно было удержаться.

Через одну пятидесятую долю секунды корабль-слизняк должен выскочить в обычный космос в том месте, где отказал ускоритель «Маринты». Должно пройти несколько секунд, прежде чем он сориентируется и прощупает окружающее пространство своими датчиками. В самом крайнем случае. На это должно уйти не меньше пяти секунд. А за это время «Маринта» пролетит десятую часть миллиона миль.

Их собственные противометеоритные датчики не смогли бы прощупать пространство на таком расстоянии.

Лон лихорадочно размышлял. Если бы успеть за это время совершить посадку. Если бы суметь спрятать корабль

под водой или в высокой растительности! Если бы как-то ухитриться спрятаться на планете от преследователей, от которых они не сумели уйти в космосе, тогда бы команда «Маринты» могла что-то придумать, чтобы победить и уничтожить корабль-слизняк или хотя бы как-то отправить на Землю известия о его существовании.

Диск зеленой планеты рос с каждым мигом. Лон мчался со всем ускорением, на какое был способен корабль. Он уже видел синий океан и полярные ледяные покровы. Он видел облака, напоминающие белые капли, которые скрыли часть зеленой суши и синего океана. Круглый лик планеты почти заполнил собой передний экран, но скорость корабля была так велика, что он не сумел бы вовремя затормозить, и вынужден был обогнуть планету и сесть на противоположном ее полушарии.

Положив яхту на нужный курс, Лон начал торможение. Для такой посадки нужны точные вычисления, но Лон не собирался садиться на заранее приготовленном космодроме. Ему подойдет любое место на противоположной стороне диска в десять тысяч миль величиной. Скорость падала, и в Лоне уже проснулась надежда.

И тут пронзительно завопил сигнал тревоги.

Лон стиснул зубы, отбросил все необоснованные и неосуществимые теперь планы выживания и резко бросил «Маринту» вниз. Корабль понесся к лику планеты с сокрушительным ускорением, втиснувшем Лона в пилотское кресло.

Он чуть-чуть изменил курс, направляясь туда, где океан казался очень глубоким. Корабль врезался в атмосферу на космической скорости. Если «Маринта» не разобьется и не выпадет на землю в виду дождя из расплавленных металлических капель, то она должна уйти в глубину неизведанного моря, и корабль-слизняк никогда не сумеет определить ее местонахождение или вытащить на поверхность.

Кэрил появилась в дверях и с трудом пересекла рубку.

– Нет никаких шансов, Лон? – спросила она, задыхаясь от напряжения, потому что ей приходилось бороться с возросшим при ускорении тяготением.

– Шансов нет, – коротко бросил ей Лон. – Прости. – Затем он добавил: – Прости, что не могу вернуть тебя на Землю...

Что-то пылающее пронеслось мимо корпуса «Маринты». Это было почти попадание – они промахнулись лишь на пару футов. Второй, третий и четвертый удар – и все пролетели мимо с одной стороны.

– Они пытаются заставить нас повернуть, – очень спокойно сказал Лон. – Мы можем уйти в океан, и они понимают это. Они не хотят ударить прямо по корпусу из страха уничтожить нужные им данные. Но мы не свернем, даже если они разнесут нас на куски.

Он включил задний видеоэкран. Корабль-слизняк был еще так далеко позади, что оставался невидимым. Но он без сомнения летел за ними. Пока Лон разглядывал экран, появился тоненький лучик пламени, которое, очевидно, окутало корабль. «Маринта» задрожала и принялась раскачиваться.

Еще несколько выстрелов пролетели мимо. «Маринта» содрогалась после каждого из них, но по-прежнему мчалась к планете, и теперь уже было невозможно избежать катастрофы. Потом двигатели смолкли и ускорение исчезло. Лон протянул руку и обнял Кэрил за талию.

– Нам просто не повезло, – мрачно сказал Лон. – Я люблю тебя, Кэрил. Ты ведь найдешь меня там, после смерти?

Кэрил поцеловала его, лицо ее было бледно. Рядом промелькнула очередная вспышка. Корабль несся, кувыркаясь, к зеленой планете. Она была уже такая громадная на вращающемся экране, что они видели лишь часть диска, совсем рядом, и они падали на него.

– Осталось миль восемьсот, – сказал Лон. – Прежде, чем приборы вышли из строя, они показывали скорость в сто двенадцать миль в секунду. – Затем он крикнул: – Держись!

Поверхность планеты, на которую они упали, внезапно вспыхнула под кораблем ярким пламенем. Это воздух, сжатый от их падения, мгновенно раскалился до голубовато-белого состояния.

ГЛАВА II

Смерть с неба

ОНИ НИЧЕГО не чувствовали. Они ждали, что вылетят внешние люки и в корабль ворвется раскаленный чуть ли не до солнечной температуры огонь, который уничтожит все, прежде чем они ощутят его.

Но ничего не произошло – вообще ничего. Пламя исчезло. Они почувствовали невесомость, как при свободном падении, головокружение и невольный, панический страх, который люди унаследовали от своих предков еще от самой Погибшей Расы.

Исчезновение пламени указывало на то, что падение их замедлилось – но это было невозможно. Ничто извне не могло бы затормозить падение корабля, не разрушив его корпус и не убив экипаж.

Воздух свистел за бортом полумертвой «Маринты». Сначала свист был тончайшим, и от него болели уши, потом он стал визгом, затем стоном, который становился все более низким по тональности. Лону Хауэлу стало плохо от страха, когда он понял, что нечто извне замедляет их падение.

Он взглянул на экран. «Маринта» вращалась. Внизу промелькнула зеленая поверхность планеты, затем изогнутый горизонт, небо, начинающее голубеть между тающими звездами. И тут же на небе сверкнули молнии, метившиеся в «Маринту», но остановленные атмосферой.

А снизу надвигалась поверхность планеты. Они не попали бы в морские глубины. Не ударились бы даже об отмель вдоль континентальной береговой линии. Лон стиснул кулаки. Нет, они нацелились на сушу. И, без всяких причин и вопреки всем вероятностям, они спускались быстро, почти стремительно, но все же не падали камнем.

Когда горы были еще едва заметными бугорками, они беспорядочно падали. Но теперь, когда горный хребет оказался на одном уровне с ними, они спускались вниз лишь немногим быстрее, чем на парашюте. Но они не чувствовали никакого торможения. У них по-прежнему было ощущение свободного падения.

Затем снизу поднялись деревья, чтобы принять удар на себя, и «Маринта» врезалась в гущу ветвей и листьев, подпрыгнула, пронзила группу тонких стволов и ударилась о землю, упала и затихла.

Когда полет закончился, Лон прижимал к себе Кэрил, пытаясь использовать себя вместо подушки. И ему повезло. Голова зазвенела от заключительного удара корабля о землю, но Кэрил осталась цела.

Невзирая на головокружение, он поднялся на ноги.

– Все быстро отсюда! Если это слизняк поддерживал нас какими-то притягивающими лучами сверху, не дав кораблю разбиться, то они вот-вот начнут ловить нас, как рыбу! Быстрее наружу!

Выкрикнув это, он двинулся из рубки, помогая Кэрил и не обращая внимания на струйку крови, текущую у него по щеке. Все четверо, составляющие команду «Маринты», побежали к внешнему люку.

Кэрил первая выскочила из люка – теперь, когда «Маринта» лежала на боку, он был на верху корпуса. Оттуда она спрыгнула на землю и помогла спуститься остальным. Первым был Бертон, охотник на крупную дичь и инженер в их частной экспедиции. За ним шел ее отец, знаменитый

на Земле биолог, но в этом полете исполняющий одновременно обязанности повара.

Они были в синяках и ссадинах и все еще не верили, что остались живы. Но они по команде выскочили из корабля, а Лон, найдя кое-какое оружие, догнал их, когда они уже были в джунглях, почти совсем скрывших корабль.

И опять-таки ничего не происходило. Они бежали, задыхаясь и спотыкаясь, пока не отошли на милю от корабля. Там они остановились, пытаясь отдышаться. Лон раздал им ультразвуковые пистолеты, а Бертону протянул пистолет, стреляющий раскаленными лучами, с помощью которого можно было легко разжечь костер. Это было все их вооружение.

Они убежали из «Маринты», потому что не верили, что она может просто так, с выключенными двигателями, замедлить полет. Теперь они глядели, ожидая, как разбитый, зияющий пробоинами корпус поднимется над джунглями и улетит в небо. Человеческая наука утверждала, что такие притягивающие лучи невозможны, но ведь что-то же замедлило их падение!

НО КОРАБЛЬ лежал неподвижно. Они стояли в джунглях, почти лишенных подлеска. У большинства деревьев были прямые стволы, из которых росли ветви, а из тех, в свою очередь тоже росли ветви, спускавшиеся к земле и укоренившиеся в ней, чтобы питаться самостоятельно.

Не было ни птиц, ни насекомых, но словно из ниоткуда доносилось какое-то мелодичное жужжание, создававшее фоновый шум и нарушающее абсолютную тишину.

Лон перестал пялиться в сторону корабля и взглянул на небо. Там не было никаких признаков корабля, напавшего на них и неотступно преследовавшего их несколько тысяч парсеков, но не полетевшего за ними в атмосферу.

– Странно, – сказал он, нахмурившись. – Разумеется, наши друзья не могли побояться последовать за нами. Но что им мешает?

– Они могли решить, что это наша родная планета, – задумчиво ответил Бертон. – Вы хоть знаете, что это за система, Лон? Могут они здесь найти земную колонию? А может, они увидели города? Как вы думаете, здесь живут люди?

Лон покачал головой.

– Существуют лишь несколько десятков колонизованных планет, где люди живут в поселках с населением больше тысячи. По теории вероятности, миллиард к одному, что здесь имеется хотя бы единственная плантация.

– Что же замедлило наше падение, Лон? – спросил отец Кэрил. – Ведь это же сделали не вы? Мы на всех парах ринулись в атмосферу. Вы явно хотели разбить корабль вдребезги, разве не так?

– Мы летели со скоростью сто двенадцать миль в секунду, – кратко ответил Лон. – Большинство метеоров влетает в земную атмосферу со скоростью сорок пять миль в секунду. Мы должны были сгореть еще в воздухе, а если бы что от нас и осталось, то оно должно было упасть в океан вон в той стороне. – Он ткнул большим пальцем в горизонт. – Мы все понимали, что гораздо важнее не дать им сведений о Земле, чем спасти свою жизнь.

– Все так, – согласился отец Кэрил.

– На переднем экране появилось пламя, – добавил Лон, – но почти сразу же исчезло, когда наше падение стало замедляться. Я подумал, что это корабль-слизняк каким-то образом сдерживает нас.

– Может, они не в силах поднять «Маринту», потому что притягивающий луч не действует в атмосфере, – предположил Бертон. – Или она слишком тяжела для них.

– На это есть два возражения, – сказал ему Лон. – Во-первых, он буквально за секунды снизил нашу скорость со ста

миль в секунду почти до ноля, на что потребовалось бы гораздо больше мощности, чем просто поднять корабль с поверхности планеты. Во-вторых, он работал в атмосфере. Мы падали уже в атмосфере, когда началось замедление.

Планета, возле которой судно-слизняк напало на нас, – тихо сказал отец Кэрил, – была с атмосферой из хлора. Там была желтая растительность, а звезда – белый карлик. Возможно, они не приземляются, потому что у них нет оборудования для работ в кислородной атмосфере?

– Вряд ли, – ответил Лон. – Здесь подошел бы любой скафандр.

– А может, наше падение затормозило что-то, находящееся на планете, – предположила Кэрил. – И они увидели это, когда последовали за нами. Возможно, они заметили, как что-то воздействует на их корабль, поэтому они быстро улетели. Так поступили бы мы сами, если бы смогли, когда на нас напал этот слизняк. По крайней мере, мы попытались.

Лон, моргая, уставился на нее. Время от времени Кэрил поражала его, проявляя недюжинный ум, вот как сейчас, но это не влияло на его отношение к ней.

– В этом что-то есть, – поразмыслив, сказал Лон. – Если слизняк ринулся следом за нами и столкнулся с чем-то, чего существа, управляющие им, не смогли понять, то они должны были отступить, опасаясь разбиться.

– Но что это было? И что они сделают теперь? Будут летать вокруг планеты, ожидая, пока мы не поднимемся в космос? Они попытаются найти нас и уничтожить? Но в любом случае, если ты прав, то у нас появился шанс выжить.

– И что мы можем сделать? – спросил отец Кэрил.

– Много чего, – спокойно ответил Лон. – Весь Род Человеческий разлетелся по Галактике так, словно это лужайки для пикника. Никто не думает об опасностях. Никто понятия не имеет, что любой корабль может подвергнуться

нападению. Но кто бы или что бы ни находилось на корабле-слизняке, оно опасно и против него нам нужно оружие, потому что мы им не нравимся. Мы не нравимся им настолько сильно, что они напали на нас и теперь гонятся за нами, рассчитывая таким образом найти нашу родную планету и уничтожить ее. То же самое они сделают с любым другим земным кораблем, на который натолкнутся. В следующий раз они могут добиться успеха – и Земля станет им легкой добычей. Мы должны непременно предупредить об этом Землю. И если это будет стоить нам жизнью, то это будет еще очень дешево.

– Я был в машинном отделении, – хмуро заявил Бертон, – когда что-то пробило корпус и нанесло удар по главному двигателю. Оно прошло буквально в дюймах от меня, и я едва успел выскочить и захлопнуть дверь, прежде чем из машинного улетучился весь воздух. Но я успел заметить, что двигатель разбит. Он стал даже не грудой обломков. Он частично расплавлен, а частично просто расплескан. Его невозможно починить. Нам нужен новый двигатель, если мы не хотим лететь до Земли тысячи лет.

– Ускоритель тоже накрылся, – с несчастным видом сказала Кэрил. – В нем пробоина. Мы могли бы починить его, но...

– Я понимаю необходимость предупредить Землю, Лон, – сказал отец Кэрил, – но не вижу никакой, даже призрачной возможности сделать это.

– Я тоже, – кивнул Лон. – Но мы обязаны сделать это.

Внезапно что-то появилось высоко в небе. У него были машущие крылья. Бертон прищурился. Все уставились вверх. Конечно, это не было кораблем-слизняком. Атмосфера была слегка мутной, и они не могли точно определить, было ли это чем-то маленьким, медленно летящим неподалеку, или, напротив, большим, и стремительно несущимся вдалеке.

– Это может быть каким-то животным, – сказал Бертон.
– Естественно, оно направилось бы сюда. Мы пока что не знаем, что здесь за существа. На Спике Четыре, например, есть летающие хищники...

– А это может быть аэроплан? – с тревогой спросила Кэрил.

Бертон пожал плечами.

– Несколько дней назад, – хмуро ответил он, – я улыбнулся бы, видя такое невежество, Кэрил. Но теперь просто не знаю.

Казалось, всего лишь недавно имелись полные доказательства того, что во всей Галактике нет никакой разумной расы, кроме Человека. Теперь появилась раса, живущая на планете с хлорной атмосферой где-то возле Крабовидной Туманности. Но шансы против обнаружения еще одной нечеловеческой цивилизации оставались громадными, а существа, дышащие хлором, не станут строить колонию на планете желтого солнца.

– Мы никак не можем узнать, что это за существо, – сказал Лон. – Просто это что-то с крыльями. Но какое-то чувство подсказывает мне, что на этой планете есть нечто необычное, что или убьет нас, или поможет. Мне кажется, мы должны попытаться найти это как можно быстрее. Мы должны послать предупреждение на Землю, и у нас мало времени.

Четыре человека не могут быть мощным отрядом. Они были уставшими до предела. На них была только та одежда, которую они носили на «Маринте», плюс ручное оружие, которое успел прихватить Лон.

Их корабль был разбит и не подлежал ремонту, к тому же он не мог противостоять кораблю-слизняку, который, по-видимому, летал где-то за пределами атмосферы. Они не имели возможности связаться с Землей, находящейся за сотни световых лет отсюда.

– Не существует никакого естественного силового поля, – упрямо повторил Лон, – которое не дало бы нам разбиться вдребезги. Вся земная наука тоже понятия о таком не имеет. Но что-то же это сделало. Мы должны узнать, кто или что спасло нас и попытаться заключить с ними сделку, чтобы предупредить Землю о дышащих хлором маньяках на слизняке и их стремлении убивать все подряд.

ОТЕЦ КЭРИЛ внезапно на что-то указал. Что-то летело вниз прямо с неба. Что-то очень маленькое, меньше «Маринты», меньше даже разбитой спасательной шлюпки «Маринты». Оно было едва ли больше человеческого тела.

Едва ли его можно было легко заметить, если бы не две вещи. Во-первых, оно не падало стремительно, как камень, с увеличивающейся скоростью, а спускалось плавно, хотя и быстро.

А во-вторых, за ним тянулся след, похожий на дым ракетного двигателя. Вот только этот дым был желтым. Дым интенсивно вылетал из спускающейся штуковины, словно изо всех сил пытавшейся набрать скорость.

Лон смотрел – и что-то щелкнуло у него в голове. Он вспомнил историю древних войн и ранних межпланетных полетов.

– Бежим отсюда! – внезапно рявкнул он. – На другую сторону холма! Быстро!

Он чуть ли не потащил остальных за собой волоком. Зараженные его торопливостью, они перебрались через гребень холма и побежали вниз по противоположному склону, огибая тонкие деревца. И тут раздался взрыв.

Земля ударила их снизу в ноги, так сильно, что все подлетели. Над гребнем холма возникла вспышка света, такая яркая, что деревья озарились неестественным освещением.

Через несколько секунд раздался рев – а с ним пришел чудовищный шквал ветра. Ветки и листья взлетели в воз-

дух, комья земли и камешки ударили по бегущим людям. Кэрил повернула к Лону испуганное лицо. Все вокруг трещало, скрипело и рушилось. Они остановились. Теперь все поняли, что это было, и инстинктивно обернулись назад.

Они увидели ужасное облако, летящее вверх. Оно взмыло к небу и стало расползаться наверху, становясь похожей на пальму. У облака был тонкий ствол и расширяющаяся закругленная шапка. Только один вид взрыва может создать такую пальму высотой в десять миль.

– Нужно определить направление ветра, – очень спокойно сказал Лон. – Сейчас пойдет радиоактивный дождь, и мы же не хотим попасть под него.

Все стояли молча. Они не должны были остаться в живых. Прежде всего, они должны были сгореть вместе с «Маринтой» во время падения на планету. В любом случае, они должны были погибнуть, когда корабль ударился о поверхность. И, конечно же, они должны были находиться возле корабля, пытаясь спасти уцелевшие после крушения вещи, когда существа с корабля-слизняк – а в этом никто не сомневался, – пустили управляемую ракету с атомной боеголовкой, которая взорвалась так близко от земного корабля, что «Маринта» теперь летит в верхних слоях стратосферы в виде металлического пара.

И даже на таком расстоянии они должны были получить смертельную дозу радиации, если бы не спрятались по другую сторону холма.

– Ветер дует в сторону океана, – сказал, наконец, Лон. – Но мы все равно должны уходить отсюда. Наши приятели наверху, скорее всего, решат, что мы мертвы, но могут спуститься, чтобы убедиться в этом наверняка.

Затем он замолчал. Вокруг было тихо, очень-очень тихо. Все было поразительно мирно и спокойно. Весь мир вокруг них был жестоко, ужасающе тих и безмолвен.

А затем, внезапно, возникло на грани слышимости мелодичное жужжание. Оно казалось фоновым шумом и шло

со всех сторон. Ничего подобного они не слышали, но этот звук нарушал зловещую тишину. Он начался сразу, мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем.

А через полчаса они увидели в небе самолет.

ГЛАВА III

Экипаж

ОНИ УХОДИЛИ подальше от оставленного бомбой кратера, направляясь к находившейся неподалеку горной цепи. Там должна быть река и наверняка какая-то животная жизнь.

Теперь им нужно было подумать о том, как выжить здесь продолжительное время, а у них не было с собой ничего необходимого даже в самых благоприятных условиях. На них была легкая одежда, подходящая для помещений с кондиционерами «Маринты». У них были усыпляющие пистолеты, но не было ни инструментов, ни приборов для наблюдения.

Сила тяжести на планете была, казалось, чуть больше земной, но они не были уверены в этом. Они так долго пробыли при искусственном тяготении на «Маринте», так что даже тяжесть на Земле могла показаться им непривычной.

Но воздух здесь был вполне удовлетворительный, каким и являлся на каждой третьей планете солнца типа Соль. Присутствовали в нем различные ароматы. Иногда странные, но большей частью знакомые, просто ароматы растительности, как в нехоженных уголках Земли. И это тоже было обычным делом.

С похожим спектром солнечного излучения и одинаковым набором элементов в коре планеты, неизбежно должны возникнуть и подобные органические соединения. Например, хлорофилл. Здешняя растительность была зеленой, а

зеленой ее делает хлорофилл, поглощающий солнечный свет и производящий из него крахмалы, сахар и целлюлозу.

Органическая химия звездных систем типа Соль подобна во всех уголках Галактики. Иначе и быть не может. Так что здесь должна существовать еда. Но некоторые растения на Земле ядовиты, а также животные, главным образом рыбы, так что это может быть проблемой.

Но это уж было задачей отца Кэрил. Он осматривал глыбы, похожие на орехи, но размером с бейсбольный мяч, висящие на ветках деревьев с листьями, напоминающими папоротник, когда Кэрил закричала:

– Смотрите! Самолет!

Лон Хауэл моментально повернулся. Это действительно был самолет. Но весьма странный самолет. У него не было заметно характерного металлического блеска. И он явно не стремился достичь высоких скоростей. Он был приятной формы, но крылья на его фюзеляже были слишком уж маленькими, примерно в такой же пропорции, как плавники земных рыб.

И скорость его была невысокой. В отличие от земных самолетов, этот, казалось, неподвижно висел в небе, словно слишком короткие крылья с трудом поддерживали его. В общем, этот самолет производил весьма противоречивое впечатление.

Он был достаточно близко, так что можно было определить его размеры – футов в тридцать длиной, при размахе крыльев в десять футов. Причем крылья были весьма не широкими. Но фюзеляж достаточно большим, чтобы внутри могли сидеть рядом два человека, и, вероятно, таких рядов сидений было там несколько.

Он направлялся в их сторону, рыская в поисках восходящих воздушных потоков, как земные планеры. И находился он в четверти мили, футов на двести выше верхушек деревьев. Пока они глядели на него, он подлетел к месту, где взорвалась бомба.

– Как вы думаете, корабль-слизняк сел на планету, и эти существа – с него? – прошептала Кэрил.

– Тогда они бы не полетели над радиоактивной территорией, – медленно проговорил Лон. – Они управляли ракетой и, несомненно, наблюдали за взрывом. Так что им сейчас там изучать?

Самолет с недоразвитыми крыльями стал подниматься вверх, пока не исчез в вышине. Следившие за его полетом люди молчали, пока он не скрылся из виду.

– Люди обследовали не меньше шестидесяти тысяч планет, – неприятным тоном сказал, наконец, Лон, – но нигде не встретили ни малейших признаков чужих цивилизаций. Ну, ладно, одну разумную расу мы можем найти, но чтобы сразу две!.. И одна из них умеет строить атмосферные самолеты, но понятия не имеет об атомных бомбах, а, осмотрев кратер, их самолет со страхом улетает прочь! – Помолчав, он сердито добавил: – Мы привели корабль-слизняк к планете со второй разумной расой – не специально, но мы сделали это! Существа-слизняки могут подумать, что это наша родная планета! Мы знаем, что они напали на нас без малейшего повода. Конечно же, они попытаются напасть на эту планету, когда вызовут себе подмогу. – Он стиснул и разжал кулаки. – И это тоже не принесет пользы Земле! Какой-нибудь другой исследовательский корабль рано или поздно наткнется на цивилизацию этих дышащих хлором! Раз эти существа умеют летать в гиперпространстве, они не ограничены одной звездной системой, так же, как и мы. Люди непременно столкнутся с ними. И что произойдет тогда?

– Было бы интересно узнать, – задумчиво сказал отец Кэрил, – почему они напали на нас. Живя в атмосферах, которые являются взаимно ядовитыми, мы с ними не можем мешать жизни друг друга. У нас с ними нет ничего, что могло бы извлечь пользу из войны. Почему же они напали на нас? Что они могли получить, уничтожив нас?

– Почему ласка убивает то, что ей не нужно? – мрачно спросил Лон. – Почему люди продолжали охотиться даже тогда, когда отпала в необходимости добывать охотой пропитание? Почему люди ловят в морях столько рыбы, сколько не смогут съесть? Почему они пускают собак преследовать лису? Почему мы вообще продолжаем охотиться, хотя бы с усыпляющими пистолетами и кинокамерами?

– Это довольно-таки пессимистичное заявление, Лон, – возразил Бертон. – Охота ведется ради спортивного азарта. Но никто не станет охотиться ради удовольствия, подвергая свою жизнь опасности. Если они считают, что охота на нас – это такой спорт, значит, они должны считать, что их оружие гораздо мощнее того, что можем создать мы.

– Но они ошибаются! – выкрикнул Лон. – Мы не воюем друг с другом уже несколько поколений. Но мы не утратили способности воевать, если понадобится! Кстати, самолет возвращается. Дай-ка мне лучевой пистолет, Кэрил!

В небе снова появился странный самолет с недоразвитыми крыльями. Он возвращался тем же курсом, которым летел к кратеру, созданному бомбой. Летел он ниже, всего лишь футов на сто над деревьями, но все с той же неторопливостью. Скорость была явно недостаточна, чтобы поддерживать его в воздухе, учитывая маленькую площадь крыльев. Он делал едва ли миль сорок в час.

Лон взял пистолет и направил раскаленный луч на кучу листвы неподалеку. Дым – густой, резко пахнущий дым, взвился вверх толстым столбом. Кэрил закашляла и отступила. Для человека неожиданное появление белого дыма было бы явно сигналом. Экипаж «Маринты» ждал, что самолет полетит к ним, чтобы узнать о причине этого сигнала. Люди даже вышли из-под крон деревьев на поляну.

Но самолет не отклонился от курса. Трудно было предположить, продолжает ли он свой полет из-за отсутствия интереса или потому, что цель его полета была слишком важна. На боку у него был ряд окон, и люди заметили в них

какое-то движение. Их явно заметили находящиеся внутри. Но было невозможно увидеть с земли, кто находится в самолете.

Люди кричали и бешено махали руками. Самолет продолжал свой полет, спокойно скользя над вершинами деревьев. Он никуда не спешил, а спокойно летел, пока не исчез.

С его появления до исчезновения прошло не менее десяти минут. И люди все это время лелеяли надежду. Но они были шокированы тем, что он улетел, вообще не обратив на них внимание.

– Мне кажется, – несчастным голосом сказала Кэрил, – они считают, что все поблизости от взрыва должны быть мертвы.

Горящая листва перестала дымить. Лон поглядел на нее с угрюмым видом. Еще пару секунд светились тлеющие угольки, затем и они погасли. Практически, огонь горел, лишь пока растение жег высокотемпературный луч. Значит, в окружающей растительности было много сока, либо они специально подкачивали сок туда, где возникал огонь. В таких зарослях не могло возникнуть никакого лесного пожара.

– Их не волновал пожар в лесу, – мрачно сказал Лон. – Должно быть, они знали, что огонь потухнет сам. Но почему их не заинтересовало, по какой причине он вообще возник? Или они проинформируют кого-то другого, чтобы тот занялся расследованием?

Он поглядел туда, где исчез самолет, но увидел лишь густую, пышную растительность, поднимавшуюся на склонах и заполнявшую долины.

– Если здесь есть разумные существа, – сказал отец Кэрил, – то мы должны наладить с ними контакт и предупредить о том, с чем они могут столкнуться. Но как вступить с ними в контакт, если они игнорируют наши сигналы?

– Мы пойдем их искать, – буркнул Лон. – Они не могут быть далеко. Самолет делал не больше сорока миль в час, а появился здесь через полчаса после того, как упала бомба. Значит, он взлетел откуда-то не дальше двадцати миль. Конечно, мы понятия не имеем, куда здесь указывает компас, но, руководствуясь им, можем сохранять прямой маршрут. А с горы – вон той, что в трех милях отсюда, – мы должны без проблем обнаружить их аэродром.

– Вот уж они будут рады, – проворчал Бертон, – узнав, что мы привели сюда корабль-слизняк, который, вероятно, вернется не один и устроит охоту на них.

– Что же еще мы можем сделать? – спросил Лон. – Прятаться и пытаться спасти свои шкуры? Что?

Он пошел рядом с Кэрил. Вопрос о спасении своих шкур был риторическим. В некотором смысле, они были потерпевшими кораблекрушение – как в старинных романах. Но у потерпевших крушение не было причин для такого отчаяния, как у них. Потерпевшие кораблекрушение могли бы пытаться спасти если не себя, то хотя бы своих детей.

Однако, если они просто станут жить на этой безымянной планете, это несет такую опасность для остального Человечества, что если они не пошлют предупреждение, то будут не просто потерпевшими кораблекрушение, но и единственными оставшимися в живых из всего Рода Человеческого. Вот с такой перспективой они могли столкнуться. И было предпочтительнее умереть, чем остаться в живых. Потому что какой мог быть смысл в жизни, если они окажутся единственными людьми в Галактике.

ОНИ ШАГАЛИ по джунглям. Здесь было мало подлеска. Почти все деревья росли группами, связанными друг с другом воздушными корнями. В результате наверху был плотный полог листвы, а внизу обнаженная земля.

Но и тут были ползучие растения с длинными перистыми нитями, которые тянулись по земле и переплетались

так, что образовывали под ногами упругий ковер, посыпанный каким-то серым порошком. Кроме того, местами виднелись цветы потрясающего пурпурного цвета. Стояла почти полная тишина, нарушаемая лишь слабым, почти незаметным жужжанием, который резко умолк, когда взорвалась бомба, и так же внезапно возник потом.

Они шли довольно долго, пока Бертон не прошипел:

– Тс-с-с!..

Все замерли. Бертон отдал лучевой пистолет отцу Кэрил и взял у него ультразвуковой пистолет. Затем взглянул вверх. Сделал десяток крадущихся, кошачьих шагов и, внезапно вскинув пистолет, нажал на курок.

Ультразвуковой пистолет испускает ультразвуковые волны, которые отключают сознание любого живого существа. Раздался короткий гудок. Затем пауза. Потом серия drobных ударов.

Бертон наклонился и поднял маленькую пушистую зверушку с огромными глазами. Между ее лапками была мембрана. Это явно древесное существо могло перелетать с дерева на дерево, как летучие лисицы или белки-летяги на Земле.

Но шея у него была покрыта костяными выступами, как у осетра. Зубов не было, ртом же служили ороговевшие, вытянутые челюсти, точно птичий клюв. Отец Кэрил стал с увлечением рассматривать ее.

– Новый вид, новый род, новый класс, – сказал он. – Зачем вы подстрелили его, Бертон?

– Это первое животное, которое я здесь увидел, – сухо ответил Бертон. – Я использую слово животное в очень широком смысле слова. Мы должны будем охотиться ради пропитания, так что нужно определить, какие существа здесь съедобны.

– Но разве вы не хотите сохранить его в качестве трофея? – спросил отец Кэрил.

– Вряд ли, – ответил Бертон.

Отец Кэрил просто пожал плечами. Как биологу, ему было интересно, но как гуманист он знал, что у него нет возможности сохранить этот экземпляр, так что лучше всего оставить его – когда эффект ультразвукового шока пройдет, животное оживет.

Местность начала повышаться, путь становился все круче. Они вышли к зарослям растительности, похожей на кактусы, усыпанные иглами фута два в длину. Они покрывали целые акры. Людям пришлось их обходить.

Пройдя футов пятьсот, они потревожили огромную птицу, которая вскочила, яростно захлопала крыльями и улетела. У нее были перья, но голова была вовсе не птичья, плоская и усатая, а ноги заканчивались ступнями без когтей, которые помогали бы ей усидеть на насесте или ветке.

Поднявшись на тысячу футов, они услышали шуршание. Бертон снова выстрелил, потом осторожно пошел посмотреть. Там было безжизненное тело с рылом животного, без каких-либо конечностей. Но это была не змея. Тело на ощупь было теплым.

– Птицы с усами, – прорычал Бертон, – утконосы-летаги, а теперь вот змея с мордой свиньи! На что же в таком мире будут похожи летчики?

Ответа на это не было. Ни одно из живых существ никогда не было нелогичным. На Земле могли летать как яйцекладущие птицы с перьями, так и покрытые мехом млекопитающие. То, что у всех земных птиц есть клювы, указывает, что все они принадлежат к одному классу, в котором перья и клювы совместимы друг с другом.

Но в этом мире оперенные тела не были непременно с клювами. А существа, ползающие на животе, были вовсе не холоднокровные.

Однако, незнакомое вовсе не было нелогичным.

КОГДА ЛЮДИ занялись межзвездной разведкой, была решена проблема появления на Земле челове-

ка. В Солнечной системе – родном доме Человечества, – первооткрыватели нашли на Марсе и Титане груды щебня, которые могли быть лишь развалинами городов и мусором исчезнувшей цивилизации.

Впрочем, в них не удалось обнаружить ни единого целого артефакта. Позднее, когда было открыто гиперпространство и разработан ускоритель, люди полетели на другие звезды, и подобные развалины были обнаружены на планетах Арктура и Ригеля. Потом стало известно, что они есть везде в радиусе двух тысяч световых лет от Земли на планетах подходящих солнц. Это явно была межзвездная цивилизация, останки которой были разрушены более тщательно, чем руины любого заброшенного города на Земле. Не осталось ничего, говорящего о том, какие существа построили эти города, ни об их архитектуре, ни об искусстве, ни о чем, кроме того, что они кислорододышащие и овладели тайной межзвездных перелетов.

Тайна Погибшей Расы оставалась нераскрытой почти двадцать лет. Затем было найдено немного в лучшем состоянии одно сооружение, в котором лежали кости его обитателя. Раскрытие тайны вызвало у Человечество одновременно сочувствие и раздражение.

Погибшая Раса оказалась предшественником Человечества. Она завоевала космос и решила проблему неограниченной энергии. Она достигла технических высот. И, возможно, ее последним достижением была власть над временем – она научилась предвидеть будущее.

И тогда существа, создавшие эту цивилизацию, обнаружили, что радиация от их энергетических установок, а может, излучение самого космоса так изменило гены всей расы, что впереди их ждали мутации, которые превратят эту расу в монстров.

Погибшая Раса совершила самоубийство, чтобы не видеть, как их дети становятся лысыми, самодовольными чудовищами, не несущими окружающему ничего, кроме

ужаса и гибели. Они сами уничтожили свои города, чтобы никакая последующая раса не смогла пойти по их пути и встретиться с таким же бедствием. И лишь на Земле их самоуничтожение оказалось неполным.

На Земле выжили их мутировавшие потомки. Чудовищные потомки Погибшей Расы, появление которых было предвидено с таким отчаянием, и есть люди.

Следствием из этой тайны – странной и оскорбительной – был вывод, что в Галактике больше нет кислорододышащей расы, которая могла бы конкурировать с Человечеством. Погибшая раса истребила всех своих врагов, а заодно и врагов своих потомков – так что люди могли без страха глядеть в будущее.

Но теперь потерпевшие кораблекрушение с «Маринты» усомнились в этих, казалось, бесспорных выводах. Они встретились с расой существ, дышащих хлором, которые были дикими и свирепыми, но в научном плане продвинулись дальше Человечества. А здесь, на этой планете, были кислорододышащие существа, которые, по крайней мере, уже завоевывали атмосферу.

ЛОН ПОДНЯЛСЯ на крутой склон и помог Кэрил. Ее отец и Бертон шли за ними. Это не было осторожной разведкой чужого мира, но люди привыкли везде чувствовать себя уверенно. Они потеряли осмотрительность.

Дальше оказался своего рода проход через горную цепь. Они стояли там, где не росло никаких деревьев, а серый ковер под ногами сменился папоротником, высотой достигавшим колен. За проходом они видели широкую долину и за ней снова горы.

Затем глаза Лона уловили слабое мерцание в воздухе. Оно походило на столб нагретого воздуха, поднимающийся с нагретого места ярдах в двухстах от них. Лон остановился и поднял руку, требуя тишины.

Но как только он остановился, что-то с негромким хлопком упало в папоротник возле его ног, извергая белый дым. Лон отпрыгнул, стараясь утащить за собой Кэрил. Но она сделала три шага и потеряла сознание. Послышалось еще два хлопка, и возникли два новых облачка белого дыма. Отец Кэрил и Бертон зашатались и рухнули на землю.

Лон схватил Кэрил за плечо, и ультразвуковой пистолет запел свою неслышимую песню. Лон очертил лучом полный круг, затем подхватил Кэрил и бросился вниз по склону.

Кэрил была жива. Она дышала. Лон нащупал ее пульс, когда остановился и положил девушку на землю. Пульс был слабее нормального, но достаточно ровный. Она лишь немного успела вдохнуть этот белый дым. Лон выругался и заметил, как веки ее затрепетали.

Тогда он встал и снова провел лучом по окружающим зарослям, сделав полный круг. Затем склонился над Кэрил и принялся делать ей искусственное дыхание, чувствуя, как в груди поднимается кровожадная, атавистическая ярость. Она сделала три шага, прежде чем упасть. Но ее отец и Бертон шли по их следам. Лон даже не надеялся, что сумеет что-то сделать для них.

ГЛАВА IV

Контакт

БЫЛО ОЧЕНЬ тихо. Странное фоновое жужжание не привлекало внимание, приходилось прислушиваться, чтобы услышать его. И больше не было ни малейшего звука. Лон мрачно пытался привести Кэрил в чувства.

Он еще дважды очерчивал вокруг лучом пистолета защитный круг. Ультразвуковые удары могли лишить созна-

ния кого угодно, так что никто не сумел бы подкрасться к ним.

В конце концов, Кэрил сделала глубокий вдох и закашляла. Потом попыталась сесть.

– Что случилось?

– Газ, – мрачно ответил Лон. – Я задержал дыхание и вытащил тебя оттуда. Так что ты получила маленькую порцию. Твой отец и Бертон упали. Как ты себя чувствуешь?

– Я... хорошо, – задыхаясь, ответила Кэрил и, шатаясь, поднялась на ноги, затем удивленно воскликнула: – В самом деле, хорошо! Со мной все в порядке! Так, и что будем делать теперь?

Лон подозрительно осмотрел ее, но цвет лица стал нормальным, а пульс снова сильным и ровным.

– Возможно, это просто усыпляющий газ, – неохотно признал он. – Посмотрим. Сразу же скажи мне, если что-нибудь почувствуешь – сердцебиение или что-либо в этом роде. А теперь пойдем, займемся остальными. Приготовь свой пистолет. Стреляй во все, что движется. Если появится газ, задержи дыхание и беги.

Он пошел назад в гору. На сей раз, держа пистолет в руке, Лон был бдителен и насторожен. Внезапно ему показалось, что он слышит шум от какого-то движения, и он тут же выстрелил туда. Но, разыскав источник шума, он увидел крохотное сооружение из веток и листьев, построенное на ветке у самого ствола, а в нем находились какие-то маленькие существа, которые, как Лон предположил, когда вырастут, то смогут перелетать с дерева на дерево, распушив длинные усы.

Они дошли до того места, где под ногами вместо ковра из мха росли высокие папоротники. И там они увидели своих товарищей, лежавших в папоротниках. Лон стал шарить взглядом вокруг в поисках врагов, а Кэрил склонилась над лежащими.

– Лон! – тихонько окликнула она. – Они живы! Они дышат!

Он быстро посмотрел на них. Все было верно. Грудь у обоих тихонько вздымалась в такт дыханию.

– Усыпляющий газ, – сказал он. – А это что?

И он тут же послал неслышимый луч из своего пистолета, поведив им по высоким папоротникам. Любые существа, прячущиеся в зарослях, должны получить шоковый ультразвуковой удар.

Только после этого Лон подошел к лежащим. Дышали они тяжело. Тела были вялыми и расслабленными. В листве рядом с ними Лон заметил крупинки микроскопических кристалликов.

Сдерживая дыхание, он нагнулся и по очереди оттащил их от остатков содержимого газовых бомб. Кэрил склонилась над отцом, делая такое же искусственное дыхание, какое недавно ей сделал Лон. Он же секунду колебался, затем снял палец со спускового крючка пистолета.

Бомбы, которые упали рядом с ними, летели достаточно медленно. Они не могли быть запущены с большого расстояния. Поэтому Лон мрачно осматривал землю поблизости. Но когда обнаружил одного из нападавших, то не поверил своим глазам.

Нападавший был человеком. Но совершенно точно, не земным человеком. Его лежащая фигурка, голая, не считая сандалий и странного предмета одежды, похожего на пояс из металлических пластин, была не более четырех футов высотой. Она была стройная и совершенно не гротескная. Это просто был миниатюрный человек.

Когда ультразвуковой луч поразил его, он выронил трубу, открытую с одного конца, дюймов восьми в длину. Никакого другого оружия не было – если труба вообще была оружием. Но в металлический пояс был вставлен ряд сосудов, точно древние патроны в патронташе. И по величине эти патроны вполне могли войти в валявшуюся рядом трубу.

Лон тупо глядел на лежащего, пока не услышал, что его зовет Кэрил, встревоженно, но без страха. Тогда он вскинул человечка на плечо и пошел к ней. Отец Кэрил уже кашлял, приходя в себя. Очевидно, искусственное дыхание ускоряло восстановление после газа, хотя и не очень быстро. Но эффект газа вроде бы длился не так долго, как после ультразвукового удара из пистолета.

Лон сбросил с плеча маленькую фигурку перед Кэрил.

– Местный житель, – сказал он. – Твой отец должен осмотреть его. Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, – ответила Кэрил, во все глаза глядя на маленького человечка. – Мне только... тревожно.

– Наверняка есть еще эти люди, – сказал Лон. – Я собираюсь поискать их. Если этот начнет приходить в себя, выстрели в него еще раз.

ЛОН ВЕРНУЛСЯ, чтобы начать охоту на маленьких людей. И нашел сразу двоих. Он вспомнил нечто похожее на столб нагретого воздуха, и осторожно пошел в ту сторону через заросли, доходящие ему до груди. Затем он услышал впереди шелест и мгновенно выстрелил на звук. Раздался звук, словно что-то упало. Секунду спустя, сделав пару шагов, он увидел лежащую молодую женщину той же миниатюрной расы. Первый мужчина был строен, но эта девушка ошеломляюще красива. Лон тут же почувствовал себя негодяем.

Он пошел дальше, еще осторожнее, чем прежде.

Впереди показалась поляна. И на ней Лон увидел то, что принял сначала за хижину. Но он тут же понял, что это самолет, мало чем отличавшийся от того, что он видел в небе. Поляна, где стоял самолет, была маленькая, и ему явно не было места для взлета.

Возле самолета находились еще две миниатюрные девушки. Одна что-то делала с чем-то, что явно не было костром, но от чего поднимался столб нагретого воздуха.

Другая что-то говорила ей ясным, высоким голосом, и слова походили на птичью трель.

Лон поднял пистолет. Он чувствовал себя негодяем и даже хуже, но больше ничего не оставалось делать. Он подождал, пока девушка не отступит от огня, затем дважды нажал курок. Обе девушки мягко опустились на землю.

Лон подошел и удостоверился, что лежащая возле какого-то нагревательного прибора не обожжется. Затем пошел в подлесок и принес вторую упавшую без сознания девушку, после чего вернулся к Кэрил. Ее отец уже с возрастающим энтузиазмом осматривал маленького человека. Бертон неуверенно пытался подняться.

Лон кратко пересказал им, что видел и сделал. Отец Кэрил осторожно поднял маленького человека. Бертон, шатаясь, шел за Лоном, с каждым шагом все больше приходя в себя.

Когда они вышли на поляну к самолету, Кэрил и ее отец уже были там.

– Они красивые, – сказал биолог, осматривая девушек. – Это параллельное развитие, Лон. Они тоже потомки Погибшей Расы!

– Рад за них, – сказал Лон. – Они выстрелили в нас, как только увидели – так же, как делаем мы. Они использовали газ. Мы пользуемся ультразвуковыми пистолетами. Это предполагает, что они находятся на том же уровне развития, что и мы. Раньше наше оружие ранило и убивало. Теперь у нас есть способы получше. И у них тоже. И если уровень их технического развития такой же...

Он подошел к самолету. Дверца была маленькой, но Лону удалось проползти внутрь. Через несколько минут он вылез с куском ткани в руках, которую начал рвать на полосы.

– Нужно связать этих людей, а потом попытаться общаться с ними, – хмуясь, сказал он. – Кстати, я не нашел в этом самолете двигателя.

Он начал связывать руки и ноги маленького мужчины. Кэрил, поколебавшись, тоже принялась за работу, связывая похожих на маленьких девочек девушек.

Первым зашевелился мужчина. Лон подошел к нему и помог сесть поудобнее. Глаза маленького человека открылись и, когда прояснились, то пораженно распахнулись. Затем они вспыхнули гневом, и он принялся извиваться, прилагая все усилия, чтобы порвать полосы ткани, которыми его связали.

– Полегче! – самым дружелюбным тоном сказал Лон. – Для вас мои слова, разумеется, звучат тарабарщиной, но мы должны подружиться с вами, даже если мне придется сломать вам шею!

– Не надо так, Лон! – перебила его Кэрил. – Дай мне попробовать.

Она заговорила со связанным человечком, указывая на трех девушек, связанных так же, как и он. Бертон в это время подошел к нагревательному прибору.

– Это еда, – бодро сказал он. – Они в некотором смысле люди, так что это должна быть человеческая еда. По крайней мере, пахнет хорошо... Но что ее нагревает?

На земле лежало круглое кольцо из какого-то металла. В центре его было что-то красное, создающее высокую температуру. На кольце стоял пузырящийся металлический горшок, из которого исходил острый запах.

– Лон, мальчик мой, это же просто изумительно! – с энтузиазмом воскликнул отец Кэрил. – Погибшая Раса уничтожила себя. Мы знаем это! Повсюду, где мы находили руины их городов, воздух и растительность годились для людей. Но на Земле мы не нашли ни единого города Погибшей Расы! Вы понимаете, что это значит?

Лон слушал его, пока Кэрил спокойно говорила что-то пробуждающимся маленьким людям.

– Должно быть, она походила на нас, эта Погибшая Раса, – понизив голос, продолжал отец Кэрил. – Они не уничто-

жили бы себя, если бы не были уверены в своих выводах. Они подождали бы, пока не начали появляться чудовищные дети-мутанты – наши предки. И наши предки стали рождаться! Поймите, Лон, так на Земле появились люди. Но что бы сделали мы, если бы столкнулись с той же трагедией, что и Погибшая Раса? Часть из нас захотела бы умереть, но остальные любили бы своих детей, даже если они рождались чудовищами. А некоторые улетели бы в космос, подальше от остальных. Мы увезли бы своих странных детей – которых все же любили, – на планету, где они смогли бы выжить. Наши сердца были бы разбиты, но жить вместе с ними мы бы не смогли, однако, не хотели бы, чтобы эти чудовищные дети умерли. Мы оставались бы с ними, изолированные от нашей цивилизации. Мы обучали бы их, как могли. Когда настало время, мы бы с удовольствием умерли – только бы они жили дальше. Можно даже предположить жалкую попытку разъяснить нашим предкам, что есть знание, которое может вызвать глобальную катастрофу. И наверняка первые дети Погибшей Расы были не одной разновидности. Так возникли другие расы Человечества. В свое время нам, homo sapiens, пришлось уничтожить их, и на Земле остался лишь один вид – Человек. И здесь, вероятно, тоже есть только один вид. Но они – люди, как и мы сами. Просто они другой разновидности. И...

– Лон, мне кажется, мы достигли какого-то понимания, – прервала их Кэрил. – Одна из девушек очнулась. Я собираюсь ее развязать.

Лон обернулся к ней. Одна из трех девушек испуганно посмотрела на него. Мужчина что-то сказал. Голос его не был таким же низким, как у землян, но все же звучал по-мужски. Тон был спокойным и ничуть не испуганным.

Ужас в глазах девушки уменьшился. Кэрил улыбнулась ей и развязала полосу ткани вокруг ее лодыжек. Затем освободила девушке руки и отступила на шаг.

Все трое были теперь в сознании.

Они смотрели на землян внимательными, оценивающими взглядами. Девушка что-то встревоженно сказала, и мужчина ответил ей, не сводя взгляда с землян. Тон его был удивительно сухим.

– Мне нравятся эти люди, – резко сказал Бертон. – Они не паникуют.

Маленькая стройная девушка двинулась к кастрюле. Бертон отошел в сторону, словно освобождая дорогу ребенку, и улыбнулся ей. Она вздрогнула, но его улыбку было нельзя понять неправильно. Затем она улыбнулась в ответ.

Напряженность постепенно спадала. Все четверо землян расслабились, хотя Лон не убирал руку с пистолета.

– Она сделают такие же выводы, что и я, – задумчиво сказал Лон. – Раз наше оружие такое же не смертельное, как и у них, то они должны понять, что мыслим мы, вероятно, подобным же образом.

Мужчина снова заговорил. Девушка встала, поймала взгляд Кэрил и жестом позвала ее. Подойдя в связанному мужчине, она отстегнула от его пояса восьмидюймовую трубку и передала ее Кэрил.

– Это его оружие, – быстро сказал Лон. – Она отдает его тебе. Она предлагает обмен.

Девушка вытащила капсулы из патронташа мужчины и тоже отдала их Кэрил. Затем коснулась связывающей мужчину материи и с тревогой посмотрела на землянку.

– Все верно, – сказал Лон. Не сводя с нее глаз. – Развяжи его.

Кэрил наклонилась, чтобы освободить маленького человека, но девушка опередила ее. Маленький мужчина встал и отряхнулся. Ростом он едва лишь доставал до плеча Кэрил. Земной карлик такой высоты выглядел бы гротескно. Но здешний человек был стройный, изящный и походил на одиннадцати-двенадцатилетнего мальчика с хорошо развитой мускулатурой. Но, тем не менее, его лицо было лицом зрелого и умного взрослого.

Он сказал что-то Лону, подошел к своему связанному товарищу – у которого Лон уже забрал трубку, – и передал Лону «патроны». Потом подошел к другому и тоже обезоружил его. Затем указал на пути. Лон кивнул, и мужчина освободил обоих своих товарищей.

С самым серьезным видом Лон вернул ему оружие и «патроны», которые только что получил.

Лон был слегка напряжен, но выражение лица маленького человека обнадеживало. Сначала на нем было написано неопишное удивление. Затем он усмехнулся, доброжелательно кивнул и что-то сказал остальным. Окружающая атмосфера тут же изменилась. Лон слабо усмехнулся в ответ. Отец Кэрил с сияющей улыбкой смотрел на маленьких людей так, словно создал их сам.

– Кажется, они поняли, – проворчал Бертон. – Ну, если теперь мы стали друзьями, может, они пригласят нас на ленч?

Ситуация была любопытная. Зашевелились две остальные девушки. Кэрил пошла развязать их. Один из маленьких мужчин отправился ей помогать. По пути он улыбнулся ей, словно удивленный ее размерами. Кэрил улыбнулась в ответ. Атмосфера в лагере быстро становилась дружеской. Девушка, которая очнулась первой, ушла в самолет. Оттуда она вернулась с мисками и маленькими, но похожими на земные ложками. Бертон тут же пересчитал их.

– Миски и ложки для всех! – радостно воскликнул он. – Мы приглашены поесть!

Но Лон оставался задумчивым.

– Нужно начать общение, – сказал он отцу Кэрил. – Если у них с нами общие предки, то должен быть и подобный образ мышления. Мы можем научиться общаться, но сперва нужно понять их психологию. – И тут же он добавил с отчаянием в голосе. – Но вряд ли они смогут дать бой кораблю-слизняку!

Кэрил улыбнулась Лону.

– Я так не уверена, – успокаивающе сказала она. – Что они используют вместо костра? И если бы они находились на примитивном уровне развития, разве использовали бы оружие, которое не убивает? И вспомни, пошли бы они на такой обмен – оружие на свободу, – если бы не мыслили подобно нам? У них развитая цивилизация, Лон!

– Очень надеюсь на это, – проворчал Лон. – Но мы должны как-то начать разговор. Посмотрим, что я сумею сделать...

ЛОН ПОДОЗВАЛ одного из маленьких мужчин и расчистил землю от листьев папоротника. Земля была черным суглинком, напоминающим перегной растений. Он пригладил расчищенную землю, и стал чертить рисунок, давая во время работы пояснения, хотя знал, что слова тут будут бесполезны. Но также он знал, что сам тон голоса поможет объяснить им значение рисунков.

Один из маленьких мужчин взглянул на другого. Бертон и Кэрил сидели у металлического кольца, которое служило костром без дыма и запаха. Три девушки застенчиво улыбались Кэрил и открыто смеялись над Бертоном. Он подмигивал им и строил гримасы, чтобы заставить их смеяться еще больше.

Одна из девушек принесла дымящуюся миску маленькому мужчине, сидевшему с Лоном. Тот рассеянно кивнул и взял ее. Другую миску предложили Лону. Он тоже рассеянно кивнул, беря миску, потому что в это время выводил очередной рисунок. Продолжая свои объяснения, он в перерывах продегустировал содержимое миски. Вскоре уже все трое маленьких мужчин поглощали еду, обсуждая его эскизы. Лон чувствовал, что, по крайней мере, они понимали значительную часть его объяснений.

Потребовалось много времени, чтобы жестами и рисунками передать идею космических полетов. Еще труднее было рассказать им о нападении корабля-слизняка, бегства

от него, приземления на их планету, и о том, как корабль сбросил атомную бомбу, которая уничтожила «Маринту». Но Лон очень старался.

– Теперь начинается самое жестокое, – бросил он через плечо отцу Кэрил, когда биолог подошел, чтобы помочь ему. – Сообщение в картинках о том, что произошло, достаточно жестокое. Но сообщение о том, что, вероятно, еще произойдет, гораздо хуже!

Один из маленьких людей внезапно выпрямился и дотронулся до плеча Лона. Потом поднес руку к уху. Остальные, с серьезными лицами, напряглись, словно к чему-то прислушивались. Лон тоже напряг слух.

Еле слышное фоновое жужжание внезапно резко оборвалось. Примерно полминуты стояла гнетущая, режущая ухо полная тишина. Затем жужжание возобновилось. Маленькие люди расслабились, но выражения их лиц стали решительными. Они заговорили на своем мелодичном, походим на птичьи трели, языке.

Потом мужчина наклонился и принялся так же, как Лон, чертить схематичные рисунки на разглаженной земле, и сопровождал каждый рисунок объяснениями, из которых была понятна лишь интонация. Но это удивительным образом помогало понять его.

Много времени спустя он распрямился, в глазах его были боль и гнев.

Кэрил повернулась к ним, улыбаясь.

– Лон, я уже подружилась с этими девушками. Они хорошие и... Лон! Что случилось?

– Эти люди все знают, – с трудом произнес Лон. – Самолет, который пролетел над нами, заметил нас и послал их нас найти. Так что, когда я рассказывал, у них было подтверждение моей истории. Не знаю, что у них тут за цивилизация, но они знают все! И они знают о корабле-слизняке. Они только что сообщили мне, что получили через гиперпространство сообщение – даже мы на Земле не уме-

ем это делать, – что много кораблей-слизняков следовало за первым, который притворялся, что не может нас догнать. Так что они уверены, что мы прилетели домой. Первый корабль-слизняк все еще летает на орбите вокруг планеты. Они сбросил еще одну атомную бомбу – на самый большой здешний город – правда, оттуда успели эвакуировать людей, – и полностью разрушил его. А завтра сюда прибудет флот кораблей-слизняков, и еще один летит следом за ним. Они все знают! Но они явно беспомощны! Они даже не пытаются сопротивляться!

В бессильной ярости он стискивал и разжимал кулаки.

– Но откуда они это узнали, Лон? – безжизненно спросила Кэрил. – Как эти люди могли узнать о том, что была сброшена вторая атомная бомба? У них нет ни радио, ничего подобного! Мы бы услышали его!

– Не спрашивай меня, откуда! – взорвался Лон. – Но они это знают! Они начертили карту звездного неба с Крабовидной туманностью и указали на ту систему, из которой появился корабль-слизняк! Нет никаких сомнений! Они все знают!

ГЛАВА V

Обратная прокрутка

САМОЛЕТ медленно летел над сплошным ковром джунглей. Лон страшно волновался. Однако, он не беспокоился о дружбе с маленькими людьми, которая уже явно началась.

Им казалось смешным, что начали отношения они с конфликта, и маленькие люди чуть было не захватили троих землян, и только когда Лон ответил им без всякой враждебности, причем почти что их оружием, началось взаимопонимание.

И решающим моментом явилось возвращение им оружия, что превратило удар и контрудар в спортивное состязание, с точки зрения маленьких людей, которые проиграли землянам лишь одно очко.

Но Лон ужасно волновался. При помощи картинок, чертежей и жестов он рассказал им об опасности, нависшей над их планетой. Они в ответ дали ему информацию, делающую опасность еще более неизбежной, чем прежде, но выглядели при этом безмятежными, точно дети. Лон так и не мог понять степень развития их цивилизации.

Самолет, взлетая, просто с громким шипением поднялся вверх и затем неторопливо полетел над джунглями. Причем Лон не видел никакого двигателя. Даже крылья самолета были слишком малы, чтобы создавать подъемную силу и держать машину в воздухе, но ведь как-то она держалась.

Внутри не было ни приборной доски, ни средств управления, кроме нескольких рычагов, сделанных, похоже, из пластика. В целом машина больше походила на игрушку, чем на продукт передовой технологии. Но она работала! Она летела!

Оружие их представляло собой обычную трубку с одним открытым концом, без ручек, без прицела, без магазина с патронами. По существу, это было оружие малого радиуса, а поскольку стреляло патронами, создававшими газовое облако, то не нуждалось в точном прицеливании.

И опять-таки оно походило на детскую игрушку. А когда они сообщили, что вторая атомная бомба сброшена на город, это было сказано с торжественностью детей, считавших катастрофу всего лишь частью игры. Словно город можно было восстановить легко и просто. И откуда они вообще узнали о бомбе? Радио у них не было, Лон вообще не слышал ни звука, кроме их голосов...

Стоп! Был момент, когда все остановились и стали словно прислушиваться. И резко прекратилось, будто щелкнули выключателем, фоновое жужжание, незаметное, как звук

насекомых в лесу или шум автомобилей в городе. Почти минуту стояла гнетущая, мертвая тишина. Затем жужжание так же внезапно возобновилось.

Но что это значило? То же самое случилось после взрыва первой бомбы. Лон ощутил наступившую после взрыва отвратительную тишину. Она продлилась какое-то время и закончилась точно так же – резким возобновлением фонового жужжания...

– Ты тревожишься, Лон? – спросила Кэрил возле него.

– Весьма, – мрачно ответил он. – Кажется, впереди нас не ждет ничего хорошего. Корабли-слизняки летят сюда. Здешний народ выглядит совершенно беспомощным. С нашей точки зрения, абсолютно необходимо отправить сообщение обо всем этом на Землю. Рано или поздно другой земной корабль столкнется с существами из корабля-слизняка, и они бросятся на Землю, как бросились сюда. Мы должны предупредить свой народ! Просто обязаны! Нужно время, чтобы изобрести какие-то средства защиты – или еще лучше – средства нападения, потому что защитой не выиграть войну. Землю нужно предупредить заранее, чтобы у них было время подготовиться. Мы – единственные люди, которые могут предупредить ее, но у нас нет на это и призрачного шанса. Мы умрем вскоре после того, как здесь появится флот кораблей-слизняков!

– А может, и нет, – ответила Кэрил. – Ты сам сказал, что эти люди знают, что летит сюда. И они не выглядят взволнованными. Они ведут себя так, словно прекрасно проводят время.

– Мне жаль, но я не могу не волноваться, – сказал Лон. – У меня внутри все чешется, когда я об этом думаю – но не думать я не могу! Эти люди знают, что они совершенно беспомощны! И они не пытаются ничего предпринять!

– Возможно, они уже сделали все, что нужно, – возразила Кэрил.

Лон повернулся и посмотрел на нее.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, – помотала головой Кэрил. – Но они не ди-
кари. Ты обратил внимание на ту штуку, на которой они
готовили еду? Это просто металлическое кольцо. Они по-
ложили его на землю. Поставили на него горшок. Воздух
внутри кольца загорелся, на нем они и стали готовить. А
перед тем, как мы улетели, одна из девушек подняла его и
унесла в самолет. И под ним даже листья не сгорели. Это
цивилизация, уровня которой мы еще не достигли. А воз-
можно, у их цивилизации есть и средства обороны, так что
они не волнуются.

– Атомная бомба уничтожила их самый большой город,
– мрачно сказал Лон. – Они не позволили бы этому прои-
зойти, если бы смогли помешать! А посмотри на систему
управления этого самолета. Детская игрушка! Здесь даже
нет никаких приборов! Как цивилизованные люди могут
обходиться без приборов?

– А почему мы используем столько приборов? – задум-
чиво спросила Кэрил.

– Чтобы быть уверенными, что наши машины работают
правильно, – ответил Лон. – С помощью приборов мы уз-
наем, когда что-то идет не так, как надо.

– Предположим, они знают, что ничего не может пойти
не так, как надо? – продолжала Кэрил. – Тогда им были бы
не нужны приборы.

– В любом случае, им был бы нужен радар, – настаивал
Лон. – Нужны были бы предсказывающие погоду прибо-
ры. Нужны были бы приборы, помогающие им летать в го-
рах в темноте!

– Возможно, они у них есть, – сказала Кэрил. – Только не
спрашивай меня, где. Я думаю, эти люди настолько увере-
ны в себе, что просто не обращают внимания на опасность.
А девушки – прелестные! Они ведут себя, как прекрасно
воспитанные дети. Они восхитительны!

– Я обменял бы кучу прелестных девушек, – мрачно сказал Лон, – на один маленький корабль с оружием, которым я мог бы сражаться с захватчиками!

МАЛЕНЬКИЙ САМОЛЕТ неторопливо скользил над джунглями. Летел он не высоко, не больше сотни футов над вершинами деревьев. На Земле самолеты так не летают. Например, пересекая долину, он, не увеличивая скорости, спустился вниз и на дальней ее стороне вновь взмыл вверх. Казалось, у него мощные двигатели. Но летит он низко, так как пилот полагает, что безопасно держаться поближе к земле.

Но пилот не уделял слишком много внимания своему делу. Он отвернулся и о чем-то разговаривал с остальными, лишь время от времени мельком бросая взгляд вперед. Но самолет, выглядевший таким примитивным, прекрасно держался в воздухе.

Потом они спустились вдоль крутого склона и полетели над водой. Поверхность ее была гладкой, но впереди, над дальним берегом, висели штормовые облака, на которые пилот вообще не обратил внимания. Они летели водой прямо навстречу шторму. Вокруг них полились целые потоки воды, но ветра почти не было.

Самолет летел так же ровно, как и прежде, и маленькие люди весело болтали друг с другом. Кэрил внимательно слушала их. Лон погрузился в мрачные размышления. Бертон подался вперед.

– Послушайте, Лон, – раздосадовано сказал он, – я, конечно, не понимаю, о чем они говорят, но я видел немало умных людей – а также актеров по телевизору, которые много чего выражают словами и тональностью. Так вот, эти люди говорят так же хорошо! В голосе у них ясно выражены все эмоции! Вот этот парень выражается кратко, – кивнул он на одного из маленьких мужчин, – а та девушка говорит что-то такое, отчего все смеются. И я уверен, что

они смеются не только от смысла ее слов, но и от того, как она их произносит. И при мыслях обо всем этом у меня появляется надежда. Эти люди не дикари!

Отец Кэрил засмеялся.

— Как биолог, — с довольным видом сказал он, — могу отметить, что важность функций органов тела не всегда пропорциональна его размерам или виду. Поджелудочная железа, эндокринная система, например, не так видны, как нос. И человек может обойтись без носа, но не без этих органов! Возможно, эти люди уменьшили и скрыли свои приборы так, что мы их просто не замечаем. Маленькие, эффективные и не требующие никакого внимания. Например, нам время от времени приходится сморкаться. Но мы никогда не обращаем внимания на свои железы. Может быть так, что наши друзья убрали техническую аппаратуру с глаз долой и не уделяют ей внимания, как мы не уделяем внимание работе желчного пузыря. Конечно, это подразумевает прекрасную механику и прекрасный симбиоз между механизмами и расой, которой они служат.

Лон пожал плечами. Он выглянул из иллюминатора. Наверху вспыхнула молния, загремел гром. Тут же сквозь рваные облака засверкали многочисленные молнии, и в их свете стал виден падающий почти вертикально ливень.

Листья деревьев под пролетающим самолетом спокойно колебались под его ударами. Вверху явно дул штормовой ветер, но возле земли было затишье. Это было нечто невероятное, изумительное, в это нелегко поверить, даже если наблюдать подобное явление каждый день.

Долгое время спустя они вылетели из-под дальнего края туч. Снова полил яркий солнечный свет. Под ними по-прежнему тянулись джунгли. Впереди появилась еще одна горная цепь, и самолет устремился к ней. Внизу промелькнул небольшой холм — и за ним раскинулся город.

Сердце Лона упало. Вид города был неутешителен. Там не было никаких зданий. Вообще никаких архитектурных

чудес. Ни парков, ни широких дорог, никаких наземных машин в поле зрения. Весь город состоял из маленьких домиков весьма непримечательного вида.

Все дома были одноэтажные, разбросанные по большой площади. Они даже не были прямоугольными, стены их изгибались, словно по причудам жильцов. Местами виднелись группки деревьев или небольшие клочки зарослей.

На первый взгляд, город, скорее, походил на временную стоянку дикарей, которые вскоре снимутся и отправятся дальше. Но если приглядеться, то эффект непостоянства исчезал. Было какое-то постоянство не только в конструкции домов, но и в их расположении. Да и сами дома выглядели гораздо лучше, если внимательно к ним присмотреться.

Но Лону было не до этого. Он уставился на громадную металлическую сферу на земле, там, где склон холма начинал круто подниматься к гребню высотой в несколько тысяч футов. Сфера была футов сорока в диаметре и построена из металлических пластин, приваренных к какой-то внутренней основе.

ПОКА ЛОН смотрел, большая часть склона раскрылась на шестьдесят футов в высоту и не меньше сотни в ширину. Внутри была темнота. Когда открылось это громадное отверстие, металлический шар покатился по покрытой травой земле и исчез в этой темноте.

Огромная дверь поползла и встала на место. Теперь в поле зрения снова не было ничего, кроме покрытых зеленой склонов, спокойных джунглей с кучками деревьев и города, с первого взгляда похожего на временную стоянку дикарей.

Самолет сбавил скорость, опустился вниз и сел без пробега возле одного из домов. Возле него была пристройка, фактически, небольшой частный ангар. Лон увидел подоб-

ные пристройки почти у каждого дома, либо они соединялись с двумя-тремя зданиями.

Пилот распахнул дверцу и выскочил из самолета. Все четверо землян неловко проползли через нее и вылезли на землю. Маленькие люди весело болтали друг с другом, а одна из девушек принялась раздавать целый ассортимент пирожных.

Здесь была пара пирожных в форме воздушных существ с гладкой чешуей. Еще были пирожные в виде крылатых созданий с оперением, переливающимся всеми цветами радуги. Еще несколько – в виде колоний крошечных существ с невероятно смешными торжественными личиками и лапками, сложенными на груди, как у молящихся.

Девушка маленького народа улыбнулась, протягивая пирожные людям. Очевидно, их шестеро новых знакомцев летели на самолете на охоту, когда нашли выживших с «Маринты», но трудно было сказать, охотились ли они ради пропитания или из спортивного интереса.

И, разумеется, возле зданий было много маленьких людей. А также было много вещей, не замеченных с воздуха.

– Я в растерянности! – беспомощно сказал Лон. – Они явно цивилизованные! Только цивилизованная раса могла сделать громадную дверь в склоне холма и металлический шар! Но...

Вокруг них стали собираться маленькие люди. Они глядели на землян с громадным интересом, но без всякого удивления. И это тревожило, потому что члены охотничьей группы были явно удивлены. Но может, они удивлялись лишь тому, что их одолели? В любом случае, нужно было научиться общаться с ними. Но как?

Подходящие улыбалась тем шестерым, кто привез землян. Кругом раздавались голоса, похожие на птичьи трели. И смех. Добродушный такой смех, каким обмениваются старые знакомые, когда кто-то из них попадает в забавную ситуацию.

Пилот самолета подвел одного из маленьких людей к Лону и что-то сказал. Подошедший улыбнулся, в уголках его глаз появились морщинки. Глаза у него, как и у всех маленьких людей были удлиненные по сравнению с глазами землян. Лон протянул руку.

Маленький человек посмотрел на нее и протянул в ответ свою. Лон осторожно пожал ее. Маленький человек явно удивился, затем хихикнул. И опять протянул свою руку.

Довольно долго четверо землян занимались рукопожатиями. Каждый подходящий узнавал о странном обычае и тут же опробовал его на всех землянах по очереди. Пройдя по кругу, они начинали повторять все снова. Им это показалось веселым. И они стали обмениваться рукопожатиями друг с другом, заливаясь при этом смехом.

— Черт бы их побрал! — проворчал Лон, снова заметно мрачней. — Они прямо как дети! У них нет ни единой серьезной мысли в голове!

— Самый высокий стандарт образования из известных, — заметил отец Кэрил, — был в древних Афинах, и они же печально известны тем, что вечно искали чего-то новенького. По моим наблюдениям, Лон, различие между дикарем и гражданином самой развитой цивилизации не такое уж и большое на первый взгляд. У тех и других много досуга, те и другие совершенно не заботятся о повседневных делах. Те и другие всегда чувствуют себя в абсолютной безопасности. Только представители такой промежуточной цивилизации, как у нас на Земле, волнуются и строят сложные планы на будущее.

ОДНА ИЗ ДЕВУШЕК, что были в самолете, вернулась из соседнего дома. Она принесла лист чего-то напоминающего молочно-белый пластик. Она небрежно протянула лист человеку, которому был представлен Лон, и тот быстро сделал набросок. Линии и штриховка получи-

лись на листе с потрясающей четкостью. Он показал лист Лону, и Лон испустил вздох облегчения.

– Я пойду туда, где исчез металлический шар, – сказал он Кэрил. – По-моему, там хотят поговорить со мной при помощи какой-то машины. А ты пока что наслаждайся здешним обществом.

Он пошел за своим новым гидом. Прогулка была не такая уж короткая, но тут не было никакого наземного транспорта. Очевидно, жизнь маленьких людей проходила в очень неторопливом темпе, и не было никаких способов ускорить его даже в чрезвычайных ситуациях.

В склоне холма была маленькая дверь. За ней тянулся длинный туннель таких размеров, по которому мог пройти Лон. Светильники на потолке совершенно обескуражили его. Они походили на пластиковые ленты, которые светились, совершенно не нагреваясь, да так ярко, что в туннеле было светло, как днем.

Тут же у Лона возник вопрос, зачем было построено это подземелье. Если на случай нападения, то это обещало бы реальную помощь землянам, поскольку подразумевало войну, оружие и, может быть, даже космические корабли.

Или... У Лона возникла идея, которую он обдумывал с изрядной долей сомнения, что могла быть еще одна форма жизни, состоящей в симбиозе с маленьким народом, и эта жизнь могла обладать разумом и предпочитать жить в подземельях.

Оба предположения были неправдоподобны. И, скорее всего, неверны. Туннель действительно закончился громадной пещерой, под потолком которой, на высоте сотен футов, висели все те же светящиеся ленты, а в центре пещеры стояло несколько загадочных сооружений из металла. Лон был уверен, что к этим сооружениям подведена электроэнергия.

Два из них были высотой в семьдесят футов – высота семиэтажного дома – и шестидесяти футов в основании,

и казались очень простыми. Но колеблющаяся вокруг них голубоватая корона говорила о том, что в них полно энергии.

У сорокафутового шара что-то делали маленькие люди. Они вышли изнутри шара, ушли в маленькую дверь в дальнем конце пещеры и вернулись с какими-то вещами, которые загрузили внутрь шара. Затем повернулись, взглянули на Лона и улыбнулись, когда его повели к двери неподалеку от той, в которую они заходили.

За дверью оказалась комната с мягким ковром и голой дальней стеной. Маленький человек с сияющей улыбкой – самый старый из всех, кого видел здесь Лон, – энергично подал ему руку, потом махнул рукой на пустую стену.

Погас свет, и на стене появилось цветное изображение. Сначала это был вид кратера, оставшийся после взрыва атомной бомбы, покрытого блестящим расплавленным камнем.

Картина немного постояла, затем сменилась другой. На ней были клубящиеся струи пара. Лон безучастно поглядел на них, но затем кое-что понял. Это был тот самый взрыв атомной бомбы, вид изнутри. Но это был взрыв, так сказать, наоборот.

Лон был слишком сбит с толку, чтобы полностью осознать, что же он видит. Пар внезапно исчез, и Лон словно стоял на прочной воздушной платформе, глядя сверху на лежащую «Маринту». Он шумно вздохнул.

Затем Лон увидел движущиеся фигурки. Он увидел себя, Кэрил, ее отца и Бертонна. Не узнать их было невозможно, только двигались они немислимым способом – спиной вперед. Они пробежали таким образом и скрылись в обреченном космическом корабле, люк закрылся, корабль перевернулся вверх ногами и устремился в небо.

Платформа, с которой Лон как бы наблюдал за всем этим, последовала за ним. Корабль «падал вверх», в черноту космоса, затем из его борта внезапно выскочила и улетела

прочь молния. После нее появилось много других молний, отлетающих от «Маринты» и исчезающих в космической пустоте.

– Так вы наблюдали за всем этим? – удивленно воскликнул Лон. – Но почему фильм пущен задом наперед?

Преисполненный скептицизма, он глядел на приключения «Маринты», разворачивающиеся на экране в обратном направлении, вплоть до атаки корабля-слизняк с хлорной планеты возле Крабовидной Туманности. Затем корабль долго летел от этой системы... Изображение постепенно становилось все более туманным и неясным, пока не исчезло вообще.

Зажегся свет, и два маленьких человека устали на него. Лон нахмурил брови.

– Вы прокручивали фильм в обратном направлении, – задумчиво произнес он. – Именно так вы это видели? Отлично, черт возьми! Значит, вы можете отслеживать события в обратном направлении времени? – Он повысил голос. – Вы можете сосредоточиться на чем-то сегодня, отследить это до вчерашнего дня и увидеть, что произошло? И можете продолжать углубляться в прошлое, насколько позволяет чувствительность ваших приборов?

Он пораженно замолчал. Оба маленьких человека кивнули друг другу. Вид у них был удовлетворенный. Экран зажегся снова. Лон снова увидел этот же фильм, идущий теперь в нормальном направлении, вплоть до того момента, когда корабль-слизняк принялся стрелять в «Маринту».

Потом фокус невидимой камеры сместился на стабилизатор, оторванный от корпуса «Маринты». Он оставался в фокусе экрана. Потом Лон увидел планету неприятно желтого цвета, медленно вращающуюся на заднем плане.

Он смотрел, как с ее поверхности поднимаются другие корабли в форме слизняков и тут же входят в гиперпространство, на мгновение вспыхивая при этом всеми цветами радуги. Планета начала вращаться быстрее, указывая,

что течение времени ускорилось, затем снова замедлилась, и с нее взлетел второй, еще больший флот.

– Вы смонтировали фильм, – тупо сказал Лон. – Выходит, вы все знали о нас! Но те ваши люди, которые встретились с нами, казалось, ничего не знали. А потом они слышали... я сам это видел! Они проверяли, желая понять, скажу ли я правду. Но я сказал правду. Они все знали, потому что самолет, пролетевший над кратером, заснял его, а потом вы пустили время вспять и увидели, что вызвало взрыв. А вам, должно быть, пришлось ждать, пока самолет не вернулся и не передал вам заснятые материалы, вы не прокрутили их в обратном направлении, и только потом передали, что было на пленке... – Лон смущенно замолчал. – Что-то я совсем запутался! – воскликнул он. – Давайте дальше!

Он приготовился увидеть еще большие чудеса. И увидел их. На экране появилась целая и невредимая «Маринта», летящая несколько недель назад в тысячах парсеков отсюда.

Фокус камеры приблизился к кораблю и проник внутрь. На мгновение Лон увидел испарившийся ныне корабль как бы в поперечном разрезе, а потом он словно рассыпался на массу слоев.

Позднее Лон узнал, что это особое устройство могло работать лишь в иных слоях времени. Оно не действовало в настоящем, а работало лишь в прошлом изучаемого объекта. И оно не могло показывать будущее. Но все равно это было телевидение, невообразимое земной наукой.

– Ладно, – ошеломленно сказал, наконец, Лон. – О чем вы хотите предупредить? Для чего эта демонстрация? Я, вероятно, сошел с ума или вижу галлюцинации, но давайте, вперед! Что теперь?

Он был буквально ошеломлен этими невероятными вещами, которые увидел и о значении которых догадался. Особенно его ошеломили перспективы человеческой науки, о которых он и не мечтал. Он задумался. Что если вре-

мя – такое же измерение, как длина и ширина, тогда можно представить себе аппарат, измеряющий его в прошлом. Но тут у Лона окончательно помутилось в голове. Люди такого даже не могли вообразить, а здесь все это работало!

Он беспомощно махнул рукой. Экран опять осветился. На нем возник какой-то механизм в «Маринте», неподвижный и показанный в увеличенном виде. Затем он разбился на ломти, и тут же вспыхнул внешний свет.

Двое маленьких мужчин, что-то говоря, провели Лона в соседнее помещение. Это была какая-то мастерская, хотя ни одного инструмента в ней Лон не мог узнать. На стенде были разложены какие-то металлические детали. Маленькие люди показали на них и с явной надеждой стали ждать, что Лон с ними сделает...

Была уже ночь, когда Лон, практически, в бредовом состоянии присоединился к Кэрил и остальным в доме, возле которого опустился самолет. Там было много маленьких людей, голоса девушек походили на флейты или птичье пение. Кэрил пыталась выучить их язык, и это было весьма шумное занятие. Увидев бледное лицо Лона, она тут же подскочила к нему.

– В чем дело, Лон? – с тревогой спросила она. – У тебя шок!

– Шок? – изумленно повторил Лон. – Не то слово! У этих людей есть все! С помощью их оборудования мы, люди, могли бы сделать все, что угодно! Но... – странным тоном добавил он, – Из всей техники «Маринты» они выбрали мусоропровод, попытались его продублировать и заставить работать. И они хотят, чтобы я помог им в этом!

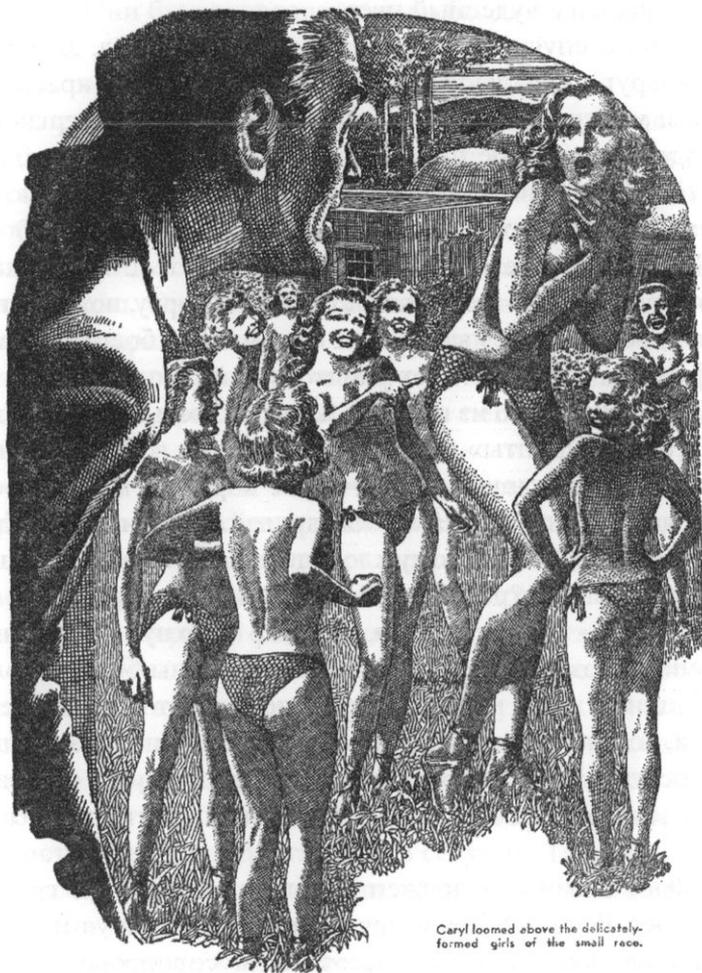
ГЛАВА VI

Чужая наука

ВОСХОД СОЛНЦА на следующее утро поразил своей красотой. Лон услышал звуки, похожие на игру

флейты, а затем смех Кэрил. Он вскочил и быстро оделся. Ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь – потолок в доме были лишь на пару дюймов выше его головы, – так что его выход из спальни нельзя было назвать торжественным.

За Кэрил виднелись стройные фигурки девушек маленького народа. Кэрил переделась в их одежду и, разрямя-

Caryl loomed above the delicately-formed girls of the small race.

нившаяся от азартных шуточек и первых лучей восходящего солнца, казалось невероятно красивой, в окружении похожих на эльфов созданий. Все дружно рассмеялись, когда Кэрил убежала при виде Лона.

Лон вышел на улицу. Воздух был свежим, с чудесным запахом. Вся растительность вокруг была покрыта блестящей росой – рубиновой при свете темно-красного солнца. На востоке виднелись полосы облаков, и весь горизонт был окрашен в чудесный цвет.

Немного спустя вышли Бертон и отец Кэрил. Лон глядел вокруг с печалью и скорбью. Это был очень красивый мир, и ужасно было думать, что сегодня он подвергнется нападению, которое не могли отразить его обитатели. Вероятно, дышащие хлором существа даже не попытаются посадить свои корабли-слизняки.

Но если их простой патрульный корабль мог продолжать погоню за столько световых лет и нес на борту, по меньшей мере, две управляемые ракеты с атомными боеголовками, то флот наверняка сможет уничтожить всю планету.

Они сделают это из простой жажды крови, как и преследователь «Маринты», напавший на нее без всяких причин. Чужая раса, имеющая космические корабли, всегда представляет опасность для любой другой цивилизации. Скорее всего, именно поэтому хлородышащие существа решат хладнокровно истребить любого возможного врага.

– Утро, – сказал Бертон, глубоко вдохнув ароматный утренний воздух. – На этой планете должны быть довольно длинные дни и ночи. Обычно мне хватает на сон восемь часов, но этим утром я чувствую себя выспавшимся лучше, чем всегда. Интересно, подадут ли наши друзья завтрак? Осужденный на смерть готов приступить к утренней трапезе.

– Флот слизняков должен прибыть сегодня, – с трудом произнес Лон. – А наши друзья, когда я покинул пещеру, с энтузиазмом пытались воссоздать мусоропровод. Впол-

не умело, надо признаться, при помощи каких-то станков, которые, вроде бы, могут запоминать весь процесс производства. Эти станки – просто чудо. Но... их интересует мусоропровод!

– И все равно, я уверен в наших маленьких друзьях, – задумчиво сказал отец Кэрил. – Не забывайте, они – люди. Немножко не такого вида, но все-таки люди. И им присущи все человеческие чувства, в том числе, волнение и беспокойство. Они бы волновались, если бы для волнения была причина.

Но Лон покачал головой.

– После того, как я показал им устройство шарнирных соединений, я попытался общаться с ними рисунками и жестами. У них нет никакой защиты против атомных бомб. Вообще никакой. Они не используют атомную энергию. У них есть способы использовать температуру поверхности планеты. Они преобразовывают ее в электроэнергию. Солнце стократно пополняет истраченную ими энергию. И они умеют передавать ее на расстояние. Они также пользуются радиопередачами. Я видел в пещере передающую радиостанцию.

– Вы уже говорили нам вчера вечером, – зевая, сказал Бертон. – Точно так же, как по коже бегут мурашки, энергия бежит по поверхности их планеты. А вы поняли, как они замедлили падение «Маринты», Лон?

– Той же энергией радиоволн, – мрачно ответил Лон. – Не знаю точно почему, но, когда энергия растекается по всей планете, в некоторых местах образуются, так сказать, восходящие энергетические потоки. В них сопротивление падению становится заметным уже при скорости шесть футов в секунду. Мы же падали в атмосфере планеты со скоростью ста двенадцати миль в секунду. Так что нас начало замедлять еще до того, как корабль вошел в атмосферу, просто мы не сразу заметили это. Но чем ближе мы подлетали к земле, тем ниже становилась скорость падения.

– Если бы я выстрелил из старинного ружья горизонтально, – сухо заметил Бертон, – то пуля полетела бы, как ей и положено. Но если бы я выстрелил вертикально вниз, то пуля остановилась бы, и у ружья, вероятно, разорвался бы ствол. Верно?

– Должно быть, так, – пожал плечами Лон. – Но это означает, что у них невозможны сильные вертикальные воздушные потоки, а следовательно, и сильные горизонтальные. У них вообще нет ни бурь, ни ураганов. Даже самолет у них не может угодить в воздушную яму. И вообще, они взлетают, поднимая самолет вверх сжатым воздухом, а потом тем же воздухом гонят его горизонтально. А так как крылья отталкивают воздух, то возникает подъемная сила. И для такого самолета нужна лишь небольшая энергетическая установка. Вообще, их цивилизация должна обладать мощной энергией, раз они сумели затормозить все ветры на планете. Но замедлить взрыв атомной бомбы они не смогли. Он был слишком мощный и слишком внезапный. В первый раз все их самолеты поблизости были разбиты взрывной волной. Во второй раз они уже были предупреждены, так что взрыв не причинил слишком много вреда, так как взрывная волна быстро тормозилась. А самолет, который подобрал нас, летел низко, поэтому не разбился, так как деревья смягчили его падение. Когда же они сели, то всего лишь заменили плавкие предохранители в энергоустановке.

– А этот шум? – спросил Бертон. – Фоновое жужжание, которое можно услышать, если прислушаться? Оно то исчезало, то вновь появлялось...

– Это еще один побочный эффект, – пождал плечами Лон. – Это те же радиоволны. Они используют частоту примерно в двадцать тысяч герц. Для наших ушей это на самом пороге слышимости, но не для них. Это как писк летучей мыши, который может услышать большинство детей, но не слышат взрослые. Так что здешние жители всегда могут

прослушать радиосообщения или не обращать на них внимания. Очень удобно.

– Все, как я говорил, Лон, – мягко сказал отец Кэрил. – Они нашли технике надлежащее место. Машины их маленькие, эффективные, и их даже не видно, а живет здешнее население спокойно и без суеты, как и дикари. Они так приспособили технику к своему образу жизни, как дикари на Земле приспособились к образу жизни на природе. Мы все еще боремся с нашими хитроумными изобретениями. Мы все еще зависим от машин. Мы должны следить за ними, смазывать, управлять ими, чинить и переделывать. Фактически, мы – дикари по сравнению со здешним народом.

– Мы? – жестко спросил Лон. – Но они забавляются, возясь с простейшим мусоропроводом! С ионными ракетами. Когда я ушел, полдюжины их лучших умов пытались разобраться, как действует противометеоритный радар! Да, у них есть свои машины. Но они буквально вспотели, пытаясь понять принцип работы аккумуляторной батареи Дул-Бойда! Как ее сделать, они узнали с помощью устройства, позволяющего просматривать прошлое. Но они не понимают, как она действует!

На мгновение наступило тишина, только тихонечко на-свистывал Бертон.

– Мне причиняет боль мысль о том, – с горечью сказал Лон, – что если бы у нас была десятая доля того, что есть у них, то Земля была бы в безопасности! Всего лишь за несколько месяцев с техникой, какая есть у этих людей, мы могли бы отправиться на желтую планету и разнести ее вдребезги! Мы могли бы сделать Галактику безопасной для Человечества! А они этого не могут! Сегодня сюда прибудет флот кораблей-слизняков и начнет их истреблять, а они пытаются раскрыть страшную тайну аккумуляторной батареи!

У Лона был усталый вид. Глаза его выглядели измученными. У маленьких людей была наука, способная на многое, но они никогда не ставили цель защищать себя, поэтому у них не было оружия более опасного, чем то, которым снабжались земные корабли. А этого оказалось недостаточно.

– И, тем не менее, – настаивал отец Кэрил, – не исключена возможность, что они не понимают нашу технику, потому что она слишком примитивна для них. Когда-то доисторический человек делал из кремня инструменты, которые мы называем скребками за отсутствием лучшего названия. Но мы понятия не имеем, для чего они были нужны. А сколько цивилизованных людей могли бы разобраться в пожарной машине и понять, как она работает, просто по ее внешнему виду? Или ацтекское огненное колесо? С ним не нужно было никаких приспособлений для того, чтобы развести костер. А разве без специальной информации цивилизованный человек был бы в состоянии предположить, для какой цели нужен бумеранг? Просто мы, современные люди, не нуждаемся во всем этом. Возможно, здешние люди удивляются по той же причине. Возможно, они не нуждаются в тех вещах, от которых мы зависим, Лон!

Лон покачал головой. Он дал маленьким людям информацию, какую они хотели, об устройствах, что они увидели на заснятой в прошлом «Маринте» уже после того, как она перестала существовать. Но он не видел в этом ни малейшей пользы.

Он готов был драться голыми руками не только за далекую Землю, но и за Кэрил и себя самого. Но он явно был обречен и бессилен, потому что теперь корабли-слизняки потоком хлынут на эту планету.

Из домов здешнего поселения вышло много людей. В розовых лучах рассвета поднялся в небо самолет. Он походил на большую детскую игрушку, полетел к склону, где

открылся громадный проход в спрятанную пещеру и опустился там на землю.

Еще один самолет направился туда. Еще и еще. Самолетов оказались сотни. Те, что сели первыми, уже взлетели и неторопливо направлись в сторону поднимающегося над горизонтом солнца.

У каждого дома этого городка стоял, по меньшей мере, один самолет, и все они выкатывались теперь из-под навесов, летели ко входу в пещеру, садились там и снова взлетали, направляясь во все стороны.

Затем, когда массовое движение вроде бы иссякло, появились летящие по направлению к городу самолеты откуда-то из других мест. Наверное, из других городов. Их были целые рои, этих самолетов, похожих на детские игрушки. Их было столько, что они напоминали закрывавшую полнеба стаю саранчи. Их были сотни, а, может, и тысячи.

Некоторые приземлялись, другие, словно колеблясь, оставались в воздухе. Но движение было непрерывным. Когда приземлившийся самолет поднимался, его место тут же занимал один из тех, что оставались в воздухе.

Возникли густые потоки самолетов, возвращающихся туда, откуда они прилетели.

— Они что-то там делают, — сказал Бертон. — Давайте пойдем, поглядим.

Они пошли. У маленьких людей не было никаких наземных машин. Так что пока они дошли до склона со входом в пещеру, большинство самолетов уже улетело, осталось совсем немного.

Утро было уже в самом разгаре, розовые и красные оттенки на востоке совсем исчезли. Когда они подошли туда, где было необъяснимое воздушное движение, как раз сели последние самолеты. Вход в пещеры был полузакрыт.

Оставлен был только проход футов на шесть, и из него выкатывались и закатывались какие-то выглядевшие примитивными машинки. Они немного напоминали тракторы

с длинными низкими платформами позади, и катились на странных протекторах, которые были не совсем колесами, но уж точно не гусеницами.

Выезжающие машины были нагружены странными пластиковыми предметами фута четыре в длину и с фут в диаметре, весьма большими для здешних маленьких людей.

Маленькие люди, ведущие эти грузовики, дружелюбно заулыбались, заметив трех землян. Очередной грузовик остановился, из самолета вышли маленькие люди, каждый взял по пластиковой штуке и понес ее к самолету.

Бросив ее внутрь, он пошел за второй, потом за третьей. Достаточно быстро маленькие люди перенесли весь груз из машины в самолет, сели внутрь, закрыли дверцу, самолет с шипящим звуком взмыл вверх и отправился в обратный путь.

На ближайшем грузовике оставалась еще одна пластиковая штуковина, и Лон направился к ней. Водитель дружелюбно улыбнулся ему. Он напоминал озорного ребенка, сидящего в игрушечной машине и притворяющегося, что управляет ей.

Лон повертел в руках пластиковую штуку. По существу, это была труба, открытая с обоих концов. Лон заглянул внутрь.

– На одном ее конце противометеоритный радар, и за ним, кажется, аккумуляторная батарея, – растеряно сказал он. – А на другом – ионная ракета с несколькими катушками, чтобы изменять направление луча ракеты. И это все! Какого черта они делают? Возможно, эта штука и полетит при помощи ионной ракеты. Но для чего им понадобились летающие мусоропроводы?

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК протянул руки, и Лон отдал ему трубу. Тот кивнул с самым дружелюбным видом и направился с нею в самолет. Приехали еще грузовики. Четырехфутовые трубы вывозили из пещеры сот-

нями и тысячами. При помощи здешнего оборудования удивительно быстро было налажено их массовое производство. Но Лон ничего не мог понять.

Внезапно его поманил к себе один из маленьких людей, с которыми Лон проработал почти всю прошлую ночь. Лон подошел к нему. Еще больше часа продолжали прибывать игрушечные самолеты и улетать с грузом. В целом, было увезено несколько тысяч таких труб.

Когда все самолеты улетели, остался один неразгруженный грузовик, и тогда вход в пещеру распахнулся во всю ширь, и оттуда выкатился большой металлический шар. Когда шар остановился, вход в пещеру закрылся. Оставшиеся маленькие люди стали вести себя так, словно чего-то ждали.

НЕЗАДОЛГО ДО полудня была использована одна труба. Маленький человек, с непринужденным видом сидящий в грузовике, внезапно вскочил с места, схватил трубу, поставил ее так, что один конец усталился прямо вверх и нажал на ней сбоку маленькую кнопку. Несколько секунд ничего не происходило.

Потом труба внезапно рванулась вверх, позади нее стремительно развернулось веером голубоватое свечение. Труба улетала в небо ровно, но не так уж быстро. Казалось, летела она с ускорением, потому что не останавливалась, как следовало ожидать, и вскоре растворилась в небесной голубизне. Все это казалось очень обычным, простым и неторопливым.

Прошло целых пятнадцать минут, прежде чем началось продолжение. В паре миль на востоке внезапно появилось вздымающееся, извивающееся, точно змея, желтое облако. Оно начало медленно опускаться, а из него вдруг забили неистовые струи оранжевого дыма, вверх, вниз, во все стороны.

Дым летел немного быстрее и параллельно поверхности планеты, так что облако постепенно приняло форму блина зловещего желтого цвета, корчившегося, словно его сминали невидимые руки. Оно медленно опускалось, и, когда достигло земли, ничего не произошло – вообще ничего. Это было просто поразительно, принимая во внимание, что это была ракета с атомной боеголовкой. Лон оценил бы то, как справились с нею маленькие люди, если бы присутствовал при этом. Но его здесь не было.

Лон был совсем в другом месте. С горящими глазами он летел в космосе, навстречу сражению.

ГЛАВА VII

Спортивная жизнь

ЛОН УЖЕ понял, что все маленькие люди относятся к жизни, как к череде спортивных состязаний. Они провели с ним получасовой интенсивный инструктаж по управлению сорокафутовым металлическим шаром, который построили и передали ему для космического сражения.

Возможно, они полагали, что их более примитивный брат по разуму и космический пилот имеет лучшие навыки космического боя, чем был у них. А может быть, им казалось, что этого требует спортивная честь.

Во всяком случае, они сделали этот шар, и человек шесть полетело в нем вместе с Лоном.

Глаза их блестели от волнения. Отец Кэрил и Бертон тоже были на борту. Затем появилась Кэрил – в обычной форме экипажа земного корабля, – она вспыхнула, когда Лон внимательно оглядел ее. Лон коротко объяснил, что маленькие люди в срочном порядке сконструировали космический корабль, и три землянина включены в состав его экипажа. Услышав это, Кэрил тут же поднялась на борт.

Ее можно было прогнать лишь силой, но это не имело смысла. Все это время у Лона не было никаких надежд, кроме мысли о том, что лучше умереть, сражаясь. Ему казалось, что планета маленьких людей, а после нее и Земля обречены. Если Кэрил должна умереть, то, во всяком случае, она может умереть в космическом корабле рядом с остальным экипажем «Маринты». По крайней мере, смерть в космосе быстрая и безболезненная.

Лон сел в кресло пилота и сперва был разочарован нехваткой мощности для быстрого взлета, но тут маленький человек, сидящий возле него, улыбнулся и тронул рукой чертеж, лежащий возле пульта управления. Тогда Лон понял, что вертикальная скорость взлета просто ограничена полем планеты, влекущим корабль вниз.

«Маринта» разбилась при посадке на эту планету всего лишь тридцать часов назад, и проблема общения все еще не была как следует решена. Но словарь символических рисунков расширился настолько, что они стали, практически, идеограммами.

Было довольно забавно увидеть множество копий различных рисунков Лона, разложенных на видном месте для быстроты общения. И здесь были не только рисунки. Здесь появились своего рода зачатки стенографии символов, были глаголы и даже несколько прилагательных. Например, вытянутый и перечеркнутый круг был явно символом «нет» или «не хорошо», или отрицания вообще.

Схематически упрощенный рисунок механизма в земном стиле означал «да», или «хорошо», или просто утверждение. Эта система не была такой же ясной и быстрой, как речь, но, подкрепляемая жестами и восклицаниями, она работала на удивление хорошо.

Лон убавил мощность двигателя. Взлет был долгим процессом, и делать во время него было, в общем-то, нечего. Чтобы занять время, Лон решил осмотреть внутреннее устройство корабля. Это была простая полая сфера, скре-

пленная внутренними балками и удивительно лишенная всяческих приборов и приспособлений.

У изогнутых стен был ряд кресел для маленьких людей с предохранительными ремнями. Кроме них, были три больших кресла для Лона, Бертона и отца Кэрил, и один маленький человек поспешно собирал импровизированное большое кресло возле Лона для Кэрил.

Справа и слева от Лона находились видеозкраны с поразительно четкими, почти что объемными изображениями. Выше и ниже них были экраны поменьше, дающие боковой и задний обзор, так что Лону оставалось лишь чуть шевельнуть глазами, чтобы поглядеть в любую сторону.

Перед Бертоном и отцом Кэрил тоже были экраны и средства управления оружием, представлявшим собой, как они подозревали, точные копии лучевых излучателей кораблей-слизняков, а управление оказалось копией прицелов земного типа и гашеток.

Землянам все это было привычнее, чем маленькому народу, который на своей планете пользовался лишь газом, не требующим на охоте вообще никакой точности. Вести корабль предстояло Лону. У него было весьма смутное представление об эффективности устройств корабля, но он собирался выжать из них все до последней капли.

Зеленые равнины и горы планеты медленно уплывали назад. Потом внизу в поле зрения появилось синее море. Корабль стал подниматься быстрее. Постепенно наращивая скорость. Небо над головой темнело. На нем появились крошечные пятнышки звезд.

Затем небо стало фиолетовым, и вскоре – совсем черным, с большим окольцованным солнцем, аляповато сияющим в пустоте. Тысячи миллионов звезд, казалось, глядели, как корабль выскочил из атмосферы в космическую пустоту.

ЗДЕСЬ УЖЕ НЕ было никаких помех ускорению. Лон принялся испытывать корабль. Сперва осторожно,

потом с растущей уверенностью. Средства управления были интуитивно понятны и созданы, казалось, специально под человеческие инстинкты, утверждающие, что человек – центр Вселенной.

На практике это означало, что он тянулся к желаемому объекту и отодвигал рукой нежелательный. Для этого в удобном месте располагалась круглая рукоятка. Когда Лон потянул ее на себя, корабль рванулся вперед, чуть отодвинул – и корабль дал задний ход.

Рукоятка двигалась во всех направлениях, а двигатели шара были расположены так, что центр тяжести и опоры всегда был в пилотском кресле. Можно было заставить шар вертеться вокруг оси и даже перевернуть его вверх дном.

Научиться обращаться с таким управлением было удивительно легко. Уже через минуту Лон почувствовал нарастающую внутри уверенность. Корабль становился продолжением его рук и ног.

Лон мрачно кивнул маленькому человеку, который был его вторым пилотом, и, прикоснувшись к рисунку корабля-слизняк, вопросительно поднял брови. Маленький человек щелкнул выключателем. На правом экране появился красный кружочек. Очевидно, в центре его и был корабль-слизняк.

Одновременно более тусклые синие кружочки стали появляться над изогнутыми верхними слоями атмосферы планеты. Лон поглядел на них, но маленький человек ткнул пальцем в красный кружок, затем показал на два-три синих – и указал на рисунок корабля-шара.

– Наши корабли? – проворчал Лон. – Да, парни, вы потрудились на славу!

Он понял, что в недрах планеты были и другие пещеры. Требовалось много энергии для радиоволн, с помощью которых управляли всеми ветрами над планетой, поэтому нужно было и много электростанций.

Но Лону и в голову не приходило, что каждый его взгляд и жест, каждая интонация будут транслироваться в десятки технических штабов и все маленькие люди узнавали то, что знало непосредственное его окружение. Здешняя система коммуникации была замечательная, хотя ее вообще не было заметно.

Лон направил корабль-шар навстречу врагу – тому кораблю-слизняку, который преследовал «Маринту» тысячи световых лет. Очевидно, на том слизняке сработали датчики. Он повернулся и устремился навстречу Лону.

Из него вылетела тысячемильная молния луча, промагнувшись лишь на сотню ярдов. Лон бросил шар вбок, уклоняясь от группы из шести лучей, немедленно нанесших удар в то место, где он только что находился. Глаза Лона заблестели.

– В пределах досягаемости, да? – проворчал он. – Ну что ж, теперь поиграем!

Он рванул шар вверх и крикнул:

– Бертон! Стреляйте в упор и не отпускайте гашетку!

Из корабля-шара вылетел навстречу врагу раскаленный луч. Лон видел, что он промахнулся, и сделал легкое круговое движение руки, словно исправляя ошибку. И это сработало.

Корабль-шар развернулся и луч чистой энергии взрезал корпус врага. Корабль-слизняк дернулся, точно раненый зверь, и бешено нанес ответный удар.

Оба устремились друг к другу с невероятным ускорением. Лон закрутил свой корабль, чтобы хлестать врага энергетическим лучом, точно мечом. Он ударил его раз, другой, третий. На четвертый раз раздался взрыв, и струи дыма рванулись из его ракетных двигателей.

– Пробили! – выкрикнул Лон, сверкая глазами. – А теперь...

Но тут же он застонал. Корабль-слизняк, столкнувшись с оказавшим сопротивление соперником, вдруг знакомо

вспыхнул всеми переливающимися цветами радуги. Это означало первую фазу перехода в гиперпространство.

Слизняк убежал, так как понял, что корабль-шар ему не одолеть. Он еще не был фатально поврежден, но...

Усмешка маленького человека, сидящего рядом с Лоном, превратилась в явный смешок. Он щелкнул маленькими, но крепкими пальцами. Переливающиеся цвета радуги исчезли, но слизняк остался в обычном космосе. Его переход в гиперпространство был прерван. Пути для отступления отрезаны.

Яркие лучи снова ударили из него, расчертив пространство чудовищными карандашами энергии. Он был теперь меньше, чем в ста милях, но неожиданные прыжки корабля-шара не давали ему прицелиться.

Лон стал фехтовать своим кораблем с исходящим из него лучом, как энергетическим мечом. Он фехтовал кораблем, как человек сражаясь с противником, фехтует рапирой, тонкое лезвие которой колет и рвет его.

Лон хлестал, хлестал и хлестал лучевым лезвием. И внезапно второй раз из слизняка вырвалось облако пара – колоссальное облако желтоватой хлорной атмосферы, – и исчезли лучи-прутья. Корабль-слизняк выключил ускорение и повис мертвым в космосе, мчась вперед по инерции. До него оставалось шестьдесят миль, пятьдесят, сорок, тридцать, двадцать – и он не подавал ни малейших признаков жизни.

ЛОН МАШИНАЛЬНО выключил свой луч, и пристально уставился вперед. Маленький человек, сидящий рядом с ним, залился веселым смехом, несмотря на то, что Лон продолжал вращать корабль-шар, опасаясь ловушки.

– Похоже, он мертв, – с сомнением сказал Лон.

И как только прозвучали его слова, корабль-слизняк внезапно ожил. Он был на расстоянии менее пяти миль от них,

когда шесть прутов энергетических лучей нанесли вдруг неистовый удар.

Все шесть попали в шар. Лон чуть было не прикусил язык от сотрясения. Каждый такой луч, ударявший в «Маринту» пробивал ее корпус.

Но корабль-шар не был поврежден. На секунду Лону показалось, будто само пространство вокруг как-то напряглось. Он почувствовал слабый шок, словно при входе в гиперпространство. Затем молнии-лучи стал не просто светящимися, а загорелись ослепительным голубовато-белым светом. И тут же погасли. А корабль-слизняк запылал красным, затем белым и превратился в туманное облако металлического пара, которое начало быстро расплываться в пространстве.

— Святая жаба! Воскликнул лон ошеломленно. — Вот значит как! Если его лучи поражают наш корабль, то он соединяет их в единый пучок и отправляет назад, а там они превращают противника в пар!

Радость, светящаяся в глазах маленького человека, сидящего в кресле второго пилота, была подтверждением его слов.

— Но зачем тогда вообще сражаться с ними?

Маленький человек потянулся и пожал Лону руку, его глаза взволнованно блестели.

— Черт побери! — воскликнул Лон. — Держу пари, вы сражаетесь из чистого спортивного интереса!

Затем синие кружки на экране рванулись вперед, сверкая длинными лучами-молниями. Корабли-шары маленьких людей тут же сгруппировались вокруг корабля Лона, летая из стороны в сторону и вращаясь в головокружительных спортивных танцах. Они действовали так же, как Лон в первом поединке. Было понятно, что маленькие люди мгновенно одобрили и подхватили тактику Лона.

Кораблей-шаров было примерно шестьдесят-семьдесят — Лон точно не знал, сколько именно, — и они представляли

собой внушительный космический флот. Земля никогда не смогла бы так быстро простроить такой флот и снабдить его таким оружием. Когда экран заполнился мигающими красными кружочками, Лон был готов построить их и повести в атаку.

Но тут же, с упавшим сердцем, он понял, что никакая атака не сумеет предотвратить нападение на планету. Корабли-слизняки выскакивали из гиперпространства вокруг всей планеты на расстоянии полумиллиона миль от нее. И тут же они с полным ускорением устремлялись к зеленому шару.

Корабли-шары устремились им навстречу. Слизняков были сотни, они превосходили защитников планеты в пропорции пять или шесть к одному, но лучи-рапиры шаров наносили точные, хлещущие удары через пустоту, в то время как лучи слизняков все время промахивались.

Корабли-шары использовали тактику, которую продемонстрировал Лон, скользя в неистовом танце среди врагов и все время пытаясь устраивать поединки. Слизняки не соблюдали никаких формальностей. Бывало, что шар и слизняк доводили поединок до конца, но чаще слизняки старались навалиться на шар скопом и сокрушить его лучами-молниями...

И в этом крылась их ошибка, потому что лучи слизняков тут же возвращались к ним назад, десятикратно усиленные, и корабли-слизняки пылали и гибли во взрывах.

Те же, кто на свою беду попадали в цель, получали ответный удар, но не погибали сразу и встречались с новой проблемой. Поврежденные, они пытались сбежать, но и сбежать им не удавалось, так как путь в гиперпространство был каким-то образом для них закрыт.

Казалось, уже весь космос заполнился извивающимися и стремительно расширяющимися облаками хлорного дыма. И тогда среди звезд полетели управляемые ракеты. Один за другим корабли-слизняки взрывались и гибли в пламени,

но оставшиеся в живых действовали, как загнанные в угол крысы, и к планете понеслись тысячи ниточек дыма следов двигателей управляемых ракет.

Лон лихорадочно закричал Бертону и отцу Кэрил – единственным, кто мог его понять, – чтобы они расстреливали летящие к планете ракеты. Бертону удалось попасть в одну, и на мгновение космос озарила вспышка гораздо более яркого, чем здешнее солнце, атомного пламени.

Лон ринулся на перехват других ракет, но его второй пилот рассмеялся и покачал головой. Он посмотрел на Лона, затем увеличил изображение планеты на экране.

Экран превратился в подобие телескопа. Одна из управляемых ракет, несущихся к планете, сперва была точкой, но очень быстро превратилась в нечто похожее на червячка.

И тут, внезапно, к ракете метнулось нечто невероятное. Это была трубка с одним открытым концом и голубым выхлопом на другом конце. Больше всего она напоминала некую пластиковую летающую печную трубу.

Она помчалась прямо на ракету с атомной боеголовкой и впиалась в нее, как пиявка. На месте соединения тут же вспыхнула крошечная электрическая дуга сварки. Ракета продолжала лететь по курсу, но пластиковая трубка впиалась в нее, и сварочный огонь прогрызал в ней отверстие.

Лон тихонько выругался, глядя на это.

– Мусоропровод! – ошеломленно сказал он. – Вы установили в трубке противометеоритный датчик, чтобы искать ракеты в небе. Добавили ионную ракету, позволяющую ей летать, и смонтировали на ее переднем конце мусоропровод, разлагающий любой мусор на кислород, водород, углерод и пепел. И тысячи таких устройств встречают ракеты еще в верхних слоях атмосферы. Разумеется, они не уничтожат атомные боеголовки, зато расплавят и обработают любую взрывную систему. И когда ракеты опустятся на поверхность планеты – а они даже не смогут врезаться в

нее на скорости, – то у вас будет достаточно радиоактивного атомного вещества для производства энергии.

Второй пилот, разумеется, не понял, что сказал землянин. Но когда Лон протянул ему руку, маленький человек энергично потряс ее.

Через час корабль-шар приземлился на планете. Лон был весьма удручен таким исходом дела, но отец Кэрил выглядел очень довольным.

– В конце концов, Лон, – заметил он, – несмотря на то, что мы навели на эту планету армаду кораблей-слизняков, мы подарили здешнему народу хотя и примитивные, но все же полезные устройства, которые им весьмагодились. Корабли-слизняки рано или поздно нашли бы их, так же, как и Землю. Когда мы появились на планете, они оказались в положении цивилизованного человека, оказавшегося против дикаря, вооруженного луком и стрелами. Поглотитель ультразвука может защитить от ультразвукового пистолета, но он бесполезен против стрел. Здесь нужна броня или щит – примитивная защита от примитивного оружия. И вы дали им такой щит. Случайно вы – мы, все мы – показали, что контакты с Землей могут быть весьма ценными. И они...

Лон нахмурился.

– Но они настолько опережают нас, – с тревогой сказал он, – что, если захотят, смогут легко завоевать нас. И это плохо!

– Лон, – строго возразил отец Кэрил, – они же цивилизованные! А цивилизованные люди никогда не захотят завоевывать других людей!

Так это и оказалось. Дальнейшие действия маленьких людей против существ с хлорной планеты были совершенно цивилизованы. По всей планете были наготове сотни тысяч летающих трубок.

Больше двух тысяч ракет с атомными боеголовками были пущены на планету, но лишь две такие ракеты до-

стигли ее поверхности и взорвались. Остальные были перехвачены и обезврежены еще до приземления. Маленькие люди собрали их боеголовки и, после долгих обсуждений с Лоном – изобрели и построили автоматические космические навигаторы. Чуть больше дюжины кораблей-слизняков были захвачены шарами в относительно целом состоянии, по сравнению с массой других, которые попросту испарились. Три корабля были отремонтированы и на них установили автоматические навигаторы. Первый корабль с таким навигатором полетел к Крабовидной туманности через гиперпространство. Он специально был направлен так, чтобы его перехватил второй флот слизняков.

Если существа, управляющие слизняками, попытались вступить с ним в открытое общение или хотя бы взяли его на бордаж, они бы обнаружили, что корабль был поврежден, но аккуратно отремонтирован, а кроме того, несет на себе часть запаса активного атомного материала – чрезвычайно ценного для любой расы носителя энергии.

Это должно было показать им, что те, кто уничтожил первый флот, не хотят продолжения войны, поэтому возвращают часть стратегических материалов.

Но если флот слизняков станет продолжать свою политику и нападет на ведомый автоматическим навигатором корабль, то результаты будут катастрофическими. Радиоактивный груз корабля взорвется и сметет флот или, может, и саму их планету.

Второй автоматический корабль полетит через неделю после первого. Если первый корабль доставил сообщение о мире, то второй подкрепит бы его. Но если первый корабль подвергнется нападению, то второй пролетит мимо испарившегося флота кораблей-слизняков и передаст то же сообщение о предложении мира на хлорную планету. Маленькие люди были настолько дружелюбны, что согласи-

лись бы оставить хлородышащих в покое. Но если те сами захотят продолжать сражение...

ВПРОЧЕМ, ЛОН, Бертон, Кэрил и ее отец не стали дожидаться результатов этого столь тщательно спланированного ультиматума. Они полетели на Землю в корабле-шаре, ведомом Лоном. Шар был на этот раз оборудован для дальнего полета каютами, койками, камбузом и запасами еды, воздуха и воды.

Никто из маленьких людей не захотел лететь вместе с ними. Они обустроили свою планету, ее климат и растительность так, что были ими полностью удовлетворены. У них было все, чего они бы хотели, включая дружеские отношения, досуг и совершенно подходящую им среду обитания. Они жили здесь так, как хотели, и были абсолютно этим удовлетворены.

Лон обещал им вернуться со всеми данными и научными достижениями, которые могли заинтересовать их. Но сами лететь они отказались, объяснив, что очень скучали бы вдали от дома.

Однако, четыре землянина им понравились. Они буквально забили корабль-шар подарками, которые, как они считали, могут пригодиться людям. Лону не хотелось улетать, поскольку он лишь начинал понимать самые азы науки маленьких людей. Кэрил тоже хотела бы остаться. Она сблизилась с несколькими девушками и успешно изучала их язык.

Но, разумеется, они должны были лететь. Им следовало предупредить Землю о существовании цивилизации крококожадных хлородышащих существ, и о том, какие меры следует принять Земле для собственной защиты.

И была еще одна маленькая формальность, пройти которую можно было, лишь вернувшись на Землю. После этого

они намеревались вернуться на планету маленьких людей. Большую часть медового месяца они собирались провести там. Но сначала Кэрил хотела официально выйти замуж. Разумеется, за Лона.

(Thrilling Wonder Stories, 1950 № 4)

FEB.

Famous

25¢

FANTASTIC

Mysteries

THE PEACEMAKER

by C. S. FORESTER

PLANET
OF SAND

by MURRAY
LEINSTER

Digitized by UNZ.ORG
All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the copyright owner.

ПЛАНЕТА ПЕСКА

ЯРКИЙ, БЕЗЖАЛОСТНЫЙ свет заливал тюремный коридор «Сталлифера». Гудела система воздушной очистки. Время от времени слышалось пощелкивание каких-то реле. Все эти звуки были нудными, монотонными, надоевшими. Особенно нудными и надоевшими казались они сидящему в камере Стену Бакли – лейтенанту Космической Гвардии, обвиненному в тяжком преступлении.

По идее, его должна была поддерживать мысль, что он не виновен в тех ужасных поступках, в которых его обвинил его же непосредственный командир Роб Торрен. Но знание о том, что он невиновен, помогало слабо. Стен сидел в камере-клетке с выражением мрачной решительности на лице. Внутри него рос дикий, разрушительный гнев. Он рос и рос уже много недель.

«Сталлифер» буравил пространство. Но в иллюминаторы не заглядывали враждебные, неподвижные мириады звезд, сопровождавших космических путешественников в далекие прежние времена. Чтобы держаться скорости, в тысячу двести раз превышавшей скорость света, поле Боудона-Холла сжималось и растягивалось сорок раз в секунду. Вспыхивающая за бортом корабля сорок раз в секунду Галактика казалась совершенно неподвижной.

Вот только звезды в ней двигались. Более близкие летели стремительно, более отдаленные – медленно, но все они постоянно перемещались, стремясь к неизвестным целям. И от этого движения создавалось чувство перспективы, так что звезды не висели неподвижно на плоском черном занавесе пространства, как когда-то, а двигались сразу в трех измерениях. При этом весь космос казался небольшим и уютным, а его Внешние Пределы казалось, лежали всего лишь на расстоянии нескольких миль. Но «Сталлифер», направляющийся на Землю с Реси II, летел уже много дней,

PLANET OF SAND

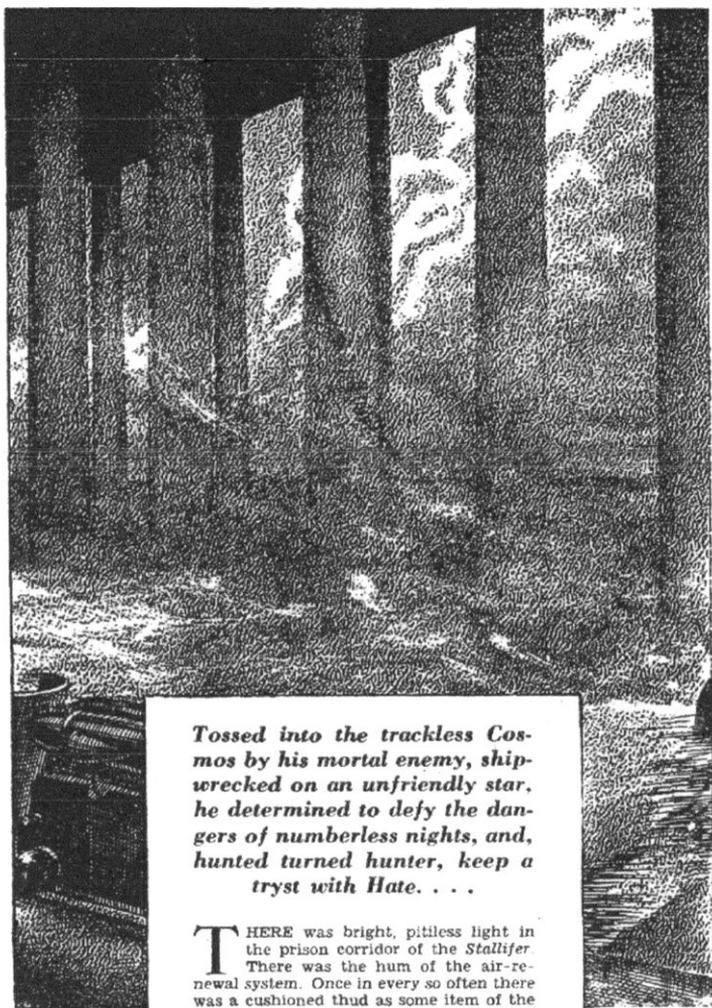
By
Murray Leinster

He debated struggling farther under the
shelter of the monstrous roof. . . .

и если подсчитать, какое при этом он проделал расстояние, то захватывало дух.

Но, сидя в клетке, Стен Бакли видел лишь четыре стены. Здесь не было никаких перемен в освещении, показывающих, утро сейчас, день или ночь. Через равные интервалы охранники приносили ему еду. И в том числе из-за этого

Tossed into the trackless Cosmos by his mortal enemy, shipwrecked on an unfriendly star, he determined to defy the dangers of numberless nights, and, hunted turned hunter, keep a tryst with Hate. . . .

THERE was bright, pitiless light in the prison corridor of the *Stallifer*. There was the hum of the air-renewal system. Once in every so often there was a cushioned thud as some item of the

жестокий, ужасный гнев в глубине его души рос и рос, пока Стену не стало казаться, что он сходит с ума...

Он понятия не имел, какой сейчас час или день, когда в темном коридоре внезапно вспыхнул безжалостный свет. Со звоном открылась внешняя дверь. Послышались шаги, приближающиеся к его клетке. Это была не охрана, прино-

сившая еду. Охранников Стен давно уже узнавал по шагам. Что-то изменило монотонность его пребывания здесь, которая не должна меняться вплоть до самого прибытия на Землю.

Стен сидел неподвижно, сжав кулаки. За прутьями клетки появилась чья-то фигура. Стен вскинул глаза и тут же узнал Роба Торрена. Гнев, и так уже выросший до невозможности, вспыхнул в Стене еще сильнее, перерастая в безумие. Но Стен не двинулся с места.

Наступила тишина. Мышцы Стена Бакли напряглись так, что, казалось, заскрипели все кости. Затем Роб Торрен язвительно произнес:

– Очень удачно, что между нами прутья, иначе не получилось бы никакого разговора! Или вы убили бы меня и были бы казнены за убийство, или я бы убил вас и предстал убийцей в глазах Эстер. Но я пришел, чтобы вытащить вас отсюда, если вы примите мои условия.

У Стена вырвалось невнятное рычание.

– О, разумеется! – воскликнул Торрен. – Я обвинил вас и буду свидетельствовать против вас. На суде поверят мне, а не вам. Ваша жизнь будет кончена, вас опозорят. Даже Эстер не вышла бы за вас при таких обстоятельствах. А скорее всего, – язвительно добавил он, – вы бы сами не позволили ей это.

Стен облизнул губы. Ему так ужасно хотелось добраться до глотки врага, что ярость стиснула горло и не давала сказать ни слова.

– Проблема в том, – продолжал Торрен, – что она не вышла бы замуж и за меня, если бы я обвинил вас на суде. Так что я предлагаю сделку. Я помогу вам сбежать – мне уже все устроили, – а вы дадите честное слово, что будете драться со мной. Дуэль. Поединок. До смерти.

Взгляд его был твердым, тон – жестким, а поведение почти что высокомерным.

– Я буду драться с вами где угодно на любых условиях!
– хрипло ответил Стен Бакли, с трудом выговаривая слова.

– Вот вам условия, – холодно сказал ему Роб Торрен. – Я помогу вам сбежать. Вы напишите Эстер письмо, в котором объясните, что дуэль была честной, и вы сами согласились на нее. В свою очередь, я напишу письмо командованию Космической Гвардией, в котором откажусь от всех обвинений, выдвинутых против вас. Мы будем драться. Оставшийся в живых порвет свое письмо и использует второе. Вы согласны на это?

– Да я соглашусь на что угодно, лишь бы добраться до вашей глотки! – отчаянно прорычал Стен.

Торрен пожал плечами.

– Фотоэлементы охраны я отключил, – спокойно сказал он. – У меня есть ключ от вашей камеры. Я выпущу вас. Но я не могу позволить себе убить вас иначе, чем при названных мною условиях, иначе у меня не будет шанса получить Эстер. Если же вы убьете меня до нашей дуэли, то вас просто казнят, как убийцу. – Он помолчал, затем добавил: – Я должен прилететь и драться с вами, потому что только письмо, в котором вы признаетесь, что дуэль была честной, удовлетворит Эстер. Вы даете слово, что станете ждать и не попытаетесь убежать, пока я не прилечу за вами?

Стен довольно долго молчал, затем хрипло произнес:

– Да, я даю слово.

Торрен без колебаний сунул ключ в замочную скважину камеры-клетки и повернул, затем сделал шаг в сторону. Стен вышел, сжимая кулаки. Торрен замкнул дверь, повернулся спиной и прошел по коридору. Затем открыл дверь в конце его и снова отступил в сторону. Стен прошел коридором. Торрен закрыл за ними дверь, достал из кармана кусок ткани, тщательно вытер ключ и повесил его на специальный крючок, при помощи той же ткани повернул выключатель и убрал ее в карман.

– Фотоэлементы включены, – сухо сказал он. – Они показывают, что вы все еще находитесь в камере. Когда охранники обнаружат, что вас там нет, им покажется, что вы просто растворились в воздухе.

– Я сделаю все, – хрипло сказал Стен, – чтобы получить возможность убить вас. И, конечно же, у меня нет ни единого шанса убежать!

Это было бесспорно. «Сталлифер» находился в межзвездном пространстве и летел со скоростью, в тысячу двести раз превышающей скорость света. Сбежать из корабля было невозможно. А прятаться, когда корабль окажется в доке и откроется пропажа узника, просто нелепо.

– Ну, это еще неизвестно, – все так же холодно сказал Торрен. – Следуйте за мной.

ТОРРЕН ПРОШЕЛ по коридору и проскользнул в узкую дверь, совершенно незаметную, если не искать ее специально. Стен последовал за ним и оказался в узком пространстве между внутренней и внешней оболочкой корабля. Дверь, отсек, еще одна дверь. Затем крошечный воздушный шлюз, рассчитанный на одного человека, которым пользуются, чтобы при нужде осмотреть корабль снаружи. У дверей шлюза лежало какое-то оборудование.

– Я все подготовил, – коротко сказал Торрен. – Вот скафандр. Наденьте его. Вот космические салазки для шахтеров на астероидах. Вот жизненно необходимые припасы, на всякий случай, все в водонепроницаемых упаковках. Свои багажные емкости я заполню водой такого же веса, так что покину корабль с тем же, по весу, багажом, с каким вошел на борт. Это мое прикрытие.

– А мое? – резко спросил Стен.

– Вот вам хронометр. Он синхронизирован с корабельными часами. Ровно в два часа две минуты вы оттолкнетесь от корпуса корабля. Поле равномерно пульсирует.

Когда оно расширится, вы оттолкнетесь от корабля, а когда сожмется – окажетесь за его пределами.

Стен поднял брови. Это было очень умно! Поле Боудона-Холла, допускающее полет со скоростью, превышающий скорость света, напоминает постоянно пульсирующий пузырь с частотой пульсации сорок раз в секунду. Человек в скафандре может отделиться от корабля, когда поле расширится, а когда оно сожмется, он окажется за его пределами, в свободном космосе, причем в этот момент корабль уйдет невообразимо далеко вперед. По крайней мере, так это выглядит в теории.

– Вы заранее встанете на космические салазки. Они запроважены энергией до краев, так что смогут пролететь несколько миллионов миль. Точно в два часа две минуты «Сталлифер» будет проходить возле Кор Альфы. Кор Альфа, белый карлик, используется в качестве маршрутного бакена. У нее одна планета, на которой, судя по справочникам, есть подходящая для дыхания атмосфера и вполне годная для приземления поверхность, хотя в остальном она не исследована. Вы приземлитесь на этой планете и будете ждать меня там. Я прилечу!

– Я на это надеюсь! – с тихим рычанием выдавил Стен.

Глаза Торрена вспыхнули от гнева.

– Вы считаете, что я не хочу убить вас так же, как вы меня?

На мгновение они оба напряглись, словно хотели начать смертельную борьбу прямо тут, между двумя корпусами космического корабля. Затем Торрен отвернулся.

– Одевайте скафандр, – коротко бросил он. – Я арендую частный корабль и прилечу за вами, как только закончится дело о вашем побеге. Главное, оттолкнитесь от корабля ровно в два часа две минуты. Точно миг в миг, это очень важно.

С этими словами он ушел. Стен Бакли с ненавистью поглядел ему вслед, затем мрачно повернулся к куче вещей,

лежащих у дверей воздушного шлюза. Пять минут спустя он открыл внешнюю дверь шлюза. Он был в скафандре и нес с собой рюкзак с припасами – стандартный набор для потерпевших крушение, – а также маленький двигатель, установленный на «космических салазках». «Салазки» – это было устройство, которые использовали шахтеры на астероидах и метеорах, представлявшее собой двигатель, блок питания, сидения и крест, на котором все это крепилось. Все это напоминало нелепую детскую деревянную лошадку и было совершенно неподходящим для работ на планетах, из-за того, что планетарное тяготение требовало бы от двигателя слишком много энергии. Но для Стена, начинавшего путь посреди пустого пространства, в конце которого ему требовалось лишь одно приземление, это было вполне приемлемо.

Стен закрепил хронометр на рулевую стойку, чтобы он был перед глазами. Привязал к «салазкам» рюкзак. Осторожно закрыл дверь воздушного шлюза и стал ждать, прикрепившись магнитной обувью к внешнему корпусу корабля.

Космос казался маленьким и совершенно невероятным. Пятнышки света, которые на самом деле являлись звездами, расплзались во все стороны, и походили не на гигантские огненные шары, а на маленьких мух. «Сталлифер», казалось, не спеша летел в шаре диаметром в несколько миль, по оболочке которого ползало множество разноцветных мух.

Стрелка хронометра медленно ползла по кругу. Точно в два часа две минуты Стен нажал кнопку двигателя. В тот же миг он вместе со своей невероятной «космической лошадкой» оттолкнулся от тысячефутового холма блестящей стали, окутанной невидимым полем Боудон-Холла. Космос казался слишком маленьким и ограниченным, а «Сталлифер» громадным. Но тут двигатели рванулись вперед, «салазки» отлетели от корпуса корабля, и все во мгновение

ока изменилось. Корабль исчез, как пламя свечи, унесенное ураганом. Вселенная стала такой громадной, что человек, повисший в неизмеримой пустоте на маленьком нелепом устройстве, невольно сжался с замирающим сердцем. В его поле зрения появилось маленькое белое солнце, а рядом с ним диск планеты. Вокруг же сияли далекие, безразличные ко всему звезды, которые висели неподвижно, а не ползали в разные стороны, и уже совершенно не походили на разноцветных мух.

В тот миг, когда он оторвался от корпуса корабля, Стен прекратил свой полет с неимоверно безумной скоростью. А через долю секунды он осознал, что висит в пустоте совсем один, и что корабль, на котором он только что был, находился уже в миллионах и миллиардах миль отсюда.

Потом он осознал, что никто уже не сможет его догнать и вернуть. Даже если бы его пропажа обнаружилась через полминуты, то всем кораблям Космической Гвардии потребовали бы тысячи лет, чтобы обыскать тот участок космоса, где могла оказаться маленькая фигурка в скафандре. И к тому же было маловероятно, что его исчезновение обнаружится в ближайшие часы.

Стен почувствовал себя ужасно одиноким. Белый карлик пылал за много миллионов миль от него. Недружелюбно уставившиеся на него звезды отделяли от него сотни миллионов миль космоса.

Стен включил гироскопы, позволившие ему прекратить вращение, и взял курс к солнцу. Там была планета, до которой предстояло еще добраться, а потом совершить на нее посадку. Было, конечно, не исключено, что Роб Торрен просто отправил его в пустоту так, чтобы никто никогда не нашел Стена Бакли. Но Стен верил в ненависть, которая соединяла их.

СПУСТЯ ДВА дня Стен подлетел к одинокой планете звезды Кор Альфа. Воздух в космическом скафандре

стал душным, с нехорошим привкусом, что доказывало, что хороший воздух – это не просто смесь азота и кислорода. Стен стал вялым и равнодушным, дыша из баллона вторично очищенными газами. Даже медленно росший диск планеты не веселил его душу.

Планета вращалась и, когда он приблизился, оказалась совершенно невыразительной. Терминатор – линия, отделяющая освещенную солнцем сторону планеты от ночной – была четко выражена. На планете не было ни гор, ни облаков. И, казалось, там не было даже растительности. Но, тем не менее, существовала маленькая полярная шапка льда – такая крошечная, что Стен ее даже не сразу заметил. И она не сверкала белизной, а была лишь чуть-чуть бледной, словно это был не лед, а просто область, покрытая инеем.

Стен пошел по наклонной орбите вниз, чтобы уравнивать свою скорость относительно скорости вращения планеты. Верхом на «космических салазках» он, должно быть, напоминал невероятную ведьму на невероятно длинной метле. И он очень, очень устал.

Терминатор делил планету на две строго равные половины – ночную и дневную. Но практически Стен видел лишь четверть планеты на таком расстоянии и невооруженным глазом.

С этого расстояния он мог бы увидеть какие-нибудь особенности поверхности, однако, их не было. И Стен уже оставил надежду увидеть хоть что-то, когда, перед тем, как войти в атмосферу, он вдруг заметил на самой границе дня и ночи темный участок, прерывающий монотонную белизну. Участок лежал в рассветной полосе. Стен мог быть уверен лишь в том, что он существует и у него резко очерченные, прямые грани.

Затем Стен увидел темные прямоугольники, отходящие от основной массы участка, но тут он вошел в атмосферу, разреженный воздух на скорости ударил в него, и Стену

пришлось пригнуть голову, так что больше он ничего не заметил.

Теперь он видел лишь яркое свечение внизу. Он даже не мог определить ни свою высоту, ни, — после того, как скорость снизилась, и ветер уже позволил ему немного приподнять голову, — скорость его самого относительно поверхности. Но тут же ему пришло в голову уронить что-нибудь, чтобы получить хоть какое-то представление о высоте над поверхностью.

Он так и сделал. Пропитал маслом тряпку из набора инструментов и отпустил ее. Тряпка полетела, кружась, вниз, но внезапно резко исчезла из поля зрения. Она не приземлилась. Она просто исчезла.

Стен так устал, что ему потребовалось несколько минут, чтобы догадаться включить внешний микрофон скафандра и послушать, что творится вокруг. Щелкнув выключателем, он услышал унылое завывание, которое можно было определить безошибочно. Ветер. Под ним была песчаная буря. Он летел почти над самой поверхностью, но не видел землю, потому что ее скрывала непрозрачная стена песка. До земли могло быть пятьсот футов, или пять тысяч, а может, здесь вообще не было никакой твердой поверхности. Но, во всяком случае, здесь не было возможности приземлиться.

Тогда Стен набрал высоту и направился в сторону темного пятна, замеченного им ранее. «Космические салазки» не были приспособлены для атмосферных полетов. Запас энергии у них был, бесспорно, большой. Но Стен уже проделал немалый путь до планеты, а главное, аппарат получил разряд, когда во время отлета от корпуса «Сталлифера» проходил сквозь поле Боудона-Холла. И какой-нибудь другой корабль, тоже использующий Кор Альфу в качестве маяка, мог заметить вспышку в необитаемой системе с одной планетой. Эта вспышка наверняка была зарегистрирована, но маловероятно, что ее могут связать с исчезновением

Стена Бакли. А вот то, что эта вспышка забрала у аккумулятора «салазок» изрядную часть энергии, гораздо хуже.

Из-за этой особенности поля Боудона-Холла – высасывать любую энергию, которая пересекает его границы, – и скрывалась причина, почему его используют лишь в открытом космосе. А на лайнерах, в отличие от «салазок», наверняка стоят мощные предохранительные системы.

Короче говоря, У Стена оставалось мало энергии, а ему приходилось лететь в поле тяготения планеты. Ему нужно было подняться над песчаной бурей и направиться в ту сторону, где он видел темное пятно. Он направился к нему по прямой линии и, пока летел, стрелка указателя энергии неуклонно стремилась к нулю. Шахтеры на астероидах не часто используют «салазки» для полетов при земной силе тяжести, так что Стену приходилось тратить уйму энергии, просто чтобы не упасть. Черное пятно лежало в сотне миль от него – ерунда по сравнению с теми миллионами миль, которые он уже пролетел в космосе, но добраться до него оказалось гораздо труднее.

Когда пятно уже было близко, Стен начал спускаться и увидел совершенно невозможное зрелище. Это был настоящий лабиринт, сеть прямоугольных балок, поддерживающих бесчисленное количество громадных, мертвенно-черных плит. Единственный слой этих плит опирался на тонкие, как паучьи лапки, колонны. Здесь, в рассветном поясе, не было никакого ветра, так что Стен ясно видел их. Полого спускаясь вниз, Стен разглядел, что эти колонны на самом деле не меньше десяти футов в диаметре и поднимаются прямо из песка на высоту триста футов, а может, и больше. На них покоились балки и плиты, образуя крышу на высоте тридцати этажей над землей. Вот только не было никаких межэтажных перекрытий, пересекающихся дорожек или любых других конструкций между песком, из которого поднимались колонны, и этой странной – вся в дырочку – крышей.

Стен опустился у самого края этого сооружения. Между плитами наверху были полосы и клочки ясного неба. Стен посмотрел на совершенно пустые проходы между колоннами, но не увидел ничего, кроме колонн и крыши, уходящих вдаль, пока они не сливались где-то впереди. И вокруг была совершенная, полная безмятежность. Песок был нетронут и не потревожен. Если это сооружение и было убежищем, то оно никого и ни от чего не защищало. И все же оно простиралось вдаль, по меньшей мере, на сотню миль. Стен не видел никаких причин для его существования и ни малейших целей, для которых его можно было использовать. Но все же это не был каркас каких-то древних развалин. Сооружение явно было в прекрасном состоянии.

Полосы неба между секциями плит были совершенно одинаковы по размерам и расстояниям между ними. И сами колонны и плиты тоже были в полном порядке. Никаких дефектов, никакой ржавчины. Все сооружение было, без всяких сомнений, искусственно создано для какой-то цели, что подразумевало развитую цивилизацию с громадными возможностями. Но вокруг не было ни малейших следов его строителей, и Стен даже предположить не мог, для чего это построили.

Но он слишком устал, чтобы строить всякие гипотезы. На борту «Сталлифера» его постоянно снедал гнев, так что он не мог отдыхать. На «космических салазках», летящих в полном одиночестве к карликовому солнцу, единственная планета которого никогда не исследовалась людьми, он был вынужден ни на секунду не терять бдительность. Ему нужно было добраться до планеты, затем совершить посадку, не имея никаких приборов. Когда же он сел у начала громадного сооружения, то лишь слегка осмотрелся, устало, но с осторожной подозрительностью, необходимой в неизвестном мире. Затем он сделал некое подобие лагеря, к которому его вынуждали обстоятельства, то есть попросту

пристегнул «салазки и рюкзак к поясу своего скафандра, лег возле ближайшей колонны и тут же заснул.

СТЕНА РАЗБУДИЛ ужасный рев в наушниках. Секунду он лежал неподвижно, а когда попытался встать, то смог лишь слегка шевельнуть руками и ногами. Он почувствовал себя так, словно был поглощен пловуном. И тут уж остатки сна моментально слетели с него. Стен забился, пытаясь выбраться из песка, в котором был полузахоронен. Он был посреди ревущей песчаной бури, дьявольской бури, которая ударяла в соседние колонны, создавала вокруг них песчаные насыпи, мгновенно уносила их прочь, бросая массы песка во всех направлениях.

Когда загадочное сооружение попало из рассветного пояса в утро, на него накиннулись оглушительно завывающие ветры. Яростное торнадо, смертельно удушающая песчаная буря билась в основу странного сооружения. Из того, что увидел Стен еще при первой попытке приземления, это была обычная для этого мира погода. И если сейчас дул лишь легкий по здешним меркам ветерок, то к полудню здесь станет невозможно жить.

Стен поглядел на хронометр. Он проспал меньше трех часов. Он дернул за тросик, которым были привязаны «салазки», и обнаружил их возле соседней колонны. За тросик он подтянул себя туда и попытался укрыться за колонной, но ветер постоянно менял направление, так что ни с одной стороны убежища не находилось.

Стен поднял голову к чудовищной крыше и смерил ее взглядом. И тут же увидел, что плиты наверху стоят наклонно. В гигантской секции, пределы которой Стен не мог увидеть, плиты крыши повернулись одновременно, встав из параллельного положения к земле так, что стало ясно видно небо. Громадные массы песка били в плиты и падали вниз к основанию колонн. А ветер превращался в

мечущийся между колоннами вихрь, который поднимал песок вверх.

Весь этот чудовищный водоворот песка безумно вращался несколько минут, затем опять уносился в открытое небо. Одним порывом он подхватил Стена вместе с «салазками» и рюкзаком, по-прежнему пристегнутыми к скафандру. Если бы не тросик, обмотавшийся вокруг колонны, их разбросало бы в стороны и понесло в вышине к далекому горизонту.

Спустя долгое время Стену удалось все же выбрать слабинку тросика и поплотнее примотать себя и свое имущество к колонне. А еще через час он сумел привязать себя к ней совсем плотно, так что его больше не мотало туда-сюда ветром. И после этого он снова заснул.

Сон был тревожный и дал ему мало отдыха. Сначала дьявольский ветер унес из-под него тонны песка, так что Стен оказался привязанным к колонне на высоте больше ярда над поверхностью. Потом он проснулся еще раз и увидел, как тонны песка наваливаются на него, так что ему пришлось чуть стравить тросик и выбраться из-под завала. Но время от времени он все же засыпал.

Наконец, наступила ночь. Сила ветра снизилась с урагана до простой бури, а иногда просто до сильных порывов. А затем, когда солнце скрылось за дальним краем громадного сооружения, к которому он привязал себя, – тогда с белесого еще неба вдруг стали падать красивые звездочки, которые, снижаясь, медленно затухали. Стен не сразу понял, что это просто частицы пыли, поднятой ввысь дневным ураганом, оседают теперь на землю.

Стен отвязался от колонны и встал – крошечная фигурка среди гигантских колонн из черного металла, вздымающихся к звездам. Они уже сияли на небе – крупные, яркие в совершенно прозрачном воздухе. После дневного урагана не осталось ни следов облаков.

Было ясно, что такова обычная погода на этой планете. Днем ужасающие ветры и ураганы. Ночью полная неподвижность. Слишком маленький и плохо различимый ледник на полюсе гарантировал, что на планете нет больших водных масс, смягчающих погоду. А с такими штормами здесь была проблематична жизнь – любая жизнь. Вот только сооружение, у подножия которого он стоял, было вне всяких сомнений искусственным!

Стен включил радио скафандра. Только статичные помехи. Частички песка, сталкивающиеся друг с другом в сухом воздухе, и были причиной громкого шипения, который вырвался из наушников. Стен выключил радио и открыл лицевую пластину шлема. Холодный сухой воздух наполнил его легкие.

Здесь не было никаких обитателей. Не было, и быть не могло. Но имелось колоссальное сооружение, непонятно для чего созданное. На планете нет никакой жизни, но в начале утреннего шторма, – а Стен подозревал, что это происходило каждый день, – огромная область пластин крыши повернулась и встала ребром, чтобы сбросить с себя тонны наваленного песка. А пока Стен вбирал в себя первые глотки холодного воздуха, он услышал где-то далеко за лесом колонн пронзительный шум и рев. Он предположил, что это просто где-то сбрасывается с крыши песок. Затем рев раздался из другого места. Потом из третьего. Секция за секцией, площадка за площадкой, пластины, образующие крышу, вставали ребром и сбрасывали к основанию колонн наваленный сверху песок.

Стен включил маленький фонарик и осмотрел двигатель «космических салазок». Стрелка указателя энергии стояла на нуле. Он пожал плечами. Роб Торрен обещал прилететь, чтобы драться с ним на дуэли. Но «Сталлифер» долетит до Земли только через десять дней, и понадобится еще три-четыре дня для тщательного осмотра корабля в поисках его, Стена.

Затем будет расследование. Оно может продлиться неделю, две или даже дольше. Затем будут сделаны выводы, на которые потрется еще неделя или даже месяца.

Все это время Роб Торрен не сможет покинуть Землю. А затем ему будет нужно еще несколько дней, чтобы нанять космический корабль, — а так как этот корабль будет лететь явно медленнее, чем громадный лайнер «Сталлифер», то ему нужно будет еще две недели, чтобы прилететь сюда. Итого, получается всего три месяца. Стену не хватит на это время еды. И воды ему тоже не хватит.

Если бы он мог добраться до ледника на полюсе, где есть вода, и на краю его посеять специальные семена, которые входили в аварийный комплект, и которые могли расти и становиться пищей почти при любых условиях. Но ему не удастся добраться до полюса без энергии для «салазок».

Он уселся на «Салазки» и направил их вверх. Те начали вяло подниматься. Его нелепый, смешной транспорт на последних крохах энергии все же летел вверх, к звездам. Мимо проплывали металлические колонны. Все ближе и ближе была крыша странного сооружения, но энергия в «салазках» кончалась. Он не долетел до крыши еще футов на десять, когда они замерли, колеблясь, в воздухе, не в силах уже подниматься. На раздумья у него оставались считанные секунды, затем «салазки» начнут опускаться, пока не лягут на песок внизу — на этот раз навсегда.

Недолго думая, Стен швырнул вверх рюкзак. Тот пролетел между плитами и приземлился на крышу. «Салазки» нырнули вниз от силы броска, но, поскольку они освободились от лишнего веса, то тут же подпрыгнули вверх, взлетели выше крыши, и на последних крохах энергии Стену удалось приземлиться.

И он обнаружил, что здесь нет ничего.

Точнее говоря, здесь колонны крепились к массивным балкам, образующим гигантскую открытую сеть. На балки, тянущиеся рядами с севера на юг, были наброшены

громадные металлические плиты, крепившиеся к балкам подшипниками, на которых могли поворачиваться и становиться ребром по замыслу какого-то безумного конструктора.

Еще были маленькие выпуклости, которые могли содержать моторы для их поворота. И больше не было ничего, кроме сооружения, плит и песка футов на триста ниже. Не было никаких намеков на то, для чего нужны эти плиты, балки и вообще все сооружение. Не было никаких признаков людей или существ, управляющих плитами. Казалось, все это сооружение – монотонное, невыразительной, бессмысленное и ужасно скучное, – было лишь пустой тратой сил, материалов и средств. Оно простиралось до самого горизонта – и не делало ничего, не служило никакой цели, кроме того, чтобы время от времени сваливать вниз накапливающийся на крыше песок. Все это было полным абсурдом.

Но у Стена была более насущная задача, чем разгадка цели сооружения. Он находился на высоте в триста футов над землей. Ему потребуется еда и вода. Когда наступит день, здесь снова начнется ураган. Внизу, даже пристегнутому к металлической колонне, даже в скафандре, ему пришлось нелегко. Здесь же ветер будет гораздо сильнее. Стен сомневался, что тросик выдержит такой шторм. Вероятно, он сумел бы спуститься на землю, но что ему делать там?

Пока он спорил сам с собой, внезапно раздался тонкий, пронзительный свист, идущий откуда-то сверху. Свист пришел с далекого юга, прошел над ним и замер в северном направлении. Понижение тональности указывало на то, что объект снижался. Свист этот очень походил на звуки, которые издает летящий в атмосфере космический корабль – что было, конечно, немыслимо на необитаемой, даже не имеющей названия планете звезды Кор Альфа. Стен внезапно почувствовал себя очень одиноким, пока стоял на железной плите в тридцати этажах над землей, на чужой

планете под недружелюбными звездами, а вокруг с одной стороны была пустыня, а с другой загадочное, чудовищной сооружение, уходящее к горизонту.

Он без всякой цели включил рацию скафандра.

Послышалось громкое шипение статики.

И вдруг, перекрывая его, раздалась четкая, ясная передача, явно посланная передатчиком космического корабля:

– Прошу помощи! Прошу помощи! Космический корабль «Эребус» терпит бедствие на планете звезды Кор Альфа. Сгорел главный двигатель. Я совершила посадку на темную сторону планеты. Если кто-нибудь слышит меня, п-пожалуйста, ответьте! При п-посадке разбился и вспомогательный двигатель! Прошу помощи! Прошу помощи! Космический корабль «Эребус» терпит бедствие на планете звезды Кор Альфа...

У Стена Бакли не было энергии. Он не мог покинуть это место. «Эребус» сел где-то в пустыне, покрывающей всю планету, за исключением странного сооружения. Когда наступит рассвет, снова начнется песчаная буря. С сожженным главным двигателем и разбитым вспомогательным корабль не сможет взлететь. Дневной шторм непременно опрокинет его и погребет под сотнями футов песка.

Стен знал «Эребус». Конечно же, знал. Это была космическая яхта, принадлежавшая Эстер Хьюм. И голос, который он услышал, был голосом Эстер, девушки, на которой он должен был жениться, если бы Роб Торрен не выдвинул против него обвинение со всеми вытекающими... И вот теперь она будет завтра похоронена заживо в маленькой яхте, в то время как он не может прийти ей на помощь.

Он уже было попытался связаться с ней, когда с запада пришел гул. Стен повернулся и при свете звезд увидел, как большие плоские плиты – от пятидесяти до сотни футов в длину, – медленно повернулись. Площадка величиной в квадратную милю внезапно изменилась. Все плиты встали ребром, чтобы свалить с себя груз песка. Воздух заполнил

гул и скрежет. Затем еще одна секция величиной с милю произвела такое же бессмысленное действие. Движимый чистым отчаянием, Стен резко сказал в микрофон:

– Эстер! Потерпи полчаса! Я свяжусь с тобой позже. У меня есть маленький шанс помочь тебе, и я должен воспользоваться им! Полчаса, слышишь?

Услышав ее невнятное восклицание, Стен бросился к концу ближайшей плиты. Было безумием даже думать об этом. У плит не могло быть иной цели, кроме как собрать на себя кучу песка, а затем, повернувшись, сбросить его вниз. Но в конце каждой плиты, там, где она соединялась с балкой, было небольшое утолщение. И это утолщение могло оказаться двигателем. Он достал из инструментального набора маленькую горелку, щелкнул кнопкой, и на ее конце вспыхнул крошечный голубоватый язычок пламени.

Стен направил пламя на утолщение у края плиты. Что-то же заставляет плиту поворачиваться. Значит, тут должен быть двигатель. И этот двигатель мог находиться только в утолщении. Он направил на него пламя горелки. При первом же прикосновении пламени взвился дымок, металл моментально раскалился добела. Покрытие было железным.

Но, взрезая крышку, Стен понимал, что колонны и плиты не могут быть просто из железа. Ежедневные песчаные бури должны буквально за недели источить даже самое прочное железо. Значит, все сооружение покрывало нечто вроде пластика – прочного, который не мог стереть ветер. Он не царапался, потому что был твердым. Частицы песка легко скользили по нему. И там, где железо было бы «съедено» миллион раз, пластик устоял.

Стен срезал крышку утолщения и откинул ее в сторону. Фонарик скафандра осветил пустоту внутри. Там был двигатель, выглядевший удивительно знакомо, хотя и явно сделанный не людьми. У него был вал, а на вале были укреплены четыре пластинки из чего-то, странно напоми-

нающего графит. Только и всего. Ни катушек, ни арматуры. Ни малейших признаков магнитов.

Люди использовали такой же принцип, но для иной цели. Он использовался в космических кораблях. Поле Боддона-Холла делало его весьма эффективным. Такие же графитовые пластинки двигали «Сталлифер», только там они были чудовищно громадными, весом в четверть тонны каждая. К плиткам вели изолированные кабели. Четыре кабеля, соединенные попарно, уходили в балки, образующие гигантскую сеть.

Почти без всякой надежды Стен одним взмахом горелки перерезал два кабеля. Затем вытащил соединительный кабель из «салазок» и соединил его с кабелем из плиты. Сверкнула искра электроразряда. Стен стал ждать.

Стрелка указателя энергии «салазок» дернулась и стронулась с места, показывая, что аккумуляторы заполняются током. Поразительно сильным током! Уже через минуту стрелка оторвалась от нуля. Через четверть часа показала, что аккумулятор заполнен наполовину. И тут все вокруг заскрипело!

Стен прыгнул к скрещению балок и увидел, как все плиты вокруг начали поворачиваться – кроме той, у которой он перерезал кабель. С ужасным скрипом они встали вертикально.

Наваленный на них песок с шумом рухнул вниз. Только плита, двигатель которой Стен обесточил, осталась неподвижной. Внезапно во вскрытой полости замелькали яркие искры, словно кто-то увеличил напряжение, чтобы повернуть неподвижную плиту, потом вспыхнула, но тут же погасла ослепительная голубоватая вольтова дуга.

Все гигантские плиты, которые развернулись, со скрипом вернулись в обычное положение, плоскостью к звездам. И больше ничего не случилось. Абсолютно ничего.

Еще через десять минут стрелка счетчика энергии показала что аккумуляторы «салазок» полностью заправлены.

Стен закрепил на «салазках» рюкзак, сел сам и полетел на север, похожий на ведьму на помеле. Уже в воздухе он отправил по рации сообщение:

– Я лечу, Эстер! Дай мне направление. Нужно спешить. У нас времени только до рассвета!

Он пролетел миль пятьдесят, прежде чем принял ее сигналы. Наступило тревожное время, пока он искал беспомощную космическую яхту, которая упала вместе с Эстер в пустыню. Эстер была предупреждена и готова. Нечего было и думать о ремонте двигателя яхты. Для того чтобы двигатель работал в поле Боудона-Холла, нужны были чудовищные стержни и пластины из аллотропного графита. Его можно было собрать в гигантской сети сооружения, но нужное количество просто невозможно было транспортировать на «салазках». Так что нынешней ночью ремонт даже не стоял на повестке дня. Эстер оставила на корабле маленькое сигнальное устройство, каждые пять секунд посылающее радиосигнал. Она уже была в скафандре, с двумя аккумуляторами и канистрой с водой, какую смогла унести.

«Салазки» снова взлетели. Они не были предназначены для полетов в гравитации планеты, потребляли слишком много энергии и рыскали из стороны в сторону, поэтому Стену безопасности ради пришлось подняться повыше. Лицевые пластины их скафандров были закрыты, так что казалось, что они летят среди звезд. Они сидели вплотную друг к другу, но разговаривать могли лишь по рации.

– К-куда мы летим, Стен?

– К ледниковому покрову, – кратко ответил Стен. – На северный полюс. Там есть вода – по крайней мере, иней. И дневная буря будет не такая сильная, если вообще там будет буря. Обычная погода на этой планете в тропиках – смесь тайфуна с песчаной бурей. Мы устроим жилье на полюсе и станем ждать прибытия Роба Торрена. Это займет месяца три, если не больше.

– Роба Торрена?..

– Он помог мне сбежать, – кратко сказал Стен. – Расскажу позже. Нужно глядеть вперед.

Начиная с самой посадки, у него не было времени на эмоции, особенно после падения космической яхты, теперь герметично закрытой и оставленной, чтобы оказаться похороненной под песком. Но он уже знал, как Эстер очутилась здесь. Это она рассказала ему прежде всего. Она услышала в новостях про обвинения, которые Роб Торрен выдвинул против Стена. Не поверила им. Не зная, что его повезли на Землю, чтобы Стен предстал перед трибуналом, – логичней было бы провести суд прямо на базе, – она решила полететь туда сама, чтобы сказать Стену, что она не верит во все это.

На лайнер она не смогла достать билеты, так что отправилась одна в небольшой космической яхте. В некотором смысле, это было достаточно безопасно. Судно, оборудованное двигателем Боудона-Холла, прекрасно могло совершать межзвездные перелеты. Энергия давно уже не являлась для человечества проблемой с новыми сверхъёмкими аккумуляторами, а белые карлики, служившие маяками, делали навигацию достаточно простой. Так что такой полет был несколько опрометчив, но не безрассуден. Только если бы она не разрушила двигатель, пытаясь изменить частоту его пульсаций. Когда она пролетала мимо звезды Кор Альфа, в ее поле Боулдона-Холла ударились «космические салазки», на которых Стен летел к планете. Короткое замыкание от этого удара разрушило плавкий предохранитель и сожгло двигатель хрупкой яхты. Это же перегрузило и разрушило аллотропные углеродные пластины, которые заставляли двигатель работать. Так что затруднительное положение, в котором оказалась Эстер, было вызвано не только ее заботой о Стене, но и двигателем «салазок», на которых он сбежал с «Сталлифера».

МЫСЛЕННО СТЕН обвинял себя. Жестоко и беспощадно. Но еще больше винил он Роба Торрена. В душе его снова начала расти ненависть к человеку, который обещал прилететь сюда и сразиться с ним на смерть. Но вслух Стен спокойно сказал:

– Роб прилетит сюда за мной. Поговорим об этом попозже. Он не знал, что здесь нет воды, а ежедневно поднимаются ураганы повсюду, кроме, как я надеюсь, полюса. Он считал, что я буду спокойно ждать его прилета. Что мы и станем делать. А пока что наблюдай за линией заката впереди. Мы должны следовать за ней, пока не попадем на север, к полярной ледяной шапке. Если у нас будет вода, то наши аварийные комплекты дадут нам возможность прожить неопределенно долго.

Они сидели в скафандрах, практически прижимаясь друг к другу. Но броня скафандров не давала им почувствовать это прикосновение. А в закрытых шлемах, переговариваясь друг с другом при помощи радиотелефонов, они никак не могли посчитать нынешнее положение подходящим для романа. Эстер какое-то время молчала. Затем сказала:

– Ты сказал, что у тебя нет энергии...

– Так оно и было, – ответил Стен. – Но я раздобыл энергию у местных жителей – если они вообще местные.

– Что?..

Он описал ей нелепое, бессмысленное сооружение в пустыне, растянувшееся на тысячи квадратных миль. Загадочное, бессмысленное, непонятно, для чего построенное.

– У каждой плиты есть двигатель, который поворачивает ее. Я вскрыл один такой двигатель и подсоединил кабель с «салазками». Таким образом, я заправил их энергией. Но я все равно не могу ничего понять. Здесь не может жить ни высоко цивилизованная, ни какая другая раса. И у этих плит нет никакой цели!

Далеко впереди появилась тонкая полоска света. Они пролетели сквозь ночь и настигли день. Теперь они под-

нялись очень высоко, практически покинули атмосферу на нелепых «салазках», какими пользуются шахтеры на астероидах. Потом они увидели белое солнце Кор Альфу. Лучи его были ослепительны. Они создавали четкую разделительную линию между днем и ночью. А далеко впереди лежало белое туманное пятно, являвшееся полярной ледяной шапкой планеты.

Через полчаса они приземлились, а когда слезли с «салазок», то увидели, что песок тут уже не сухой порошкообразный, а отчетливо сырой. Солнце висело низко над горизонтом. В тени песчаных пригорков лежал иней. Вся влага планеты была сосредоточена в песке на полюсах, а за время долгих зимних ночей песок промораживался так, что даже летом мерзлота сохранялась в тени.

Стен кивнул на бросающую длинную тень дюну в полумиле отсюда.

– Спать придется в скафандрах, – сухо сказал он. – Там, куда не падает солнце, царит вечная мерзлота. Ты заметила, что здесь ничего не растет? Даже мха?

– Слишком холодно?

– Вряд ли, – покачал головой Стен. – Мхи и лишайники растут на земле на дальнем севере, как только растает земля. И на любой планете, какую я только посещал. Если бы на этой планете вообще были растения, то они росли бы именно здесь, где есть вода. Но здесь ничего нет. Значит, это планета безжизненна. Совершенно безжизненна!

Нелепость этого заявления поразила его. Было бесспорно, что чудовищная сеть создана разумными существами и на нее потрачено много средств и ресурсов. Но...

– Черт побери! – воскликнул Стен. – Как здесь вообще может быть жизнь? Как при таких бесконечных песчаных бурях могут выжить растения? Как без растений могут существовать животные, кто будет им перерабатывать полезные ископаемые и превращать их в пищу? А как могут растения или животные жить без воды? Если бы где-то здесь

была жизнь, она должна располагаться поближе к воде. И раз уж здесь нет ничего, то ничего нет и на всей...

Они добрались до вершины дюны. Эстер охнула и указала рукой вперед. Там тянулся по песку чудовищный, ужасающий след. Что-то появилось из зоны, где бушевали песчаные бури, прошло по песку и снова вернулось в тайфун. Судя по следам, у этого нечто было десять, двенадцать или двадцать ног, как у какой-то невероятной многоножки. Расстояние между парами ног достигало пятнадцать футов. А каждый шаг был около двух ярдов.

ВТЕЧЕНИЕ ТРЕХ дней по хронометру на «космических салазках» маленькое белое солнце Кор Альфа кружило возле горизонта, но ни разу не зашло за него. Что было естественным, потому что они были на полюсе планеты, и сейчас здесь стояло лето. И за все три дня Стен с Эстер не увидели ни единого живого существа. Ни птицы, ни животного, ни насекомого, ни растения, ни мха, ни лишайника. Они произвели посадку семян из аварийного запаса, рассчитанного на то, то потерпевшим крушение придется ждать не просто недели или месяцы, а, возможно, и всю оставшуюся жизнь.

Растения эти были выведены специально для таких случаев и обладали потрясающей способностью к адаптации. Через четверо суток из влажного песка появились первые ростки. Через семь дней их уже будет можно употреблять в пищу. А если дать первой партии возможность вырастить семена, то вскоре вокруг выросли бы настоящие джунгли, которые могли пропитать двоих человек.

Во всем же остальном они жили хуже, чем дикари на Земле. У них не было ни жилища, ни убежища. У них не было никаких строительных материалов, кроме песка. Спали они в скафандрах. У них не было никаких занятий, кроме как присматривать за растениями и ждать прибытия Роба Торрена. А когда тот прилетит – присутствие Эстер все из-

менит. Торрен прилетит, чтобы драться со Стеном на дуэли, призом в которой должна быть рука Эстер. Но если бы она сама присутствовала при этом, зная правдивую историю лживых обвинений Торрена, то у него не было бы надежды завоевать ее после смерти Стена. Он бы не извлек из дуэли никакой пользы. Единственное, что ему оставалось бы сделать, так это убить их обоих, чтобы обезопасить себя на будущее или, по крайней мере, из мести за свои разбитые надежды. И если бы ему удалось убить Стена любым способом, в честном бою или при помощи грязной уловки, то Эстер осталась бы целиком в его власти.

Так размышлял Стен, ненавидя Роба Торрена с такой силой, какой не испытывал, даже сидя в камере на «Сталлифере». Изрядная часть его ненависти исходила от беспомощности. Он не мог ничего изменить, но в отчаянии только и думал об этом.

На четвертый день он внезапно сказал:

– Эстер, давай-ка предпримем путешествие.

Она посмотрела на него, не говоря ни слова.

– За энергией, – пояснил Стен, – и, возможно, еще кое за чем. Может, мы сможем узнать что-нибудь еще. Например, обитаема ли эта планета. Она не может быть обитаема, но то животное... Возможно, оно как-то связано с теми, кто – или что – построило сеть, о которой я тебе рассказывал. Кто-то или что-то создало ее, но я понять не могу, как может кто-то выжить в этих ужасных песчаных бурях.

Они сели на «салазки» и отправились по огромным следам, которые обнаружили, как только прилетели на полюс. Громадные, тянущиеся через каждые два ярда отпечатки монстра тянулись на десятки миль. В конце цепочки следов был огромный пролом в крутых отвалах из замороженного песка. Казалось, эта тварь сожрала тонны песка со льдом, затем отрыгнула сухой песок обратно, а тонн двадцать-тридцать воды унесла с собой.

Факты упрямо твердили, что не может быть никакой животной жизни на планете без растительности, а ничего не может расти в пустыне, которую ежедневно пропахивают ужасные тайфуны. Здесь ничего и не росло. Монстру с десятками шестифутовых ног, способному потреблять ради воды тонны песка со льдом, нужно было бы много еды для восполнения энергии. Но казалось невероятным, что можно отыскать какую-нибудь еду в центре постоянных бурь.

– И еще одно, – добавил Стен. – Когда мы пополним запасы энергии, я могу расплавить песок и сделать из него дом, а может и стулья с кроватями, где можно было бы сидеть и лежать, вместо того, чтобы постоянно ходить в скафандрах. Возможно, нам даже удалось бы наладить в доме обогрев.

Эстер улыбнулась ему.

– Любимый, – сказала она с вымученной улыбкой, – ты понятия не имеешь, как я была бы рада, чтобы у нас был твердый пол вместо песка, и стулья, даже если бы не было крыши.

Действительно, они были в положении потерпевших кораблекрушение на Земле, выброшенных на песчаный риф, где не было даже раковин или рыбы. Им буквально нечего было делать, только разговаривать друг с другом.

– А если бы мы смогли сделать ванну... – добавила она.

Мысли ее были ясны. Но Стен не сказал ей, почему, с его точки зрения, у них не было ни малейшей надежды. Не было никакого смысла усиливать ее отчаяние.

– Посмотрим, – сказал он. – Поехали.

«Космические салазки» в длину были лишь пять футов. К основной оси крепились двигатель и аккумулятор, а сверху – сидение с ремнем безопасности. Два человека в космических скафандрах все равно сумели устроиться на нем. Как ехали бы вдвоем на велосипеде, а Стен не хотел оставлять Эстер одну. По крайней мере, после того, как они увидели эти ужасные следы.

Еще при первой посадке Стен машинально отметил время восхода солнца, а позже так же заученно определил продолжительность дня на этой планете. Чтобы найти место его первоначальной посадки, нужно было лишь следовать за линией рассвета над пустыней.

Они летели в верхних слоях стратосферы, а когда Стен увидел сеть, то начал полого спускаться к ней. Она возникла из тьмы безлунной ночи. Он посадил «салазки» на одну из громадных балок, к которым крепились на шарнирах металлические плиты, находящиеся в трехстах футах над землей. Ближайшая плита была свободна от песка. Очевидно, уже успела сбросить его. Эстер пораженно смотрела на нее.

– Но... Стен, это же сделали люди! – воскликнула она. – Если мы сумеем вступить с ними в контакт...

– Оставайся на «салазках», – сказал Стен и махнул рукой в сторону выпуклости в том месте, где плита крепилась к балке. – Я вскрою полость ее двигателя и достану кабель. У нас почти закончилась энергия. Нужно снова наполнить аккумуляторы.

Он достал резак и принялся осторожно вскрывать крышку мотора плиты. Свернулось, как стружки, и задымилось пластиковое покрытие. Металл раскалился добела и расплавился.

Внезапно раздался чудовищный скрежет. Все плиты на протяжении квадратной мили вокруг стремительно повернулись и стали ребром. Только отчаянный прыжок на балку спас Стена от падения с высоты в тридцать этажей.

Плиты стали вертикально к земле. Стен ждал.

– Стен, это сделали нарочно! – испуганно воскликнула Эстер.

– Вряд ли, – ответил Стен. – Через минуту они встанут на место.

Но плиты не шевелились. Они так и оставались, направив ребра к рассветному небу.

– Ну. Может, ты и права, – буркнул Стен. – Поглядим. Попробуем в другом месте.

Через пять минут они сели за несколько миль отсюда. Стен молча оставил «салазки» с Эстер на небольшой платформе, образованной пересечением двух балок, а сам снова достал резак. Крошечный голубой язычок пламени. Дымок при первом прикосновении его к выпуклости. Расплавленный металл.

С ужасающим скрежетом все плиты в округе встали ребром.

– Кто-то не хочет, чтобы у нас была энергия, – мрачно сказал Стен. – Может, они сумеют нам помешать, а может, и нет.

Выпуклость, в которой находился приводивший в движение плиту мотор, была рядом с надежным перекрещением балок, где сидела на «салазках» Эстер. Стен потянулся к ней. Вспыхнул огонек резака. Металлическая крышка отлетела, обнажая мотор, точно такой же, какой Стен видел в прошлый раз, состоящий из пластин аллотропного углерода. Стен перерезал кабель, но только успел соединить его с выводом салазок», как раздался треск, и из «салазок» пошел дым.

СМРАЧНЫМ видом Стен осмотрел повреждение. – Сгорел плавкий предохранитель, – сообщил он Эстер. – По нам нанесли удар. Когда я первый раз вскрыл полость мотора плиты и запасся энергией, об этом узнали. Пластины сегодня повернулись, чтобы отпугнуть меня, как только я полез к мотору. А когда я не испугался и перерезал кабель, по нему дали большое напряжение, чтобы убить меня или разрушить, независимо от того, что я такое. Не знаю, жизнь это или нет, но здесь есть разум – и очень неприятный разум, надо сказать!

Хмурясь, Стен заменил в «салазках» предохранитель.

– И никаких попыток общаться с нами, – жестко произнес он. – Они узнали, что кто-то разумный проник к мотору. Они поняли, что возникла экстренная ситуация. Они должны были подумать...

Он замолчал. Раздалось слабое, на грани слышимости, жужжание, но оно становилось все громче. Казалось, оно несло из ниоткуда – или отовсюду. Но это не был монотонный свист ветра. Это было именно жужжание, перемежаемое равномерным клацаньем. Оно странным образом походило на звук автомобиля, едущего по древнему железнодорожному полотну. Эстер завертела головой и воскликнула:

– Стен! Вон там!..

Что-то несло к ним в сером рассвете. Это была машина. Даже в первый момент потрясенный Стен сразу же понял, что это такое и для чего создано. Это была громадная выпуклая платформа, стоящая на подобных сваям ногах. Ноги заканчивались колесами, и колеса катились по поперечным балкам, как по железнодорожным шпалам. Это явно была машина, сконструированная специально для езды по балкам и плитам гигантского сооружения.

Наверное, она служила для того, чтобы быстро добраться до места, где возникли какие-то неполадки, и произвести ремонт, а величина и вес ее были такими, чтобы даже местные тайфуны не смогли сдвинуть ее с места.

И она с потрясающей скоростью неслась к ним по балкам.

– Держись! Быстро! – рявкнул Стен.

Эстер крепче схватилась за «салазки», хотя скафандр – очень неуклюжая штука. «Салазки» метнулись вверх» буквально за секунды до того, как колоссальная машина достигла того места, где они только что находились. Поднявшись на сотню футов, они остановились и развернулись лицом к колоссу. Тот тоже затормозил, словно наблюдая за

полетом крошечных, по сравнению с ним, «салазок» с двумя пассажирами.

– Он выглядит разочарованным, – сурово заметил Стен. – Интересно, станет ли он нас преследовать?

Он быстро отлетел в сторону и приземлился. В ту же секунду возникло сотрясение и раздался гром, когда огромная машина двинулась. Стен глядел, как она помчалась за ними. В ту же секунду его оглушил скрежет. Во всех направлениях плиты начали становиться вертикально, чтобы беглецы не могли перелетать с одного ряда плит на другой.

«Салазки» снова взлетели. И снова громадная машина оказалась там, где они только что были, и остановилась, словно разочарованная. Стен послал «салазки» под углом к прежнему курсу. Гигант сперва рванулся было со скоростью молнии в прежнем направлении, но тут же резко остановился и развернулся в нужную сторону.

– Чудовище словно говорит нам: «Оставайтесь на земле, чтобы я мог вас раздавить, – сказал Стен. – Они больше не позволят нам взять у них энергию, так что нам нельзя тратить ее впустую. Но все же... – Он стал крутить колесико настройки рации в шлеме, направив одновременно «салазки» по широкой спирали. – Я хотел проверить, не пытаются ли с нами связаться по радио. А заодно получить всестороннее представление об этой проклятой шахматной доске!

В наушниках слышались какие-то очень слабые сигналы.

– Что-то есть, – сказал Стен. – Явно не радиопередача. Скорее случайная гармоника от силового луча. Должно быть, они используют очень короткие волны.

Говоря, он внимательно разглядывал монотонную сеть внизу, и внезапно, с коротким криком, вытянул вперед руку. Под ними все сплошь до самого горизонта было заполнено геометрически строгими квадратами сетки. Но один квадрат отличался от остальных. Когда «салазки» подлетели

поближе, стало видно, что посреди его зияет дыра наподобие шахты, ведущей в нутро этого строения. И пока Стен рассматривал ее, снизу по ней начало что-то стремительно подниматься. Это была платформа, на которой что-то стояло.

– Это... это... – с трудом выдохнул Стен и внезапно бросил «салазки» вперед на максимальной скорости.

Они летели над крышей громадного сооружения, а машина внизу мчалась за ними, повторяя все их неистовые повороты и зигзаги.

Горизонт был темным и пустым. Но Стен поднял «салазки» по траектории, подобной курсу взлетающей ракеты, и направил их к полюсу, так что вскоре над горизонтом вынырнуло белое солнце. Внизу была узкая полоска, которую уже не скрывала тьма, но где было еще спокойно, и там отчетливо были видны бесконечные дюны. А за этой полоской, где начинался тайфун, можно было увидеть лишь монотонно несущиеся облака песка.

Стен молчал почти весь обратный путь, лишь однажды спокойно сказал:

– Наши аккумуляторы скоро закончат заправляться. Мы ведь все-таки успели взять у них часть энергии, прежде чем накрылся плавкий предохранитель.

Эстер ничего не ответила. На планете существовала жизнь. Она узнала об их присутствии и тут же попыталась убить за кражу всего лишь нескольких мегаватт энергии. Трудно будет прийти к соглашению с теми, кто так дешево ценит другую жизнь.

Поскольку единственный источник энергии на планете теперь охранялся, все остальное казалось не таким уж важным. Но так было до тех пор, пока они не достигли ледникового покрова. А когда же они стали спускаться из стратосферы по пологой орбите к месту, которое уже называли своим домом, потому что там было посажено их единственное поле, прояснилось реальное состояние их дел.

По полю взад-вперед передвигался колоссальный многоногий объект, сопоставимый размерами с той машиной, что гонялась за ними по крыше странного сооружения. Он был пятьдесят футов в высоту и имел округлое тело двадцати футов в диаметре. Круглые образования на одном его конце напоминали глаза. Он с силой вбивал свои многочисленные ноги в мокрый песок, превращая саженцы в однородную массу, смешанную с тем же песком. Он снова и снова топтался на том месте, где могли вырасти продукты, необходимые для выживания людей. Он разбил все их надежды на пропитание. Разбил все их надежды выжить в этом негостеприимном мире.

А когда Стен опустил «салазки» пониже, чтобы разглядеть эту машину более ясно, она остановилась и повернулась к ним с несвойственной механизмам свирепостью. Когда Стен полетел в другую сторону, она повернулась за ним. Он прибавил скорости, но она не отставала, несясь за ним с удивительной быстротой.

Затем они увидели еще одну машину. Вторую. Третью. Темные пятнышки были разбросаны по полярному ледяному песку – машины, как та, что растоптала их поле, уничтожив будущие запасы пищи. И каждая из них меняла свой курс и немедленно направлялась в их сторону. Если они приземлятся, машины ринутся в ближний бой.

Стен понимал, что у них с Эстер ограниченные запасы энергии, поэтому «салазки» не могут вечно оставаться в воздухе. Они должны где-нибудь приземлиться...

И ОНИ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ. Им это удалось за тысячу миль от полюса, на темной стороне планеты, где не было ничего кроме песка, выглядевшего замороженным в свете звезд. Когда «салазки» коснулись земли, Стен предупреждающе поднял руку, потом потянулся и выключил радиацию на скафандре Эстер. Затем откинул лицевую панель своего шлема и вдохнул холодный полуночный воздух. На

планете не было ни облаков, ни водяного пара, поэтому все тепло, которое запасалось днем, улетучивалось в окружающее пространство, и буквально уже через час после заката температура опускалась ниже нуля по Цельсию. На полюсах воздух подходил к точке замерзания, но жить здесь было можно, поэтому Стен кивнул Эстер, и та открыла свой шлем.

– Никаких радиопереговоров, – сказал он ей. – Вряд ли они смогут найти нас на поверхности планеты в несколько миллионов квадратных миль, если мы не будем пользоваться рациями. А теперь тебе нужно поспать. Впереди нас ждут трудные времена!

Эстер заколебалась, потом спросила с отчаянием в голосе:

– Но кто они? Как выглядят? И почему они хотят убить нас?

– Они местные жители, – ответил Стен. – Я был не прав, планета обитаема. А как они выглядят, я знаю не больше, чем ты. И я подозреваю, что они хотят нас убить только потому, что мы – чужаки.

– Но как на такой планете могла появиться разумная раса? – скептически хмыкнула Эстер. – Как они выживали здесь все время своего развития?

– Мы просто должны признать, что они существуют, – пожал плечами Стен. – А как и почему – не так уж важно. Здешнее солнце – белый карлик. Значит, когда-то, давным-давно, оно взорвалось. Превратилось в Сверхновую. Возможно, существовали другие планеты, находящиеся ближе к нему, но они испарились, когда взорвалось солнце. На этой планете все, разумеется, погибло, и она долго, очень долго была совершенно непригодна для жилья по любым меркам. В Крабовидной Туманности есть карликовая звезда, которая плавит железо на расстоянии четырех световых часов. Она была сверхновой тысячу двести лет назад. Так что можешь себе представить, сколько времени

на этой планете было действительно плохо. Я полагаю, что когда взрыв Сверхновой превратил в газ внутренние планеты, на этой были уничтожены все моря и леса, а так же сдута большая часть атмосферы. На ее поверхности было убито все живое. Даже почвенные бактерии. Поэтому здесь не должно существовать никакой жизни.

– Но... – перебила его Эстер.

– Но, – продолжал Стен, – здесь жили люди – те, кто называл себя людьми, – у которых уже тогда была развитая цивилизация. Они знали, что произойдет. Они не сумели изобрести межзвездный двигатель, иначе бы улетели отсюда. Или они просто решили остаться. В подземельях. Вероятно, они вырыли шахты и пещеры на глубине десяти-двадцати миль. Вероятно, некоторые шахты не выдержали и обрушились, когда взорвалась Сверхновая, но часть людей все же выжила. Много столетий они жили под землей. Вынуждены были там жить! Может быть, они оставались под землей пятьдесят тысяч лет, пока Кор Альфа стала сиять не так интенсивно, чтобы они смогли выйти на поверхность. Все это время на планете не было никакой атмосферы. Им предстояло бороться за выживание. Они создали новую цивилизацию, подземную цивилизацию, и перестали даже думать о звездах. Наверняка у них были трудности с энергией – они ведь не могли использовать горение, поскольку запасы воздуха были ограничены. Наверное, они научились преобразовывать высокую температуру, царившую на поверхности, в электрический ток. Почему бы и нет? И пятьдесят тысяч лет, а, может, и дольше, они жили, даже не думая о том, что делается на поверхности их мира. Но по мере того, как остывала карликовая звезда, им все больше требовалась высокая температура.

Стен замолчал и прислушался. Но в ледяной ночи не раздавалось ни звука. Были лишь яркие, немигающие звезды, бесконечный песок – и холод.

– Поэтому они снова начали двигаться к поверхности, – продолжал он. – Вернулась атмосфера, молекула за молекулой, влекомая обратно тяготением планеты. Расплавленный камень, целиком покрывавший поверхность, постепенно начал трескаться от перепада дневной и ночной температур и превращаться в песок. Когда атмосфера восстановилась, этому процессу помогли ветра. И поверхность планеты превратилась в пустыню. Люди по-прежнему не могли жить на ней, да, вероятно, и не хотели. Но им была нужна энергия. Поэтому они построили ту чудовищную сеть, которую теперь так ревностно охраняют.

– Ты хочешь сказать, – недоверчиво спросила Эстер, – что это и есть генератор?

– Трансформатор, – поправил ее Стен. – Он превращает солнечное тепло в электрический ток. На Земле в тропиках солнечный свет дает киловатт энергии на каждый ярд поверхности – больше трех миллионов киловатт на квадратную милю. Размеры здешней «шахматной доски» – по меньшей мере, сто пятьдесят на двести миль. Энергии она дает столько, что превышает на сто тысяч миллионов киловатт, чем вся Земля использует в наше время! Эти плиты наверху превращают солнечный свет в электричество, а это бесспорно, поскольку я заправил аккумуляторы от одной из них. Вот для чего существует это сооружение, и вот для чего еженощно сбрасывается с них песок – он мешает работе. А я вмешался в их работу, и здешние жители очень расстроились. У них, конечно, есть запасы воды там, внизу, но многоногие машины дополнительно собирают ее на полюсах. А когда они устроили охоту на нас, то вся система была нарушена! К счастью, у них нет летающих аппаратов, вероятно, из-за царящих здесь тайфунов.

Наступила короткая тишина. Затем Эстер медленно произнесла:

– Это... это весьма вероятно, Стен. Я в это верю. Они понятия не имеют о космических полетах, поэтому не по-

няли. Что мы просто потерпели кораблекрушение. Они ничего не поняли, и теперь пытаются убить нас, чтобы устранить проблему, которую мы для них представляем. Без сомнения, все дело в этом. У них здесь развитая цивилизация, и они сделают все, чтобы добраться до нас – и даже не подумают вступить с нами в контакт! Стен, разве мы можем что-нибудь сделать?

– Ну, почему же? – тихо ответил Стен, стоя в холодной ночи на планете, даже не имевшей названия. – Мы много что можем! Мы варвары по сравнению с ними, Эстер, но у варваров есть то, о чем забыли цивилизованные люди. У всех дикарей есть копья, в то время как цивилизованный человек не всегда носит с собой даже перочинный нож. Если мы разыщем «Эребус», то, вероятно, можем бросить вызов всей планете – пока они не решатся использовать свое вооружение. Но сейчас ты буквально засыпаешь. Я буду на страже.

Эстер с сомнением посмотрела на него. За пять прошедших дней песчаные бури должны были полностью похоронить космическую яхту.

– Вряд ли это возможно, – сказала она, но тут же задумчиво добавила: – Но как было бы здорово оказаться снова на «Эребусе». Как было бы здорово снять, наконец, этот чертов скафандр! И, – твердо добавила она, – в конце концов, Стен, мы помолвлены! И ты как хочешь, но мне бы хотелось выяснить, можно ли поцеловаться в открытых шлемах, не снимая их...

– Иди спать! – грубо оборвал ее Стен.

ОН РАСХАЖИВАЛ взад-вперед по песку. Все было удивительно не похоже на то, как неоднократно описывались кораблекрушения в фантастических журналах. В тех рассказах герой всегда бывал удивительно изобретателен. Он изобретал убежища от опасных туземцев и всегда оказывался на чужой планете с героиней, на которой был

часто женат. У него было полным-полно всяческих припасов, а также масса полезной информации, и он изобретал удивительные сигнальные устройства, охраняющие их от внезапного нападения. Но прожив пять дней на этой планете, Стен не сделал ничего, потому что здесь ничего не было. Он даже не смог построить жилище для Эстер, потому что здесь не было ничего, кроме песка. И оказалось, что в информации мало толку, когда вокруг лишь пустыня с ежедневными свирепыми песчаными бурями.

То, что он сказал Эстер, было всего лишь предположением, лучшим предположением, которое он сумел придумать, отчасти даже вероятным, но все равно лишь предположением. Единственной достоверной информацией, которую он получил до сих пор, была конструкция электродвигателя местных жителей. И на этот мизерный шанс он вынужден был поставить свою жизнь и жизнь Эстер!

Он взглянул на часы. За добрых полчаса до полуночи он проверил то немногое, что мог сделать. Чуть позже разбудил Эстер. Минут за двадцать до того, как линия заката достигнет сети-сооружения, они взлетели вверх. Если план Стена не сработает, они умрут. Он собирался поставить их жизнь и последние остатки энергии на информацию, полученную от вида двигателя плиты и на вывод, что все двигатели на этой планете будут основаны на том же принципе. Конечно, в качестве дополнительной азартной игры, ему пришлось держать пари, что невооруженная и потерпевшее крушение космическая яхта может бросить вызов цивилизации, которая существовала здесь задолго до того, как Кор Альфа стала Сверхновой.

Они вылетели за пределы атмосферы по траектории, которая сэкономила энергию, но была чертовски неудобным способом попасть из одной точки на поверхности планеты в другую. Под ними лежала пустыня – ровная, бархатисто черная, за исключением ослепительно яркой точки на западном горизонте. Когда они приблизились к ней, точка

расширилась, превращаясь в день. И внезапно из сумрака появились, буквально выломались прямоугольные края гигантской сети.

«Эребус» лежал примерно в пятидесяти милях к северу от нее. Стен включил рацию скафандра и прислушался. Здесь не было никаких ориентиров. В течение дня рисунок дюн менялся почти ежечасно, и не могло быть и речи, что он сохранился бы на протяжении двух дней. Стен пролетел сквозь оседающие облака песка, опоясывающие линию сумрака, и убедился, что промахнулся, прошел мимо своей отметки.

Тогда он сделал круг, и еще один, направляя «салазки» по логарифмической спирали из точки, которую считал наиболее вероятной. Стрелка указателя энергии медленно, но неуклонно двигалась к нулю. Он вел поиски наугад, ночью, без малейших наземных ориентиров. Пот струйками бежал у него по лицу.

Затем он услышал тихий щелчок. Пот побежал еще сильнее. Он отчаянно старался установить местоположение маячка, который включила в яхте Эстер прежде, чем покинула ее. Когда же он, наконец, приземлился и был уверен, что «Эребус» находится прямо под ним, засыпанный песком, то посмотрел на указатель энергии и стиснул зубы. Затем Стен подошел к Эстер и прижался своим шлемом к ее, чтобы разговаривать без помощи рации.

– У нас может все получиться, если начнем прямо сейчас. Правда, для этого нам будут нужны все остатки нашей энергии. Но могу держать пари, что местные деревенщины не сумеют выследить включенный двигатель «салазок», и будут ждать утра, чтобы начавшаяся песчаная буря сама закопала нас.

До него донесся ее едва слышный ответ:

– Хорошо, Стен.

Конечно, она не могла понять, что хочет он сделать, слишком уж это было безумным.

– Послушай! – быстро проговорил он. – Яхта лежит прямо под нами. Футах в десяти, а может, и в пятидесяти – одним Небесам известно, на какой глубине! Существует минимальная возможность, что если мы до нее доберемся, то сумеем как-то ее отремонтировать. Это единственная возможность, которая пришла мне в голову, очень слабая возможность. Так что я должен предупредить тебя...

– С тобой, – прервала его Эстер, – я готова на что угодно.

Голос Стена пресекся, и он откашлялся. Затем он стал отчаянно работать, включив микрофон скафандра на полную мощность.

Кругом стояла тихая ночь в пустыне. Не было ни малейших признаков тревоги. Когда небо на востоке стало сереть, Стен показал Эстер, как собирается добраться до яхты. Двигатель «салазок», разумеется, не был основан на пульсации поля Бодона-Холла, как любая, даже самая маленькая космическая яхта. Скорее, он был вариантом отражающего метеориты луча, основанным на обычном реактивном движении. Для полетов на астероидах он был хорош. Но в атмосфере гнал за собой сильную воздушную волну, поэтому не использовался на обитаемых планетах. Но Стен решил, что этот недостаток поможет им выжить.

Когда он закончил свои объяснения, Эстер побледнела, но храбро улыбнулась.

– Хорошо, Стен. Вперед!

– Мы сэкономим энергию, если дождемся бури, – ответил он ей.

Первые порывы ветерка уже проносились над озаряемым рассветом песком. Это был теплый, набирающий силу бриз. Тонкий, как пыль, песок уже поднимался вокруг облаками, постепенно закрывавшими горизонт.

Стен направил «салазки» в яму, которую выкопал собственными, затянутыми в перчатки скафандра руками, включил гироскопы, чтобы «салазки» повисли на одном месте, потом подал знак Эстер. Когда та села позади него

на «салазки», Стен крепко связал их обоих вместе и привязал к «салазкам». А потом стал ждать.

Через десять минут первые струи песка ударили по его скафандру, а небо скрыли песчаные облака. Через двадцать порывы ветра чувствовались даже через скафандр. А через полчаса вокруг поднялась чудовищная буря.

Стен включил двигатель «салазок».

Выхлоп двигателя был направлен вниз, к погребенной в песке яхте, и он стал разбрасывать песок во все стороны.

Через четверть часа буря разыгралась вовсю, но «салазки» были скрыты от нее в яме, ее двигатели выбрасывали струи песка, которые тут же уносил ветер. Через час вокруг них уже образовался громадный, гудящий и ревуший смерч, пытающийся оторвать людей от машины и друг от друга. Но он же помогал «салазкам» копать вглубь, мгновенно унося поднятый ими песок.

Яма в песке углублялась, напоминая воронку водоворота на море.

Смерч пытался унести Стена и Эстер вверх, но двигатель «салазок» работал на полную мощность, не давая их стронуть с места, так что ветру ничего больше не оставалось, как уносить песок, помогая углублять яму.

Буря все время пыталась засыпать их яме, но «салазки» успешно боролись с этим, расшвыривая песок и двигаясь все глубже и глубже.

ЕЩЕ МИНУТ через двадцать «салазки», вырыв яму глубиной почти в пятьдесят футов, добрались до «Эребуса». Но Стену понадобился еще час ужасных усилий, чтобы добраться до люка воздушного шлюза, закрепить возле него «салазки», помочь Эстер спуститься в него – вместе с массой песка, и прыгнуть за ней самому.

В яхте Стен первым делом отключил маячок, который позволил им найти «Эребус» под тоннами песка. Здесь

было удивительно, поразительно тихо после рева бури и смерча наверху.

Эстер вылезла из скафандра и с дрожащей улыбкой посмотрела на Стена.

– И что теперь?

– Теперь, – ответил ей Стен, – если хочешь, можешь начать готовить обед. Мы давно уже не ели нормальной пищи. А я пока что погляжу, что можно сделать.

«Эребус» был действительно маленькой яхтой, всего лишь шестьдесят футов в длину и, разумеется, без всякого вооружения. Но на носу были два выпуклых блистера с установленными отражателями метеоритов. Во время полета в космосе они отталкивали небольшие метеориты или отталкивались от больших, изменяя курс яхты.

Стен изменил настройку лучей, так что теперь они посылали луч диаметров не больше винтовочной пули. Пролетев десять миль, такой луч становился шести дюймов в диаметре, а через сорок – два фута. Стен направил один вверх, а другой вниз, так чтобы один отражатель разбрасывал песок над яхтой, а второй – толкал ее вверх.

После этого он вернулся к Эстер и изложил ей свой план.

– Но, кроме этого, нужно сделать еще что-нибудь. Отражатели метеоритов не так сильны, как двигатели, так что вряд ли они смогут поднять яхту в поле тяготения планеты. И даже если это получится, без межзвездного двигателя нас отделяют от дома сотни световых лет. Чтобы отремонтировать межзвездный двигатель, нужна помощь наших приятелей с сооружения-сети.

Эстер недоуменно уставилась на него.

– Но они же хотели убить нас! – воскликнула она. – Они очень старались! И если они отыщут нас – у нас нет никакого оружия, даже взрывчатки!

– Напротив, – возразил ей Стен, – у нас, вероятно, самое ужасное оружие, какое было когда-либо изобретено, но действовать оно будет только на этой планете.

Он улыбнулся ей. Он уже тоже был без скафандра. Обед, который он попросил ее приготовить, на столе не было, но Стен не обратил на это внимания. Он подошел к ней. И в это время внешние микрофоны корпуса яхты донесли до них какой-то приглушенный звук. Он нарастал, пока не превратился в рев. Яхта внезапно вздрогнула, чуть подняв нос вверх.

– Первый шаг сделан, – бодро сказал Стен. – Я не могу терять время на обед, но...

И он жадно поцеловал ее. У пяти дней – точнее говоря, шести, считая нынешний, – проведенных в космическом скафандре рядом с девушкой, на которой Стен собирался жениться, есть свои недостатки. Объятия закованной в броню рукой бронированных же девичьих плеч не совсем то, что нужно мужчине. Держаться за руки в перчатках трехдюймовой толщины – тоже не вдохновляет. А уж поцелуи через два шлема и вовсе нисколько не романтично. Так что Стен, наконец-то, смог поцеловать Эстер по-настоящему. И лишь толчок, сбивший их с ног и прокативший по полу каюты, заставил его остановиться.

Тогда Стен рассмеялся, встал и пошел в рубку управления.

Видеоэкраны были, разумеется, бесполезны. Яхта все еще была большей частью в песке, но конусы отражателей метеоритов выкопали большую яму. Так что Стен принялся управлять отражателями, чтобы буря наверху помогала им. Время от времени яхта подпрыгивала. Стен теперь мог не экономить энергию. Это аккумуляторы «салазок» были весьма ограничены, но все пространство между двумя корпусами «Эребуса» представляло собой один гигантский аккумулятор. Яхта могла пролетать Галактику из конца в конец и все же не исчерпать их до дна. Так что теперь толчки отражателей постепенно выталкивали «Эребус» на поверхность.

Незадолго до наступления сумерек яхта уже не покоилась в песчаной яме, а лежала на поверхности, лишь наполовину присыпанная песком. В сумерках ветер начал стихать, превратившись из бури всего лишь в сердитые порывы, затем и они, в конце концов, исчезли, и наступило спокойствие, исчез даже неосязаемый почти, тонкий как пыль, песок, и в очистившемся воздухе засияли крупные звезды. И к этому времени Стен был готов.

Он включил корабельную радиостанцию и, на полной мощности, послал в ночь сообщение. Он понимал, что слова его не поймут, но радиоволны разнесли по пустыне его ироничный голос:

– Говорит яхта «Эребус». Мы лежим в пустыне, двигатели сгорели, на борту нет никакого оружия. Если хотите, можете прийти и схватить нас!

Тогда – и только тогда – он пошел и съел обед, приготовленный Эстер.

Прошло полчаса, прежде чем ожили микрофоны. Из них раздавалось клацанье, завывание и глухой стук по песку. Это был шум тяжелых машин,двигающихся к «Эребусу». Их было множество. Еще невидимые за дюнами, они окружили беспомощную яхту. Затем внезапно, одновременно со всех сторон, появились на гребнях дюн.

Вспыхнули посадочные прожектора «Эребуса». Их свет засиял в холодной темноте. Лучи заметались во все стороны.

И тут проявились машины. Вид у них был потрясающий. По дюнам шли гигантские металлические чудовища, многоножки с туловищами не меньше самого «Эребуса». Выпуклости на передних концах их тел напоминали глаза, словно гигантские насекомые ползли, чтобы сожрать яхту. В свете прожекторов мерцали громадные металлические клыки и зубастые челюсти, используемые для раскопок. Они не были специализированными боевыми машинами, но казались очень мощными и ужасными на вид.

Рука Эстер, лежащая на плече Стена, задрожала, пока девушка глядела на окруживших их чудовищ. А затем Стен, в невооруженной и беззащитной на вид космической яхте, включил противометеоритные отражатели и буквально разнес нападающих в пух и прах.

– Мы варвары, – со вздохом сказал он, – по сравнению со здешними обитателями. И в этом наше преимущество. Хотя, вероятно, оно будет лишь временным.

ОН РАЗГЛЯДЫВАЛ корпуса гигантских машин, вода лучами прожекторов во всех направлениях. Они валялись на земле, некоторые просто разрезанные на две-три части, другие же раскиданные по соседним дюнам. Одни были расколоты вдоль. У других были отрезаны чисто, словно бритвой, ноги, и корпуса лежали невредимыми, но совершенно беспомощными.

Внезапно из одного выведенного из строя гиганта выползла его уменьшенная копия, чем-то напоминавшая спасательную шлюпку. Стен ждал, что будет дальше. Появились другие маленькие копии гигантских машин. Одна бросилась было к «Эребусу», и Стен жестоко разрезал ее пополам. Больше атак не было. Вместо этого многоножки начали деловито бегать от одной поверженной машины к другой, словно подбирая выживших, а затем рысью умчались в темноту.

И все замерло.

– Они знают, что мы видели их, – мрачно сказал Стен. – Знают, что мы могли их уничтожить. И поняли, что мы не станем их уничтожать, если они снова не нападут на нас. Интересно, что они теперь о нас думают?

– То, что ты сделал, было ужасно! – вся дрожа, ответила Эстер. – Но я не понимаю, что это было! Я никогда не слышала о подобном оружии!

– Оно может существовать только здесь, – поморщившись, сказал Стен. – У нас есть противометеоритные отра-

жатели. Они отталкивают все, что угодно, своими лучами. Я сузил лучи до самого маленького диаметра и включил их на полную мощность. Только и всего.

– Но лучи противометеоритных отражателей ничего не режут! – воскликнула Эстер.

– Совершенно верно, – кивнул Стен. – Но в данном случае они работали из-под песка. Его они и отталкивали. С силой в восемьдесят тонн в луче диаметром в полдюйма. Оказавшийся в луче песок летел со скоростью в пятьдесят тысяч раз сильнее гравитации здешней планеты. Каждая частица превращалась в метеор. Ударившись в машины, они вспыхивали и становились раскаленным паром. Это было погорячее атомной горелки! А песку, из-под которого работали отражатели, здесь нет конца. Можно сказать, что я уничтожил эти машины взрывами песка, только без всякой взрывчатки. Я придумал это, когда сравнил себя с варварами. А теперь, – добавил он, – нам остается лишь ждать. Я спровоцировал нападение. Теперь же должны появиться хозяева машин. Я буду ждать до рассвета. Не думаю, что они рискнут прийти сюда во время песчаной бури. А до их сооружения-сети почти пятьдесят миль.

Он сел перед экранами, но тут же принялся зевать. Затем вскочил на ноги и зашагал взад-вперед по рубке, не сводя глаз с экранов.

– Ты не спал со вчерашнего вечера, Стен, – какое-то время спустя сказала Эстер. – Я сама могу подежурить. А ты отдохни.

– Да? Гм-м... – протянул Стен. – Ладно. Если начнется хоть какое движение, немедленно разбуди меня. Хотя может ничего и не произойти.

Он ушел в каюту, бросился на кровать и мгновенно уснул. Эстер послушно сидела в рубке, глядя на экраны. Кругом была тишина и спокойствие. Долгое время спустя она заглянула к спящему Стену. Потом заглянула к нему еще через час и осторожно погладила его волосы. Потом за-

глянула еще и нежно поцеловала – он зашевелился, но не проснулся, – и вернулась в рубку управления наблюдать за обзорными экранами.

Ничего не происходило.

Но в космосе, за миллионы миль отсюда, словно по волшебству возникла крошечная точка. Некоторое время она висела неподвижно, словно ориентируясь. Затем, казалось, нашла то, что искала, и исчезла, чтобы снова возникнуть в тысяче миль от поверхности планеты.

Больше она не исчезала, а начала спускаться к наполовину затемненному диску планеты с обычной скоростью корабля, идущего на посадку. Она спустилась на линии рассвета, зависла над самой поверхностью и затем помчалась в день, в воющие ветра и несущийся песок. Затем стремительно набрала высоту и по широкой дуге направилась к полюсу планеты.

Единственную планету Кор Альфы, на которой не было ни единого человека за все три столетия межзвездных путешествий, теперь, в течение последних десяти дней, посетили уже трижды.

Последний из трех прилетевших сел там, где иней побелил лик пустыни, и стал испускать мощные радиоволны. В рубке «Эребуса» в динамике внезапно рывкнуло:

– Стен Бакли! Я прилетел, чтобы убить тебя! Свяжись со мной!

У Эстер перехватило дыхание. Она узнала этот голос. Роб Торрен! Он прилетел на два месяца раньше, чем ожидал Стен! Смысл слов не дошел до нее. Стен не стал усугублять ее отчаяние и скрыл от нее, что Торрен прилетит, чтобы убить его на дуэли, и что ее присутствие здесь делает эту дуэль бессмысленной.

– Роб! – закричала Эстер в микрофон. – Роб Торрен! Говорит Эстер! Эстер Хьюм!..

В динамике раздался странный звук. Трясущимися руками она включила видеозэкран и увидела резкое, вытянутое лицо Роба Торрена. Он глядел с экрана на нее.

– Роб, Стен спит! – закричала Эстер. – Он не ждал, что вы прилетите так быстро! Вам, наверное, интересно, как я оказалась здесь? Видите ли...

Смеясь, она рассказала о своем отчаянном путешествии, о том, что хотела увидеть Стена еще до суда, о том, как сгорел ее двигатель из-за столкновения с «космическими салазками», на которых Стен сбежал со «Сталлифера». И, конечно же, она рассказала ему о встрече со Стеном.

– Здесь есть разумные обитатели, – завершила она свой рассказ, – и они пытались убить нас!

Она вся светилась радостью и облегчением при виде Торрена, но на его лице была смесь противоречивых эмоций.

– В чем дело, Роб? – спросила она. – У вас какой-то странный вид! – А затем добавила с внезапным сомнением. – Но, Роб, почему вы сказали, что прилетели, чтобы убить Стена? Вы пошутили, не так ли?

– Он подговорил вас! – внезапно заорал Торрен на Эстер. – Заставил притвориться. Что вы ничего не знаете? Таким образом, он хочет заставить меня увезти вас обоих в безопасное место, пообещав отложить дуэль «на потом»? Ничего не выйдет! Я засек вашу волну и вскоре прилечу. У вас наверняка нет оружия, а у меня есть! У меня одноместный корабль Космической Гвардии! Я заставил «Сталлифер» изменить курс, остановиться на Бете Лоры и посадить меня там! Я нанял этот кораблик, чтобы вернуться для поисков Стена, под мою ответственность. Я действительно планировал, чтобы он написал вам письмо, прежде чем я убью его, но так как вы теперь все знаете...

Она увидела, как он взмахнул рукой, и экран опустел. Связь прервалась.

Испуганная, она посидела несколько секунд в нерешительности, затем пошла будить Стена. После первых же ее слов он стал серьезен и напряжен.

– Что ж, приятно слышать! – ожесточенно сказал он. – Конечно, ты ничего не знала о нем, но... Наши местные приятели придумывают сейчас оружие, чтобы уничтожить нас. А теперь и он появился, и хочет ударить по нам всем, что есть на борту корабля Космической Гвардии! И уж поверь, у него достаточно оружия дальнего действия! Он может превратить нас в жареные чипсы, а нам нечем ответить! Мы не сможем победить его одной пескоструйкой! Просто не сможем!..

Он принялся надевать скафандр.

– Я пойду туда же, куда и ты! – сказала Эстер.

– Нет! – отрезал Стен. – Ты останешься в рубке управления у противометеоритных отражателей. Если в разбитых машинах прячутся уцелевшие местные жители, то ты ударишь по ним, если они попытаются напасть на меня. У меня ведь нет оружия серьезнее перочинного ножа. Так что ты будешь моим оружием, пока я копаюсь в останках машин!

ОН БЫСТРО прошел в воздушный шлюз, вооруженный лишь горелкой, и побежал к валяющимся на дюнах остаткам разбитых машин. Добравшись до первой, он увидел, что она разрезана в длину потоком частиц песка, летящих со скоростью пятьдесят миль в секунду. Ничто не могло противостоять такому удару. Никакое вещество во вселенной не способно сопротивляться ему. Четырехдюймовые стальные пластины и балки толщиной в фут были разрезаны, как тесто, а металл по краям разрезов превращен даже не в жидкость, а в пар.

Все внутренности машины были выставлены наружу. У нее были мощные челюсти, способные отрывать громадные куски льда в песке. За челюстями находились контей-

неры для сбора драгоценной влаги. Машина была рабочая, а не боевая, но могла в одиночку порвать «Эребус» на куски. Имея армию таких машин...

Стен осторожно проник внутрь машины, держа наготове резак. Там была куча каких-то непонятных устройств, изобретенных цивилизацией, развивающейся сто тысяч лет. Стену хотелось бы попытаться разобраться в них, но ему были нужны пластины аллотропного графита, которые наверняка должны быть здесь. И они здесь были. Двигатели, управляющие движением ног машины, не отличались от двигателей, управляющих поворотами плит сооружения, ничем, кроме размера. Они состояли из толстых графитовых пластин с прослойками металла. Больше там ничего не было. Такие простые двигатели можно сделать только из аллотропного графита. Только он...

Стен нагрузился черными пластинами, безжалостно кромсая машину, на изучение которой любой инженер потратил бы много месяцев. У него была уже дюжина пластин, когда внезапный взрыв снаружи чуть не сбил его с ног. Он повернулся и увидел облачко сверкающего пара, и еще Нечто, превращенное в отдельные маленькие облачка. Из темноты появлялись другие, которые устремились к нему, словно хотели задавить его своей массой. Стен не мог разглядеть их подробно, в темноте он не видел ничего, кроме неясных движущихся фигур, но сразу же понял, что это и есть местные жители.

По ним тут же был нанесен еще один удар. Эстер в «Эребусе» все отчетливо видела на инфракрасном экране и отчаянно использовала оружие, которое никогда не существовало и могло быть использовано лишь на этой планете, где столько песка.

Стен неуклюже побежал к кораблю по сыпучему песку. Какие-то совершенно нечеловеческие силуэты метнулись за ним. Стена ослепили на миг вспышки, когда Эстер уничтожила их. Он представил себе, как она сидит у экранов,

дрожащая, пронизанная ужасом того, что она только что совершила...

Он ворвался в шлюз и запер за собой люк. Эстер тут же подбежала к нему, но не дрожащая и испуганная, а наоборот, возбужденная, с горящими глазами Валькирии. Скафандра на ней не было.

– Они попытались убить тебя! – закричала она. – Они прятались! Они бы убили тебя...

Стен положил на пол пластины аллотропного графита и обнял ее, но тут же...

– Будь прокляты эти скафандры! – воскликнул он. – Милая, придется нам подождать с поцелуями, пока не будет закончена работа!

Он открыл специальный люк в полу над двигателем яхты.

– Продолжай наблюдать за экранами! – крикнул он по радиации в рубку управления. – За дюнами наверняка ждет, по крайней мере, одна машина!

Он принялся за дело, одновременно скрывая с себя скафандр. Работа предстояла весьма деликатная. Чтобы починить двигатель Боудона-Холла, заменив графитовые пластины, нужно действовать с микрометрической точностью. Но сейчас Стену требовалась не точность, а быстрота. По размерам добытые пластины почти подходили. С их помощью, по крайней мере, яхта сможет перемещаться. А если так...

Стен установил две пластины. Осталось еще шесть, когда ожил динамик в рубке управления.

– Стен Бакли! Настраивайся на мою волну! Я как раз над твоей яхтой! Стен, ты меня слышишь?

Стен беспомощно выругался. Двух пластин из восьми было еще недостаточно. Ему катастрофически не хватило времени. И ненависть от собственного бессилия охватила его. Он бросился в рубку и мрачно сказал Эстер:

– Прости, дорогая! Еще бы двадцать минут, и ты была в безопасности. Но теперь мы проиграли!

Он поцеловал ее и трясущимися от ярости пальцами повертел колесико настройки рации. На экране появился усмехающийся Роб Торрен.

– Я хочу сообщить тебе, что будет дальше, – сказал Торрен дрожащим от гнева голосом. – Я вернусь и доложу, что ты был убит при попытке сопротивления аресту. Я собираюсь сжечь яхту, чтобы никто никогда не смог опознать в ней «Эребус» – если кто-то вообще найдет ее останки! И, возможно, тебе будет приятно узнать, что это я совершил все то, в чем обвинил тебя! Я сфальсифицировал улики, чтобы они указывали на тебя. А позже я намеревался завоевать сердце Эстер, но она все испортила, прилетев сюда в попытке помочь тебе. А теперь...

– А теперь, – холодно прервал его Стен, – ты сожжешь нас с расстояния в двадцать миль. Ты не подлетишь ближе, чтобы я не ударил по твоему кораблю струей песка. Ты будешь так чертовски осторожен, что не приблизишься даже для того, чтобы увидеть победу собственными глазами. Ты узнаешь о ней лишь по приборам. Потому что ты боишься меня!

– Боюсь? – взревел Роб Торрен. – Тебе крышка!

Экран пошел рябью и погас. Стен бросился к противометеоритным отражателям и направил прицел вверх.

– Ни малейшего шанса, – очень спокойно сказал он. – Но лучи могут достать его на самом пределе. Если он подлетит еще немного поближе, и если он промахнется по нам, – но он не промахнется, – тогда я, быть может, смогу разок выстрелить...

Наступила напряженная тишина. Смертельная тишина. Верхний экран показывал множество холодных, немигающих звезд. И лишь одна из них мерцала...

– Я попытаюсь... – начал было Стен.

И словно в ответ на его слова, экран буквально взорвался светом. Казалось, в небе вспыхнула Сверхновая звезда. Невыносимый блеск заполнил рубку – и тут же исчез. Все произошло очень быстро.

Стен глубоко вздохнул.

– Я думаю, – тихо сказал он, – это был луч мощностью в сто миллионов лошадиных сил. Наверное, наши приятели, построившие сооружение-сеть, разработали оружие, чтобы сражаться с нами, и довольно-таки хорошее оружие. Им не нравятся чужаки. Торрен был чужаком, и они выпалили по нему. А потом они наверняка приедут сюда за нами. Ты уж прости, но мне нужно вернуться к двигателю!

Он прошел в машинное отделение, где были установлены две из восьми графитовых пластин, и стал лихорадочно работать. Никто еще не работал так быстро, так отчаянно и так точно. Через двадцать минут он затянул последние болты, и только успел закрыть люк к двигателям, как с ним связалась из рубки Эстер.

– Стен, идут машины! Микрофоны засекли шум их двигателей.

– Они идут, – оживленно сказал ей Стен, появляясь в рубке.

Он подошел к пульту управления и защелкал переключателями.

– При обычных обстоятельствах, – сказал он, – нужно подняться на планетарном двигателе и выйти из атмосферы. Но мы не сделаем этого по двум причинам. Во-первых, у нас не работает планетарный двигатель. А во-вторых, если мы начнем взлетать, наши местные приятели ударят по нам той штукой, которую они уже испробовали на Робе Торрене. Мощностью в сто миллионов лошадиных сил. Но мы пойдем другим путем!

И он ткнул пальцем в кнопку.

Бес всякого толчка при взлете, без ощущения движения, «Эребус» вдруг оказался в открытом космосе. На экранах

со всех сторон светились звезды – все звезды Галактики. И это не были враждебные, неподвижные, холодные звезды, какими их видели первые космонавты. Поле Боудона-Холла пульсировало со скоростью сорок раз в секунду, и с каждой пульсацией звезды заметно перемещались. Более близкие двигались стремительно, отдаленные – медленно, но все они двигались. Космос сделался небольшим и уютным, звезды стали летящими светлячками, а Край Галактики казался не дальше нескольких миль от них.

– Мы летим не слишком быстро, – сказал Стен, глядя на экраны, – не больше шестисот световых скоростей. Но до Земли мы доберемся.

– И... и что будет тогда? – спросила Эстер.

– Гм-м... – протянул Стен. – Ты можешь сообщить под присягой о словах Торрена, когда он признался, что сам совершил эти преступления, обвинил в них меня и сфальсифицировал доказательства. Я сделал запись его слов, так что ее нужно будет лишь подтвердить независимому свидетелю. И тогда меня оправдают.

– Стен! – с негодованием воскликнула Эстер. – Я хотела узнать...

– А когда меня оправдают, – прервал ее Стен, – мы поженемся.

– Вот это я и хотела узнать, – сказала Эстер.

Он поцеловал ее и вновь поглядел на экраны.

– Наши приятели, строители сети-энергосистемы, теперь получили толчок к развитию, – задумчиво сказал он. – Они узнали, что они не единственная разумная раса в Галактике, и это может им не понравиться. Они могут причинить нам проблемы! Но я думаю, с ними можно подружиться. И как можно быстрее, пока они не доставили нам неприятностей. Я думаю, что попытаюсь войти в команду, которая займется установлением с ними контактов. Это будет интересно! Скучать явно не придется!

Эстер нахмурилась, глядя на него.

– Теперь я уже рада, – сказала она, – что мы летим медленно. Потому что после возвращения...

– Послушай, моя дорогая, – великодушно ответил Стен, – я обещаю тебе время от времени возвращаться домой. А сейчас я хочу обнять тебя и поцеловать очень сильно и крепко... – Наступило долгое молчание. – Ты уверена, что сможешь выдержать это долго? – задыхаясь, спросил он.

Эстер тоже задыхалась, но улыбалась ему.

– Я... Я думаю, что выдержу все, что угодно, – сказала она.

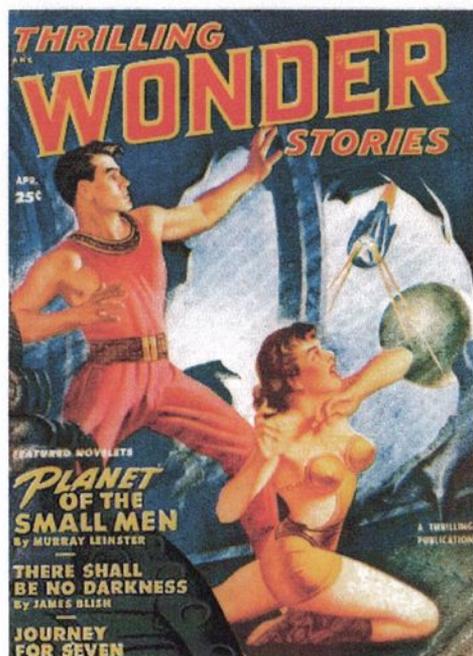
– Прекрасно! – воскликнул Стен. – А теперь идем завтракать!

(Famous Fantastic Mysteries, 1948 № 2)

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
БЕЛОЕ ПЯТНО. Повесть.....	5
White Spot (Startling Stories, 1955, Summer)	
ПЛАНЕТА МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ. Повесть.....	61
Planet the of small men (Thrilling Wonder Stories, 1950 № 4)	
ПЛАНЕТА ПЕСКА. Повесть.....	135
Planet of sand (Famous Fantastic Mysteries, 1948 № 2)	

Библиотека англо-американской классической фантастики

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

Чужие звёзды